ПЁТР СОСНОВСКИЙ

БУДУ ЗА ТЕБЯ МОЛИТЬСЯ

Похождения малоизвестного писателя · Книга 1

BIBLPIPL

Пётр Сосновский

Буду за тебя молиться

biblpipl.ru — библиотека Петра Сосновского

Вступление

роман в трех книгах

БУДУ ЗА ТЕБЯ МОЛИТЬСЯ,

книга первая.

М.:ООО «ИПЦ» «Маска» — 2021, 337с.

Малоизвестный писатель, желающий написать книгу «о новых русских», отправляется на машине из Москвы в село Щурово к матери. На дороге с ним случается авария, в голове все перепутывается — микс да и только. Еще бы! Писатель находится в замешательстве. Рядом с ним проявляются не только персонажи — герои, написанных им книг, но и известные давно умершие литераторы: Иван Сергеевич Тургенев, Федор Михайлович Достоевский, откуда-то доносится басок «матерого человечища» — Льва Николаевича Толстого. Тут же крутятся и живые, реальные люди. Можно сойти с ума. Чтобы не потеряться во времени малоизвестный писатель создает свою многоуровневую систему существования. Она в дальнейшем служит ему для распознавания действительности, в итоге он неплохо «разруливает» ситуацию. Правда, это во многом благодаря матери, которая каждый вечер за него молится.

ОТ АВТОРА

В детстве мы увлекались сказками, в юности фантастикой, повзрослев неожиданно стали реалистами. Так уж, наверное, должно быть, жизнь идет, не стоит на месте.

Желание написать что-то необычное пришло ко мне в голову не сразу. Для этого потребовалось время.

Бывая в книжных магазинах, видя толпящийся народ

ни где-нибудь, а в отделах фантастики я понял: она пользуется спросом. Правда, для этого не надо было далеко ходить: мой сын тоже ею увлекался и с упоением зачитывался произведениями Василия Головачева, Сергея Лукьяненко, Виктора Пелевина и не только, а еще он немного пописывал.

Я читал небольшие рассказы сына о параллельных мирах, однажды даже предложил ему идею, в которой малоизвестный писатель, неожиданно забравшись в новую реальность, узнает, что ее можно самому создавать и редактировать, подобно сюжетам книг; влияя на героев, он в состоянии эти миры двигать вперед во времени. «Писатель в этой новой реальности, что тот Бог! — говорил я сыну студенту. Моя горячая речь вызывала у парня отклик. Я это видел по выражению его лица. Однако у него на тот момент попросту не хватало времени чтобы за нее ухватиться, и начать развивать мной предложенный сюжет: обучение в институте для него было важнее. На носу зимняя сессия. А еще сын неожиданно заболел пневмонией и на месяц угодил в больницу.

Я развивал предложенную ему идею, ожидая того момента когда сын выздоровеет и, подтянув в институте после болезни «хвосты», найдет время сесть за книгу. Но не тут-то было. Не знаю что случилось? Наверное, он «остыл». Выходило так: раз ты сам придумал, то сам и пиши.

У меня хватало времени. Я только что закончил одну из очередных книг и готов был снова устроиться у монитора компьютера. Для работы требовалось немногое: интересная тема, а еще герои. Ничего этого я не имел. Получалось так, что я волей-неволей должен был засесть за фантастическое произведение. Однако я долго не

решался. Было у меня несколько детских сказок и мистических рассказов, но это не в счет. В юности, я почитывал писателей-фантастов, однако их книги значительно отличались от современных авторов, в них было много науки, а «народ» двадцать первого века этим не увлечешь. Из-за сложностей жизни у них в голове давно уже произошел сдвиг в сторону детства. Моя история или истории должны были соответствовать. Я должен, даже был обязан хотя бы выборочно прочитать что-нибудь из тех книг, которые стояли у сына на книжной полке, отодвинутые несколько в сторонку от учебников.

Немного поколебавшись, я взял в руки первую попавшуюся книгу: — «Бич времени», — Головачева и тут же осилил ее, затем: «Черновик» и «Чистовик» — Лукьяненко; после роман: «Т», «Чапаев и пустота» — Пелевина. Чтение зародило во мне какие-то протестные настроения, однако и помогло. Наверное, благодаря знакомству с творчеством этих неординарных, непохожих друг на друга авторов, я сел за стол и решил не расставаться с ними, сделать их героями своих будущих книг. Других героев у меня на тот момент не было. Начав писать, я волей-неволей что-то взял из их творчества, так как они неразрывны со своими книгами, за что приношу извинения. Это не плагиат. Это творческое недоразумение. Я не пытаюсь разбогатеть на своих книгах. Они находятся «во всемирной паутине» —Интернете, доступны для чтения и прослушивания всем желающим совершенно бесплатно.

Что следует заметить? Я, засев за первую книгу о малоизвестном писателе из серии фантастики: «Буду за тебя молиться» и, довольно быстро написав ее, тут же взялся за вторую: «Мертвые души». После публикации

книги: «Буду за тебя молиться» в Интернете по прошествии времени, я понял: ее стиль не соответствует заявленному. Никакая — это не фантастика. О том я услышал и от своих друзей. Они не поленились, хотя и были очень заняты, но нашли время ознакомиться с моим трудом. Одним словом, у меня получилось, что-то похожее на стиль магического реализма колумбийца Габриэля Маркеса: «Сто лет одиночества» или же Карлоса Кастанеды: «Учение дона Хуана» американского автора эзотерической ориентации. Ну, а третья моя книга: «Евангелие будущего», над которой я ни один год уже корплю напоминает мне сумбурное повествование серба Милорада Павича: «Хазарский словарь», а еще стиль турецкого писателя Орхана Памука, читали его «Черную книгу» — у него хождение по запутанным улочкам Стамбула в поисках жены и двоюродного брата, а у меня… что если начнется последняя мировая война — нашего с вами БУДУЩЕГО.

Интересно? Читайте!

2021г.

Глава 1

Это знакомство мне было навязано, винить в том некого, ну если что судьбу, да и то смысла нет: судьба она и есть судьба. Хорошо, что оно состоялось без рукопожатий и прочих формальностей. Поэтому, я его принял со словами: «Ничего не поделаешь. Значит, так тому и быть».

Произошло оно оттого, что я, отправляясь утром на работу, да и возвращаясь вечером домой, пользовался одним выверенным маршрутом, а затем вдруг, неожиданно для себя внял словам своего товарища Юрия Александровича Шакина и изменил привычке. Наверное, по причине его частых наскоков: не зря он меня допекал, когда мы выскакивали за проходную научно-исследовательского института:

—Семен Владимирович, ну, что ты ходишь одной дорогой, из дня в день, неделями, месяцами, годами? Жизнь сейчас непредсказуема. Все может быть. Я вот так не могу. Что-нибудь да придумаю. У тебя разве, нет фантазии, обращайся ко мне, подскажу.

—Ничего странного в том, что я хожу одним маршрутом, нет, — отвечал я ему. — И помощь мне твоя не нужна. — Я прерывался на минуту, бросал взгляд на тротуар, чтобы не угодить в выбоину при выходе за ворота и продолжал: — Например, моя жена, зная мою дорогу, захочет меня после работы встретить, чтобы пойти в магазин, она это сделает, без каких-либо телефонных звонков и дополнительных со мной договоренностей.

—Это так, — соглашался мой товарищ, — но вот один случай, — и он принимался рассказывать мне о том, что

его соседа подловили на подобном выверенном маршруте с работы домой, и убили, понимаешь, просто убили, — говорил Шакин, — У него осталась жена и двое детей. Этого бы не произошло, если он... — я тут же его прерывал. Юрий Александрович не договаривал, что тот его сосед был не старшим научным сотрудником, как я или как мой собеседник, а работал в службе безопасности. О его убийстве сообщили все городские газеты.

—Зачем мне все это слушать, — отвечал я ему. У меня хватало доводов урезонить товарища. На его пример был свой контр пример и не один. Не то, что у него. Мне стоило только начать свой рассказ, как Юрий Александрович неожиданно жал мне на прощанье руку: наши дороги расходились. Он торопился изменить на своей карте, находящейся где-то глубоко в мозгу, линию маршрута и отправлялся в противоположную сторону. Шакин знал, что со мной ему не справиться. Убеждался в том ни раз. Я умел говорить: язык подвешен хорошо. Это меня и спасало от его чрезмерной назойливости.

Однажды Шакин, используя результаты нашего общего изобретения, организовал свое дело — фирму и на какое-то время оставил меня в покое. Я думаю, он неслучайно забросил НИИ. А что ему оставалось делать: дороги на работу и с работы были им все истоптаны, ничего нового придумать он уже не мог.

Домой теперь я шел без сопровождения. Юрий Александрович, конечно же, жил не рядом со мной, как говорят: «лапоть по карте», за московской кольцевой дорогой, иначе МКАДом, в селе, но из института за проходную мы часто выходили вместе. Он провожал меня до самого метро, бывало, раз несколько нырял следом за мной в подземку, правда, чтобы отправиться в мою

сторону — ни-ни — все вокруг да около. Хотя я ему ради смеха предлагал ни один маршрут, пролегающий вблизи моего дома. Он из института уволился, но ни одним из них не воспользовался, что тот упертый бык.

Теперь моя дорога домой из НИИ лежала в одиночестве. Я, проехав несколько станций метро, выбирался на поверхность, оказываясь в тихом районе города Москвы, метров двести шел пешком. Еще мне предстояло перейти улицу и свернуть налево или же отправиться прямо, а уж затем — во дворы налево. Обычно я использовал второй вариант. А тут вдруг, думаю неслучайно, под влиянием Шакина, я неожиданно качнулся и сразу же свернул налево, оставив с десяток зданий, оказался у большого десяти подъездного дома. Для того чтобы «срезать» путь мне необходимо было пройти под арку этого самого дома, затем, натолкнувшись на корпус, меньшого размера, из трех подъездов, я должен был обогнуть его и выйти к дому — такому же зданию, где на одном из этажей располагалась моя квартира.

Мой путь не включает в себя каких-либо остановок. Не знаю, отчего я вдруг заинтересовался: в подвал большого дома сгружали пятидесятикилограммовые мешки. Фура стояла, перегородив тротуар и захватив часть дороги, однако мне ничто не мешало продолжить намеченный путь — нырнуть под арку, но на меня вдруг зыркнул черными глазами гастарбайтер — «лицо кавказкой национальности», так бы его официально назвали журналисты, и я растерялся, — тормознул. Он, не пряча акцента, криво улыбнувшись, — возможно, подумал, что я из этого дома, сообщил мне:

—Завтра за сахарком приходи, завтра… Во-о-о, сахарок, сладкий-пресладкий. Во-о-о, — повторил он снова и махнул

рукой, будто поманил. Но кого…

Я ничего не ответил, лишь долго мотал головой, что тот конь, отгоняющий паразитов, пытался сбросить с себя его взгляд, не удавалось. Он меня словно припечатал.

На какое-то мгновение его лицо показалось мне знакомым. Но определиться я не мог, так как черная шапочка, глубоко натянутая на голову сплющила уши и почти полностью закрыла широкой лоб, лишь черные брови, что крылья хищной птицы, больше ничего. Нос, губы, подбородок остались в тени. Портрет был не полный, чего-то в нем не хватало, возможно, одного штриха, чтобы я мог вскрикнуть: «А-а-а это ты. Привет-привет!». Вот если бы он взглянул на меня не исподлобья, со ступеней, ведущих в подвал, и не под углом, а прямо, тогда другой вид помог бы мне его узнать. А так, — оставалось пожать плечами и уйти.

—Тьфу, ты, — не удержалась проходившая рядом женщина, — везде эти черные, понаехали, что те тараканы… — Она не далека была от истины: какое-то сходство прослеживалось: «лица кавказской национальности» размещались обычно в подвалах. — Я вмешиваться в разговор не стал, лишь ускорил ход, антипатий к «понаехавшим» не испытывал — они, как могли, зарабатывали свой хлеб, но этот индивид меня отчего-то затронул. Чувство сглаза не проходило, да оно и до сих пор не прошло. Засело в мозгу и сидит.

Топча, раздолбанный асфальт, я тут же припомнил шутку Юрия Александровича Шакина. Он однажды спросил у меня: «На кого похож знакомый кавказец?» — И сам же, не дожидаясь ответа, сказал: — «На другого знакомого кавказца».

Дома я рвался рассказать о гастарбайтере жене, меня

как будто кто-то тянул за язык, но нашел силы, удержался, пожалел ее.

Светлана Петровна с работы вернулась усталой и недовольной. Причину недовольства я тут же узнал, не успев отойти далеко от двери:

—Ну, в коей мере решила тебя подловить и зайти в магазин, а ты увильнул, — сказала она. — Отчего, ты, даже по сторонам не смотришь. Я, с полчаса простояла на нашем условленном месте…. Ну, ты знаешь, где это….

—Да, знаю, — ответил я и извинился, ругая про себя Юрия Александровича Шакина.

Для того чтобы смягчить жену, я бы мог рассказать ей о сахаре, — мы тогда его брали мешками, так было значительно дешевле, — но не стал. Пусть уж лучше она выказывает мне недовольство, чем я буду нагружать ее своими проблемами: покупка и доставка «крупногабаритных» продуктов лежала на моих плечах.

Моя «половина» еще что-то мне говорила, а я гнал мысли, пытался забыть о кавказце. Но, забыть не мог, даже улегшись в постель, я чувствовал его присутствие. Он стоял у меня над изголовьем.

—До каких пор? — твердил я себе, ворочаясь с бока на бок. Сна — ни в одном глазу. Стрелки часов перевалили за полночь, и тут вдруг раздался мощный взрыв.

Наше здание вздрогнуло, задрожали стекла. Правда, не разбились, устояли, а вот дом, находящийся рядом, пострадал. Он закрыл нас от ударной волны, глядя окнами на разваливающиеся стены много подъездного собрата, той же серии.

—Значит, это был не сахар, — тут же сказал я себе. Что именно я узнал позже. Пресса написала о взрывчатой смеси — аммиачной селитры, гексогена и алюминиевой

пудры.

Грохот заставил меня подхватиться с постели. Я, опередив жену, подбежал к окну. Она же, пытаясь оказаться рядом, вдруг, услышав крик дочери, чтобы успокоить ее, бросилась в другую комнату. Мы разъединились, а этого делать не нужно было, лучше бы я тоже последовал за нею. Тогда все могло произойти как-то иначе без передряг в будущем, Я так думаю. Хотя не обязательно.

За окном было темно. Огни огромного города отодвинулись, упали вниз, в осеннюю черноту. Я стоял, прижимался лицом к холодному стеклу, долго вглядывался в большое небо, пытаясь что-то там увидеть, затем отпрыгнул: на меня глянули из бездны — тьмы, глаза человека, не простого человека —Черного. Брови, что крылья хищной птицы. Вот они отделились от лица, словно были наклеенные и стали биться о стекло. Этот человек был грузчиком фуры — «лицо кавказкой национальности». Гастарбайтор, тянул мне для знакомства руку и ехидно смеялся: «Вот тебе и сахарок, вот тебе и сахарок, вот тебе…» — шептал голос у меня в голове. Я пятился назад, и не желая жать ему руку и говорить: «Очень приятно!» подобно неразумному ребенку шептал: «Не очень приятно, не очень приятно…» — после чего этот Черный человек ввалился в уютную теплую спальню, черной водой «растекшись» по неосвященным углам, исчез. Мне не удалось его оттолкнуть. Руки провалились в пустоту. Черные глаза этого человека посеяли во мне непонятное беспокойство. Я с этим беспокойством забрался в постель и укрылся с головой, одеялом. Жена пришла чуть позже, и без слов легла рядом. Она, почувствовав мою дрожь, обняла меня, пытаясь согреть,

но не смогла.

Остаток ночи я спал неспокойно и, отправившись на работу, был не в себе. Да разве только я один? Весь город тогда был странным. Я это видел по лицам и без того угрюмых москвичей, торопящихся мне навстречу, идущих следом за мной, в стороны от меня: раньше такого не было, движение было осмыслено и прогнозируемо. Люди «делали деньги», чтобы хоть как-то свести концы с концами, а тут в одночасье что-то в жизни изменилось. Не нужны, стали эти деньги. Хаос, вместо порядка воцарился в большой Москве. Мне пришлось, вместо одного часа потратить целых два, пока я добрался до научно-исследовательского института.

Институт был неузнаваем, хотя он и так дышал на ладан: постарались «перестроечники» не только те, которые сидели за стенами кремля, но и свои, местные, но в тот день я осознал: он долго не протянет, — развалится. Мне следовало из него уходить. За работу я держался по привычке из-за того, что переход на другое место не всегда сулил хорошие заработки. Их, этих заработков могло и не быть вообще. Да и потом, куда идти? Двери многих учреждений на тот момент оказались закрытыми и неизвестно, когда могли начать прием — в следующем веке? Избегаешься.

Трудоустройство совершалось в большей части по знакомству. Ни как не иначе. Я подумал о Шакине. Он не отстанет: сколько раз предлагал мне у себя на фирме место и даже причину придумал:

—Семен Владимирович, тебе нужно изменить маршрут. Будь в жизни, непредсказуемым. Это свойство человека в наше время на первом месте, оно просто необходимо...Теракты, сам понимаешь! Первое время

будешь ездить на городском транспорте, а затем, — не в советское время живем, — купишь за копейки какую-нибудь развалюху, — сядешь за руль автомобиля. А с ним запутать следы значительно проще. До каких пор ты будешь из года в год пользоваться одной и той же дорогой?

Шакин Юрий Александрович мне и должность приготовил — начальника отдела по качеству. Он нуждался во мне. Ни одного моего товарища переманил к себе на фирму, улыбающийся новоиспеченный генеральный директор.

При взрыве близлежащего дома все во мне взорвалось, и я, как тот дом, рухнул. Ни сразу. Какое-то время держался. Пусть «мои стены» и не имели видимых трещин, но где-то внутри кровоточило и болело, мучительно напоминая о том, что жизнь наша не предсказуема.

Вечером жена сообщила мне, что у них в школе, а их в районе, более десятка, во многих классах не было химии. Учительница погибла и вся ее семья. Детей тоже не всех досчитались. Жертвы колоссальные. Такое сотворить, уму непостижимо.

—Зачем это все? — спросила она. Что я мог ответить? Ничего!

На следующий день в городе были организованы ночные дежурства: москвичи ни один месяц своим полусонным видом пугали «черных людей», правда, это на нас самих наводило уныние, вызывало тревогу и ничего более. Толку особого от мероприятия не было: рядом возле НИИ упал еще один дом из той же серии. В нем жил один из сотрудников нашего института. Незадолго до этого происшествия я заходил к нему на квартиру, он болел и

желал поработать с материалами на дому.

Затем я с трудом ускользнул еще от одного взрыва. Он прогремел в метро, наполненном множеством людей, на ни чем, не примечательной станции моей «ветки». Случилось это в час пик. Я торопился на работу и мне, приплюснутому в чреве голубого вагона, людьми, удалось, эту злополучную станцию миновать. На следующей остановке я поднялся по эскалатору вверх и даже выскочил в город. Иначе бы меня задело взрывной волной. Спасло чудо, так для себя я объяснил случившееся.

Чувство было такое, будто за мной охотится тот злорадно улыбавшийся известный мне гастарбайтер. Я должен был погибнуть с сотнями невинных людей. Они, возможно, как и я, однажды заглянули в глаза этого Черного человека и оттого пострадали.

—За что нам такое наказание? — задавал я своим близким вопрос и как они не мог на него ответить. Мне не понятны были его кровавые злодеяния. Однако у меня была голова на плечах, и я рассуждал:

—Черный человек не свой человек, свой такого не сделает, явно какой-нибудь иностранец-исламист особого толка, возможно, сам Хотаб или же человек, выброшенный из огромного дома, того в котором мы однажды жили все вместе — СССР.

Иностранец-исламист мог быть подкуплен и жаждал лишь только денег, хотел на горе обычных людей нажиться, наш бывший преследовал наверняка другую цель, например, желал воссоединиться и, понимая, что время утеряно, ничего не вернуть, объявил войну России — виновнице всего произошедшего. Джихад — месть этого Черного человека, да и не только его, но и других «черных людей».

Мне понятно было желание черных людей — поднять простых обывателей против кучки зажравшихся реформаторов — «перестроичников» и возродить страну. Для этого нужно было начинать с верхушки, но они не могли до нее дотянуться. Она была хорошо защищена и не только кремлевской стеной, но и большим штатом телохранителей. А, принося в жертву нас, простых обывателей, пытаясь разжечь в наших душах ненависть к этой самой «верхушке» «черные люди» просчитались. Они сплотили нас, заставили пойти против них. Любой из моих близких, знакомых, да и обычный прохожий, останови его на улице, готов был сказать: «Я не виноват в случившемся развале страны, и меня не за что наказывать, тем более таким способом — взрывать меня сонного в моем же доме».

Каждый взрыв в Москве волнами расходился по городам и весям страны, вызывая у людей страх. Я и жена вынуждены были обзванивать своих родственников и успокаивать их. Брат Федор порой сам мне звонил и расспрашивал что и как. Однажды, не выдержала и позвонила племянница Людмила:

—Сеня, я боюсь за вас, бросай ты эту свою Москву, переезжай к нам в Дятиново. Это не село, город, тысяч пятьдесят проживает. Я тебе здесь найду хороший дом, купишь, будешь жить да не тужить.

—А работу, ты мне найдешь? — спросил я. Людмила ответить не смогла. Работа тогда была лишь в Москве.

Мать во время телефонного звонка всегда слезно просила меня перебраться жить к ней или же в Сибирь к родственникам жены. Я ее успокаивал и часто привозил свою дочь; жена — у учителей отпуск большой — тоже пропадала в селе. Находясь в Москве за сторожа, я берег

квартиру и имущество от случайных воров, хотя красть было нечего: новинками электроники мы похвастаться не могли — одно старье. Кому оно нужно? На работу в институт я ходил не часто — отсиживался дома, как платили, так и работал — и однажды после очередного появления в стенах НИИ своего товарища Шакина, решил с работы уйти.

Заявление я писал под его чутким руководством, как говорят: «стоял над душой». Даже до отдела кадров он меня проводил, не поленился. Юрий Александрович боялся, что я передумаю.

Мой уход старенькой худенькой женщиной, державшейся за работу, как за жизнь, был назван предательством:

—Я, понимаю, не платят нам. Изо дня в день одну кашу и ем. А деньги? Ох, как они нужны! Мне бы могилку сына облагородить. Можно было на холмик и памятник поставить. — Все у нас знали, что ее сын отличный фрезеровщик, — в наше время таких, днем с огнем не сыщешь, — был уволен с Опытного завода НИИ по сокращению штатов, много лет не работал, сидел на шее у матери, от безысходности он спился и в один из дней покончил с собою.

—Я думаю, жизнь изменится, — шепотом, с жаром сказала кадровичка, — образумится. Будем жить богато. Егорка Гадай, заправляющий правительством, говорит, что нужно только потерпеть! Я понимаю, он повторяет слова нашего президента Ецина, но, что если ….— Однако я ей ни чего не ответил в свое оправдание, да и что я мог сообщить: жизнь стала совершенно непредсказуемой. Сегодня шевелишься, — жив, завтра умер. Я забрал документы и на улицу — вон, без сожаления о содеянном

поступке.

Правда, у меня не было особого желания идти к Юрию Александровичу Шакину. Пошел я к нему от полной безысходности, чтобы в будущем не встречаться с Черным человеком.

Я много раз замечал, как его глаза не раз следили за мной из-за спин угрюмых москвичей при следовании на работу и с работы домой. Он знал мой маршрут и вот в один из дней я исчез из его поля видимости, затерялся в пространстве большого города.

Вняв Шакину, я, продав акции своего НИИ, купил неплохой подержанный автомобиль и «крутил» по улицам Москвы, пытаясь уйти от «пробок», а со стороны любой из моих знакомых мог подумать, что я у себя на уме и мои выкрутасы-кренделя связаны не с незнанием дорог, а с чем-то другим.

Лет несколько я трудился на фирме своего товарища, вышел на пенсию, но на заслуженный отдых не уходил. Не знаю, как долго бы длилось наше сотрудничество, только я заметил, что Юрий Александрович стал меняться, не только по отношению ко мне, но и к другим сотрудникам, пришедшим из НИИ. Уж не думал ли он, что мы вывели на его след Черного человека. Он снова стал попадаться мне на глаза. Юрию Александровичу тоже. О том он мне как-то сказал, будто случайно, мимоходом. Я попытался его успокоить и сообщил, что это может быть обычный рэкет.

—Денег хотят! — сказал я. Но мое предположение видимо Шакина до конца не удовлетворило. Мой товарищ куда-то позвонил и договорился о смене места расположения своего офиса. После переезда он изменил и тактику: стал отчего-то покровительствовать «новобранцам» — людям, пришедшим с улицы. Правда,

среди них Юрий Александрович — этот «новый русский» все больше чувствовал себя начальником, а дружеские отношения коллег, с которыми он много лет бок о бок работал, отчего-то стал принимать за панибратство, — недоставало ему с нашей стороны шарканья ножкой и неиссякаемого потока любезностей. Однако, что поделаешь: не так мы были воспитаны: не любил я пресмыкаться. Последней каплей приведшей меня к расторжению с ним отношений явилась выпущенная мной очередная книга.

Любил я писать. Он об этом знал и через одного моего близкого друга приобрел тайком, еще в институте, мою первую книгу, посвященную матери, отцу, братьям — словом, родным людям и не раз выказывал свой восторг. То, что Юрий Александрович говорил дело, — мне было известно. Шакин много читал и неплохо разбирался в литературе.

При трудоустройстве меня на работу в свою фирму, откинувшись в кресле, шутливо выразился:

—Семен Владимирович, у меня тебе будет вольготно: зарплату я дам больше чем в НИИ, а если руки будут «свербеть» и захочется написать что-то такое наподобие «Дворянского гнезда», как у Ивана Сергеевича Тургенева, только о «новых русских», пожалуйста, препятствий с моей стороны никаких не будет. Я даже помогу опубликовать твой опус. — Юрий Александрович после моей книги о родных ждал от меня книги о друзьях, то есть о себе. Я тогда словам Шакина порадовался, поразмышляв — «дал добро», тут же подписал заявление, а про себя сделал замечание: «опусами» называют музыкальные произведения и ни в коем случае не литературные. Такое сравнение непростительно для

культурного человека.

Может, я допустил ошибку, упомянув о написанной мной книге, и не дал Юрию Александровичу Шакину почитать рукопись, да и денег на издание отчего-то у него не попросил. Правда, тогда фирму «лихорадило» заказов было мало, и надеяться на товарища я не мог. Да, он бы пообещал: источать обещания Шакин любил, но и тут же забыл бы. Второй раз к нему я бы не подошел. То, что я издал книгу на свои кровные — правильно сделал. Сомнений у меня здесь не возникало. Одно меня беспокоило: я не знал, как преподнести Юрию Александровичу свое «Дворянское гнездо», так как он в ней был главным героем. Придумывать витиеватые слова было необязательно: на следующем за титульным листом была выполненная типографским способом надпись: «Посвящается друзьям и коллегам по работе, поддержавшим меня в моем нелегком начинании». Ниже я витиевато подписался и поставил дату.

Долго я носил книгу в потайном кармане, пока не помог случай. Дарение состоялось на День фирмы, в тесном кругу, собравшихся на праздник сотрудников и товарищей.

—Юрий Александрович, вот хотел преподнести, да все как-то не получалось, а сейчас..., — сказал я и, не докончив мысль, вручил томик своему шефу. Он долго тряс мне руку, а после ни сразу конечно, но уволил: вначале вывел меня за штат. На работу я мог ходить и заниматься своими обязанностями, что некоторое время и делал, мне за это исправно платили. Деньги я получал по отдельной ведомости, в конверте. Но затем раз забыли, другой и я остался дома. Недели через две Юрий Александрович позвонил мне:

— Семен Владимирович, извини, на фирме совсем плохи дела. Ну, ты же понимаешь? — полувопросительно промямлил он. — У меня тут же перед глазами возник его кабинет, добротный большой двух тумбовый стол за которым он сидел и располневшее за последние годы аморфное тело, склоненное над столешницей, в позе, зависимого от обстоятельств человека. Еще мгновение и он стечет по креслу вниз, на пол.

— Я не успеваю вовремя выплачивать зарплаты работникам, официально числящимся у меня на фирме, попросту нет денег. Немного ситуация измениться к лучшему, тогда добро пожаловать. Приходи! Жду! — четко произнес Шакин и я увидел через километры, разделяющие нас, выпирающий загривок товарища, придававший ему значимость. Юрий Александрович мог быть различным. Он знал, когда каким ему быть. Мне за годы работы в научно-исследовательском институте Шакин был знаком как «облупленный» и оттого я не придал значения его словам. Ждать от него благосклонности не следовало.

Однажды за спиной у Юрия Александровича одна знакомая женщина долго хвалила мою книгу, затем, не удержавшись, высказала рецензию, данную им самим. «Уж очень был недоволен Шакин твоим сочинением, — сказала она. — Что его взбесило? — Так это описание тобой его «любовных проявлений» к одной нашей сотруднице. Ну, ты Семен Владимирович в курсе за кем он бегал, и продолжает увиваться! Не зря же Юрий Александрович ее разыскал и к себе на фирму пристроил. О ней, ты вообще не должен был ничего писать — только о работе на износ, в поте лица, на благо и процветание фирмы». — Я тогда на своего товарища сильно обиделся и

даже вспылил, иначе не сказал бы:

—Уж о ком мне писать, а о ком не писать — это не его дело — мое! Я писатель, а не он. Ему придется довольствоваться тем, что есть. — Мне тогда было все равно, сообщит ли эта женщина Юрию Александровичу о нашем разговоре или же нет. Она не удержалась, тут же выложила слово к слову. Не для того чтобы насолить мне. Ей не терпелось вывести генерального директора из равновесия, и мои слова оказались очень кстати. Он ей тоже был неприятен. Я о том узнал, но нескоро. Года два прошло.

Что же было после разговора со знакомой? Я долго ходил в раздумьях, недоумевал, отчего Шакину понравилась моя первая книга и разочаровала вторая, написанная о нем? Я и в той и другой использовал один и тот же язык. Что еще? Довольно четко прописал характеры. Хотя мне не раз хотелось что-то приукрасить, добавить лишнего. Однако нет, удержался, даже о плохом — из прошлой жизни своего товарища, я высказался лаконично без грубостей.

Для того чтобы понять Юрия Александровича я должен был съездить в Щурово к матери. Она была невольной распространительницей моих книг и слушательницей рецензий о них. Они были самыми различными и необязательно хвалебными.

Однажды когда зашла речь о моей второй книге, и я ей пожаловался, мать не удержалась:

—Сеня, да не переживай ты так. Для книги ты использовал ранние рассказы Шакина о себе. Так ведь?

—Да, так! — ответил я.

—Ну вот. А это о многом говорит. Я тебе тоже могу припомнить многое, о чем ты говорил год, два, три назад.

Это прошлое давно тобой отредактировано и изменено до неузнаваемости. Ты, выслушав меня, не согласишься. И будешь прав. Человек не стоит на месте, он развивается, постоянно изменяет себя и свое прошлое. Человеку нельзя угодить. Нельзя. Ты вот написал и уехал, а я постоянно выслушиваю мнения о твоей книге. Даже о первой, хотя уже прошел ни один год. И эти мнения будут меняться, все время меняться.

—Да, ты как всегда права! — сказал я матери и успокоился. Нервничать, зная рецензию о книге, высказанную товарищем не было смысла, да и ждать от него повторного телефонного звонка не следовало, и я не ждал, но он однажды Шакин все-таки позвонил мне:

—Хочу тебе предложить одно место. Приезжай в офис, тогда и поговорим! — Я напрямую ему не отказал, хотя и нуждался в работе. Мне было интересно его положение, и я принялся расспрашивать товарища не о делах, а о личной жизни. Выяснил, что он женился на молодой девушке, и уже они ожидают пополнения. Я тут же поспешил поздравить Юрия Александровича. Чего еще нового сказал мне Шакин? — сообщил о том, что известный мне родительский дом он перестроил и сделал из него особняк — «гнездо», иначе его не назовешь, да и еще подумывал Юрий Александрович заводик поставить рядом для чего прикупал у пенсионеров старые домишки. Правда, о заводике он не распространялся, сказал мельком.

—У меня здесь в селе, можно сказать, родовое имение. Мои одноклассники меня сравнивают с помещиком Лаврецким, а бывшее село именуют Шакиным. Вот так! Хотя оно уже часть Москвы! — Я усмехнулся, но ничего негативного ему не высказал, похвалил за расторопность.

Будто нехотя Юрий Александрович поинтересовался о моем творчестве.

—Пописываю, — тут же сообщил я. — Ты меня оторвал от написания второй книги о новых русских. Она будет продолжением книги уже известной тебе. Да и с ее героем ты знаком, не понаслышке!

—Да-да, продолжение «Дворянского гнезда». Заманчиво, заманчиво, — растягивая слова, промямлил Юрий Александрович, упав духом, и тут же быстро попрощавшись, торопливо положил трубку. Он не ждал от меня ничего хорошего и был, возможно, собой недоволен за откровенность во время разговора и выдачу информации о родовом имении и заводике.

У меня хватит фантазии изобразить его барские черты характера, и я это сделаю. Мне достаточно двух-трех, оброненных Шакиным, фраз, чтобы превратить их во многие страницы убористого текста. Из-за неимения необходимых для меня сведений о нем я могу что-то додумать, предсказав возможное развитие сюжета. А еще, обратиться к одной знакомой женщине — поможет, да и не только она, но и другие мои товарищи, «не выбитые» Юрием Александровичем из штата его фирмы, уважающие меня и поддерживающие со мной отношения, не поскупятся: — все выложат до мельчайших подробностей. Это им будет даже интересно, хотя бы по причине пренебрежения к ним, источаемого самодовольным Шакиным

Глава 2

Бежать «под крыло» к своему товарищу, я не торопился, — не нужны мне были его деньги. Я человек простой, привык в жизни довольствоваться малым, надеялся обойтись без его подачек. Пусть я не работал, работала жена. Одной ее зарплаты нам хватало. Семейный бюджет не трещал. Ну, лишь в случае незапланированных трат, — больших покупок. Но и тогда я находил выход: шел в сбербанк и снимал необходимую сумму денег с пенсии.

Моя пенсия из-за доплат правительства Москвы была выше, чем у жителей других регионов страны, но завидовать, здесь нечему — у нас расходы более значительны — одна «коммуналка» чего стоит. Да и на бензин приходилось раскошеливаться, не вода — денег стоит. Я уже не мог обходиться без своей «ласточки». Чуть что запрыгнул и вперед.

Замужняя дочь Елена Прекрасная жила отдельно от нас и если что-то у нас просила, то тактично и довольно редко.

Ситуация изменилась после смерти отца Владимира Ивановича. Нужны, стали эти проклятые деньги. Не для себя, для старенькой матери, ей как-никак перевалило за восемьдесят. Трудно стало родительнице справляться с большим каменным домом, с огородом. Двадцать соток обработать нужно. Не те уже были силы, да и уходили в арифметической прогрессии. Оставляли они ее. Хотя еще совсем недавно года два-три назад по воскресным дням мать каждую неделю ходила на базар за покупками, да и ярмарки не пропускала. В селе их было пять в году.

Мать жила отдельно от меня и брата, и ни где-нибудь в

Подмосковье, а далеко, в Брянской области, в селе Щурово. Я был родом оттуда.

Меня когда-то после окончания школы и службы в армии отвез на железнодорожную станцию двоюродный брат Александр на своем «Жигуленке». Я взял в кассе билет и уехал в Москву. Так там и прижился.

Мой младший брат Федор, Щурово не покидал, построил себе большой каменный дом и жил с семьей, правда, на дальней улице в стороне от родительского гнезда. Он, по возможности, помогал матери, а однажды, посовещавшись со своей женой, предложил ей закрыть дом и перебраться жить к нему, но она отказалась:

—Это ты что же мне предлагаешь, предать память вашего отца? Нет, ни за что! Век жила, проживу, сколько надо еще, — грозно закончила родительница. Мое предложение матери проводить зимы в Москве, ну а весну, лето и осень в Щурово ею тоже было отвергнуто, — жалко стало матери бросать даже на время большой кирпичный дом, — окна повыбивают и все «добро» растащат, — подытожила она мой издалека начавшийся разговор и была права. Раньше тащили «наше», то есть — колхозное, а теперь после развала страны стали друг у друга воровать. Работы на селе не было, а выпить, желание у мужиков, не зависимо от власти: социализм то или капитализм, никогда не пропадало, с разрухой в стране, так даже еще усилилось. Что мне оставалось делать? Поразмыслил я и занялся обустройством отцовского дома. Раньше я только заборы вокруг усадьбы ремонтировал: они падали, я их поднимал, словно из небытия, из больших зарослей крапивы. Откуда она только бралась — странно, раньше не было, а сейчас росла и росла, не вывести.

Я давно уговаривал мать провести в дом газ: труба

проходила вдоль улицы, лет десять назад зарыли, сразу же после чернобыльской катастрофы. Многие из жителей села пользовались газом и были довольны, но мои родители не хотели, топились по старинке дровами, считали, что это дешевле — и были правы,— но тогда рядом с матерью находился отец, — он помогал. А помощи не стало и хоть плачь. Отправившись на пенсию, я стал часто приезжать в Щурово. Но этого матери было недостаточно. Она не раз говорила: «Вот бы ты жил со мной, я и горя не знала».

—У меня семья, не могу, — отвечал я. И был прав. Квартиру необходимо было поддерживать в порядке. Раньше это было делать проще, — вызвал слесаря или же электрика, нанял специалистов из фирмы «Заря»: была такая, — придут, за копейки поклеят обои, окна помоют и не только многое другое сделают. А сейчас все стало дорого, и я приноровился в доме делать все сам, неплохо получается, даже соседи нет-нет и просят помочь.

Брат Федор во время моего отсутствия часто наведывался, помогал матери, но потом остыл. На дворе зима тогда была. Заверюха однажды поднялась и желания пропали. Раз не пришел, другой, а затем появлялся от случая к случаю. Дома работы хватало. Да и служба на почте требовала времени. Он из обычного почтальона сделался начальником отделения, а это ответственность за коллектив, ежедневная отчетность перед вышестоящим начальством. Федор чтобы справиться с работой часто задерживался допоздна, подсчитывал дневную выручку и отправлял отчет через Интернет в Брянск, а оттуда информация поступала и в столицу. Очень они там, наверху любили слышать «жужжание», работающих по стране отделений. Хотя разобраться, толку в них уже не

было: объемы доставки писем, газет и других корреспонденций значительно упали, носили старикам и старушкам пенсии, да занимались несвойственным делом, обычной доставкой самых различных мелких товаров.

Мать чтобы не переезжать на зиму в Москву «скрипя сердцем» согласилась с моими доводами.

—Хорошо, сынок, ничего не поделаешь, проводи газ. Может, и выдержу этот временный «тартарарам», не умру.

—Не умрешь, — сказал я, успокаивая мать, при этом, обходя по периметру здание: — Газ вот проведу, а затем обязательно нужно купить краску — килограмм тридцать будет достаточно, еще цемент, привезти белого песка, откуда всегда возили, и заняться домом, но это уже после. Будет время…

Мать, когда я начинал обустройство дома, напомнила мне слова отца о том, что он ни при каких условиях не желал перемен не только у себя под боком, но и с губачевской перестройкой страны не соглашался, особенно его выводила из себя встреча Генсека с немецкими правителями в Архызе. А уж когда Ецин обдурил Михаила Сергеевича и сбросил того с «трона», он его обзывал придурком, но это еще культурно, порой как загнет, так хоть святых выноси. Твой отец был не против капитализма, он говорил, что при царе хорошо жили, он с развалом страны примириться не мог. Все это возможно по причине болезни — знаешь, его мучила астма: «Умру, вот тогда и делайте, что хотите, делайте». — Не послушал его Генсек, а зря, — затем, добавлял — это уже для тебя и брата Федора: «Можете даже дом покрасить», — его красили изначально из-за того, что кирпич для него был изготовлен не на заводе, а на местном Цегельнике, отец опасался за прочность материала. «Краска уже совсем

облупилась», — сокрушенно качал головой отец, не любил он бардака. Порядок у него был на первом месте. Чего не скажешь о наших правителях. Те наоборот любят «плескаться в мутной воде. В ней легче что-нибудь для себя выудить».

Для того чтобы провести газ я обо всем разузнал у людей, решивших данную проблему, прежде всего у брата Федора, — он, правда, давно все это сделал, у лесника, жившего неподалеку от дома матери, после чего забрался в машину — свою «ласточку». Мне необходимо было в районном отделении соответствующей службы, сделать заявку. Я сделал и дня через два-три приехал от них человек — молодой парень, произвел замеры дома для разработки проекта. Этот проект был готов лишь через месяц. Деньги для него пошли небольшие, но на этом их трата не ограничивалась. После того как проект оказался у меня на руках, я был вызван в «Горгаз» и там на меня оформили договор на проведение работ по газификации. Затем, я в нужных местах поставил подписи и заплатил приличную сумму. Для оплаты мне пришлось «потрясти» свою сберкнижку. Прошел месяц и снова я еще раз заплатил: купил котел, газовую плиту, трубы, да и мастеру сварщику дал за установку системы отопления. Работы эти заняли часть весны и лето. Я безвылазно находился у матери, она неотступно ходила рядом, охала и просила мастеров не разрушать печи. Их в доме было две.

—Не тронем мы бабушка твои печи, не тронем, — говорили они матери и не тронули. Это после стало для меня важным аргументом и позволило на следующий год заменить окна. Они за тридцать лет — это столько стоял дом, — подгнили, и причиняли матери неудобства, — одной замазки уходило на сотню рублей, да и лазать,

вставлять вторые рамы на зиму и снимать на лето, — их было десять, — для старой женщины тяжело.

Деньги на окна я потратил большие, обошлись в копеечку. Одно название — «евро» чего стоит.

Была у меня еще одна задумка: подвести в дом воду, затем его покрасить — выполнить пожелание отца и поменять уличный забор, за место, деревянного поставить железный. Для всего этого мне нужны были деньги. Ладно, решил я для себя: пойду немного поработаю, не развалюсь.

Лет пять я не работал. Нет, не из-за того, что не мог. Сил у меня хватало. Мне было жалко времени. Я его отдавал на написание книг.

Любил я писательство, неплохо у меня получалось. Занялся им случайно. Благодаря дочери. Девочка росла любознательной, ее занимала литература и больше всего мои рассказы. Отчего я не читал чужие творения? Читал, но это днем, а вот вечером, уложив дочь в постель при выключенном свете, в темноте много не почитаешь — можно только рассказывать. Для этого нужно было время подготовиться. Я не успевал и просто был вынужден что-то придумывать, излагать экспромтом. О чем я мог говорить? Интерес у дочери вызывали истории из моего детства. Оттого я прикладывал все усилия, припоминая все, что мне удалось пережить и хорошее и плохое, ничего не скрывал. Излагал правду, даже если мне было несколько не по себе. При этом всегда добавлял: «Смотри, у меня еще и сейчас лицо горит, стыдно». Это качество — излагать правду присуще не многим писателям, их можно перечислить по пальцам, но я его придерживался и придерживаюсь в настоящее время. Иначе я бы ничего не опубликовал. Не мог же я написать о своей фамилии,

соврав. Меня легко можно было уличить во лжи. Людей желающих найти несоответствия достаточно. Однако, правда, может быть не всегда лицеприятна. Это я понял сразу же после реализации тиража своей первой книги.

Следом за первым своим томиком, я выпустил другую книгу. Она была о моем товарище — начальнике Юрии Александровиче Шакине. Затем я подготовил к печати детские рассказы для дочери и сказочную повесть. Однако для печатного варианта у меня не нашлось денег. Загрузил в Интернет. А еще два романа и лишь после загорелся идеей написать о Шакине вторую книгу. Из меня льет. Я пишу и пишу. Не могу остановиться.

Из-за неимения спонсоров, мне трудно что-либо напечатать, трудно выйти на большие тиражи, а значит добиться размещения своих произведений на полках книжных магазинов. Но это ни о чем не говорит. То, что мои книги интересны, я слышал от людей. Они хвалили меня открыто и в лицо. Мне, хоть и с большим трудом, но удалось окупить тираж первой книги, распродав его среди своих близких, знакомых по работе (тогда я еще толкался изо дня в день в научно-исследовательском институте) и — случайных людей, с которыми меня свела судьба. Однажды я сумел всучить книгу, посвященную матери соседке по дому. Это произошло забавно. У меня и сейчас звучит в ушах ее голос. Она поднималась на свой семнадцатый этаж с бутылками пива для мужа. Пиво для него было наградой. Прибежав с работы, он тут же хватал двух афганских овчарок и отправлялся их выгуливать.

Не знаю, отчего это я, забравшись в лифт, после слов приветствия не удержался и спросил:

—Пивом балуетесь? — тут же кивнув головой на бутылки.

—Да почему, не только... — многозначительно сказала женщина: — Мы и книги любим читать! — Тут уж я и предложил. На что соседка согласилась. Однако, взглянув мне в глаза, сказала, что прочитать прочтет, но рецензировать не будет. — Тяжело это делать, да уже и не хочется. Возраст не тот.

—Да ладно, — парировал я и, забежав в квартиру, книгу ей продал. Женщина рассчитывала на меньшую сумму, но я удержал цену. В тот же день соседка спустилась — можно сказать: снизошла и, отказавшись зайти в квартиру, стоя возле открытой двери, долго хвалила мое произведение:

—Много ошибок, но это вина корректора, не твоя, а вот все остальное просто идеально. Я тебе это говорю как специалист. — Какой, я уточнять не стал, неудобно было расспрашивать, и ее горячую речь выслушал до конца: — Книгу твою открыла нехотя, сознаюсь, но, едва приступив, заинтересовалась и уже не могла оторваться, пока не закончила, ни к чему не притронулась, а работы — очень много, очень. Делать, не переделать. — Затем женщина взяла паузу и вдруг попросила автограф. Я, оставив ее на минуту у дверей, сбегал за ручкой, и на книге — она держала ее в руках, написал просто: «На добрую память соседке, от автора, человека, живущего несколькими этажами ниже» — затем витиевато расписался. Она прочитала мои слова и, заулыбавшись, удалилась. Я закрыл за нею двери.

Час, а то и более я бегал по квартире и радовался сверившемуся факту.

—Ты, что это? — не выдержала жена.

—С семнадцатого этажа, ну ты знаешь, эту даму — она работает в большом издательском центре или работала, не

знаю точно, да и не важно, так вот она похвалила мою книгу.

Хорошо, что я после ее слов, сдержался: мог бы возомнить себя большим писателем, и потратить деньги — пенсию — она у меня накапливалась на счету — на издание какой-нибудь другой книги, а не на помощь матери. Вовремя она тогда дала мне «добро» моим начинаниям и деньги ушли в нужном направлении. Я в том году не только отопление сделал в доме, но и поставил евро окна.

Мать, однажды взглянув на преобразившийся дом, не удержалась и сказала:

—Я тут поразмыслила и что тебе скажу: для себя сынок делаешь. Там, у вас в Москве, такое творится, такое творится, уму непостижимо. Однажды приедешь и останешься. Я много не проживу! — После ее слов мне пришлось мать слегка попенять:

—Мам, что ты такое говоришь? — помолчал и добавил: — Больше, не смей. Живи, — на полную катушку, — ни о чем плохом не думай! — И тут же подумал о Черном человеке. Он не был захвачен нашей «доблестной милицией» и посажен в тюрьму, находился где-то на свободе и творил свои дела. Информации о злодеяниях этого индивидуума в прессе было достаточно. Экраны телевизоров пестрели страшными картинками. Укрыться от него было нелегко. Ну, разве только в Щурово у матери.

Женщина из нашего дома меня своими похвалами взбудоражила. Я, вспоминая их, для себя решил, что слушать специалистов, конечно, нужно, но мир изменился. Он стал другим, реального теперь в нем мало, все сплошь фантастическое. Мы живем среди непонятных грез. И то, что мой труд хорош — это прекрасно, но для кого мои

книги, вот в чем вопрос? Для нее, для других таких же людей из советского времени, но не для современной молодежи. Она такое, возможно, читать не будет. Да и не читает.

Для проверки версии, что мои книги никому не нужны, я создал сайт, обозначил его просто: вместо «библио», что значит книга, написал — «библ», а далее вместо «пиоплс» — народ — «пипл», затем поставил точку и известное «ру», разместил на нем свои книги, книги для народа, скачивай и пользуйся. Ну, и что? Люди, конечно, заходят, но не активно. В месяц посещало мой сайт человек пять и всего лишь. Возможно, это было связано с тем, что у меня в книгах присутствует тяжелая правда, а «народу» хочется чего-то легкого смешного или же из области Спилберга, чтобы мирам тошно было. Искусственным мирам, не настоящим.

Пока тошно мне, а не мирам. Я ищу деньги — работу, которая может мне принести эти самые деньги. Работа писателя дохода не дает, для меня она убыточна. Деньги небольшие — за поддержку работоспособности компьютера — я на нем пишу, за Интернет, затем за поддержку сайта. Принтер я почти не использую, экономлю бумагу. Она стоит денег. Ждать накоплений пенсии на счету — это можно — зарплата у жены неплохая — после разговоров на страницах газет им учителям — она учит детей в школе, — денег подкинули. Теперь возможно, добавлять, да и срезать долгое время не будут, нет резона, — цены растут быстро, через год-другой инфляция и так все «съест». За это время у меня на сберегательной книжке тысяч… — о-го-го сколько будет, правда, вопрос в том — хватит, а если хватит, то какого ждать матери — забор на улицу того гляди завалится, таскать воду из

колодца тяжело да и смотреть на обшарпанный дом стыдно, давно бы его нужно покрасить.

Работу найти мне не удавалось. Хотя я и не ленился, посетил все известные мне предприятия, находил через Интернет новые, не раз бывал на специальных ярмарках вакансий, не забывал и про биржу труда. Везде и всюду за мной тайком следовал Черный человек. Выдал я себя, уж не знаю, каким образом. Даже автомобиль не всегда выручал, порой не удавалось спрятаться и в нем. Черный человек стал мне попадаться на дорогах города на добротной машине «БМВ». Он уже в метро не лез. Далась ему эта подземка. Да и зачем толкаться. Там у него работали доверенные лица — свои люди. Они справлялись и без него. Он искал деньги и платил. Я его побаивался. Он о том знал. Я не раз ощущал на себе его взгляд, даже на бирже труда этот человек отметился. Наверное, из-за него со мной нигде не хотели разговаривать. Возможно, причина была в том, что я был пенсионером. У них и без меня хватало посетителей, Их бы пристроить. Я это понимал и инспекторов не досаждал, в зале просматривал объявления. Толку не было. Но я не отчаивался. Однажды одна из инспекторов неожиданно выдала мне:

—Вот смотри, мужик, ему сорок пять лет и специальность хорошая — строитель, а никому не нужен. Кризис. Ясно. — Что мог я раздосадованный на весь мир сказать ей в ответ, лишь одно:

—Да у нас в стране после президентства Губачева уже двадцать лет кризис. Жить не выгодно стало, все деньги уходят на туалет, и то не хватает, а душу чем «кормить» по боку значит душу, — помолчал и добавил: — Вот сделают выход на пенсию в шестьдесят пять лет и народ эти все ваши «шарашки» в один день снесет, а за одно и…. — я не

договорил, лишь махнул рукой и пошел.

—Не пугай нас! Пусть сносят. Мы сами пойдем с народом. Нас вон в метро взрывают. Моя подруга вчера погибла. За что? Думаешь, у нее зарплата высокая? Или у меня? Гроши! За них, эти гроши она и легла? У нее муж больше месяца уже не работает, дети малые остались. Их растить нужно, — помолчала и крикнула мне вдогонку: — Пуганые мы, пуганые! — Я ничего не ответил. Да и что мог в ответ сказать. Хлопнул дверью и ушел.

В этот день я собирался еще съездить на другой конец города на ярмарку вакансий, но решил не рисковать: занялся штудированием журналов, газет, листовок, принесенных с биржи труда, время от времени садился за телефон и звонил. Но все было напрасно: звонки в один конец. Большинство колонок пестрело не предложениями о найме на работу, а желанием мнимых работодателей обдурить и выудить из претендента последние деньги, прежде чем он сядет за стол и возьмется за документацию, или же станет за станок, чтобы точить детали. Я, конечно, мог отправиться к Юрию Александровичу Шакину, но не отправлялся, даже не звонил. Я ведь тоже был из села. Пусть рядом возле него всегда находилась Москва. Но это ни о чем не говорило. Мне было известно, что километр в сторону и уже дремучее захолустье. На многих примерах я убеждался в правдивости этих слов. Попадались по жизни люди. Я с ними много лет провел в общежитиях.

Меня и Шакина отличало от обычных сельчан, отправившихся покорять столицу, целеустремленность. А еще у нас в крови была гордость и вот эта самая гордость не позволяла мне перед ним пресмыкаться. Я ждал от него шагов к примирению, он должен был первым сделать

звонок. А пока я задействовал свои каналы. Предложения поступали, но предлагаемая работа была не по мне.

Однажды — это было вечером, я поднял трубку, звонил племянник Владислав, сын моего младшего брата Федора, — он, благодаря мне жил в столице. — Как-то раз я, подбрасывал его на своей машине из Щурово в Москву и не удержался, пожаловался, что ни как не могу устроиться. Этого оказалось достаточно: парень, записав у себя на подкорке, через людей, — круг общения у милиционера велик, — пытался мне что-то подыскать. То, что это было в его силах, сомнений у меня не вызывало. Владислав был парнем расторопным: я не зря его в свое время после окончания сельской школы пристроил в Московский институт. Он не только его хорошо закончил, но и сумел остаться в столице, правда, пристроился на работу в милицию, чтобы не пойти в армию и не возвращаться в Щурово. В селе люди не нужны были, тем более с высшим образованием. Полная разруха.

Владислав, поздоровался и будто, между прочим, сообщил мне о теракте, а еще попросил из дома на машине далеко не ездить, а в метро даже не соваться.

—Я сутками дежурю, мы всех и вся проверяем, — закрыли город на «замок», ищем участников этого изуверского происшествия. Пока не удается напасть на след, но зато мы подготовили фоторобот. Долго копались, прежде чем сделали. Один из этих черных типов попал в поле видимости видеокамер. — Помолчал и сообщил: — Я вышлю вам на электронную почту его фото. Вы распечатайте и носите в кармане, на всякий случай. Вдруг пригодится. Да и еще, я обязательно для вас найду место. Ну, ладно, до свидания, всем привет, — и положил трубку.

Письмо пришло без задержки. Владислав сразу же

после нашего разговора отправил мне материал о террористе. Я тут же распечатал фоторобот и долго вглядывался в него.

Ни один месяц мне на улицах города мерещился этот изверг. Не давал покоя.

Устроиться на работу мне не удавалось, и я все больше времени отдавал написанию книги. Правда, я писательство и не бросал, но теперь прежде чем загрузить в текстовый редактор нужный файл лазал по сайтам, типа — «работу ру». А вдруг повезет. Все бес толку. Не желали брать пенсионеров. Меня даже не спасало то обстоятельство, что я ушел на заслуженный отдых несколько раньше официального возраста — шестидесяти лет — отработал в свое время десять лет на вредном производстве. «Нам, — слышал я в трубке телефона, нужны люди не старше тридцати пяти лет». —Вот дались им эти люди. Что это за такой возраст. Не знаю, как долго бы я искал работу, но однажды я догадался в поисковике написать: «требуется писатель» — и о, чудо. Компьютер выдал мне целый перечень сайтов, блогов, форумов и чатов, где эти слова встречаются. Я принялся их изучать, оценивать. Чем черт не шутит, вдруг какой-нибудь богатый человек желает иметь книгу о себе, подобно той, которую я написал о Шакине. На этот раз я буду умнее. Напишу и на подпись. Согласен. Затем тут же в печать. Может быть, и удастся подобно Тургеневу создать за приличные деньги еще одно «Дворянское гнездо». А уже затем можно и над обустройством отцовского дома поработать, создать матери комфортные условия для жизни. Сколько этой жизни у нее осталось?

Много я пересмотрел информации в Интернете и, наконец, открыл один из сайтов. Он был странным. Я это

заметил сразу. Долго, сколько это возможно, находясь у монитора компьютера, я изучал его. На странице: «контакты», на которую я тут же поторопился заглянуть, значился лишь адрес электронной почты. Адрес почтовый вообще не упоминался. Телефонов тоже не было.

У меня было желание услышать живой голос. Я всегда стремился иметь дело с человеком стоящим напротив. Мне было бы легко общаться, видя его реакцию. О человеке, или же о группе людей, скрывающихся за аккуратно, выполненными страницами сайта в серых тонах, на которых везде висело лишь одно объявление, сказать что-либо хорошее или плохое было невозможно. Да и что я мог сказать, лишь отправить послание или же резюме, да и то без какой-либо надежды. Сколько таких сайтов, до поры до времени, занимают на сервере удобный адрес и ожидают наступления лучших времен? Они, в последующем могут быть наполнены нужной информацией и раскручены — до них пока, у хозяев не доходят руки. Возможно, что они уже где-то выставлены на продажу за большие деньги и их в любой момент могут схватить.

Долго смотрел я на страницу этого странного сайта, прежде чем пододвинул к себе клавиатуру и написал сообщение. Оно было лаконичным и открытым, в нем я выразил желание работать. Изложил о себе одну лишь правду. Отправил. Ответ пришел довольно быстро. Текст будто не человеком писаный — роботом. Есть такие письма. Их часто пользователи Интернета еще называют — спамом. Чуть было не удалил. Заглянул случайно. Прочитал раз, второй, третий. «Вы вызвали у нас интерес. Мы вами занимаемся» — слова, да и только подумал я. — Ни к чему не обязывающие. Ждать продолжения…

—Занимайтесь, — сказал я сам себе и взялся за книгу. У меня было желание отправить двухтомник на конкурс: «Большая книга», оттого сидел скрупулезно и подолгу над каждой страницей.

Моя книга о Юрии Александровиче Шакине, — «новом русском» заводчике после губачевской России. В предыдущей книге я написал о его жизни в селе, учебе в школе, в институте, о работе и, конечно же, не забыл про детскую любовь к однокласснице, переросшей затем в любовь-болезнь. Он в книге стремился от нее отделаться, уйти, но не мог. Ната, так звали девочку, Наталья — девушку, затем госпожа Наталья Михайловна — женщину, его держала, что ту собачонку на привези и не отпускала.

Я, многажды, бывал у Шакина в гостях — дома. Правда, давно — это было в восьмидесятые годы, нам тогда стукнуло по тридцать лет. Мне часто попадалась на глаза симпатичная девчушка. Как-то раз она забежала за солью к матери Юрия Александровича. Девочка меня чем-то привлекла: я по ее взгляду понял, Шакин ей нужен и едва та шмыгнула за двери, принялся расспрашивать о ней товарища. Это вызвало у Юрия Александровича неподдельный интерес. На прощанье я не удержался и сказал товарищу:

—Подрастет, женись, не будь дураком, лучшей невесты тебе не найти!

Он на ней женился. Но подруга детства у Юрия Александровича из головы никуда не делась. Она снова присутствовала в моей второй книге, и я описывал их взаимоотношения. Мне не всегда хватало информации. Рядом крутился Черный человек. Он был мне помехой. Да и Шакину как я знал тоже.

Вторая книга, только вначале давалась мне легко, а

затем я застрял, подолгу сидел за компьютером, и не мог, порой сдвинуться с места, желание было позвонить товарищу, герою — Юрию Александровичу Шакину и побеседовать с ним. Добрый долгий разговор помог бы мне, но гордость останавливала меня и не позволяла подойти к телефону. Порой я даже крутился рядом возле него, поднимал трубку и снова клал на место.

Тем не менее, время шло и моя книга разрасталась от событий, пухла, становясь толстой, пусть и не так быстро как того хотелось. На написание страницы уходил ни один день. В минуты затишья — «умственной пустоты», я занимался поисками той работы, которая могла давать мне деньги. Результата не было. Я, проверял свою электронную почту и читал письма. Кто-то языком робота ставил мне отметки, сверяя данные, имеющиеся обо мне в Интернете, да и не только — ни один день что-то странное творилось с компьютером: уж не завелся ли «червь» — вирус. У меня на жестких дисках — их было два, хранились, довольно интересные задумки разных книг, черновики и другие откровения. Файлы были закрыты паролями и все заархивированы. Для хорошего хакера вскрыть их и просмотреть — это пара пустяков. Защищал я их от обычных пользователей, шныряющих по Интернету в поисках чего-то особенного. Меня беспокоило то, что у моего возможного работодателя была информация помимо той, которую ему я отправлял, например, о совпадениях, имевших место в моих книгах, и в жизни. А еще о событиях, написанных наугад и затем сбывшихся. Например, о моем двоюродном брате Александре, его превращениях в сказочной повести. Я ее написал для дочери, тогда еще подростка. Она выросла и однажды мне сказала:

—Папа, а дядя Саша и впрямь пострадал. Правда, у тебя, по книге он в течение года был оборотнем, а в жизни, — она сделала паузу. — Лежал в больнице с кровоизлиянием в мозг, — продолжил я, ужаснувшись, — а затем долго восстанавливался, пытаясь выбраться из небытия. — Задумался и долго молчал. — Не знаю дочь, не знаю! Я считал всегда, что жизнь не предсказуема, видать ошибался.

Однако мой будущий работодатель четко и последовательно по полочкам раскладывал мою жизнь, забираясь во все ее потаенные уголки. Что тот Сатана, Дьявол, — Черный человек. Неужели эту информацию обо мне можно найти в Интернете? Нет! Я не верю. Наверняка, в Блэкнете. Я даже начал его побаиваться. Супруга однажды не выдержала и сказала:

—Сеня, да брось ты писать ему, зачем тебе нужны «на одно место приключения». Подумай, что еще за работу он тебе даст?

Я заполнял анкеты, проходил тесты, и довольно успешно. Неизвестного работодателя все во мне устраивало. Пока устраивало. Затем мне сообщили, что осталось еще немного, возможно, с целью успокоить, так как я уже начинал нервничать.

Трудно было определить, как долго займет процесс моей проверки. Четкого графика у них не было. Ответы приходили то через день, а то и неделя требовалась. Однажды молчание затянулось и длилось целых десять дней. Сообщение пришло после очередных терактов на двух станциях московской подземки. Жители города вздрогнули, я был в их числе. Долго приходил в себя, сидя у монитора, затем открыл письмо и с неохотой прочитал текст. То оказалась обычная отписка. Просили еще

подождать. Мне необходима была работа временная — на зиму, так как летом я рассчитывал заниматься благоустройством усадьбы. Наверное, оттого, я не выдержал и, набравшись нахальства, забросил на электронную почту свою просьбу поторопиться с проверкой при этом в жесткой форме изъявив свое желание: «Могу ли я надеяться на трудоустройство или же нет? Сообщите прямо. Я пойму и не обижусь! Мне не хочется быть привязанным».

Отчего я так поступил? Понять легко. Меня ужаснули теракты в метро, мелькнула мысль укатить в Щурово и на время спрятаться от Черного человека. Очередной телефонный звонок племянника Владислава не был обнадеживающим. Он сообщил, что милиции не удалось найти и отдать под суд членов прошлого теракта, и о том, что снова на видеокамеры попал известный уже человек, — так называемый распорядитель кровавых работ. — Будьте осторожны, — сказал племянник и затем более спокойным голосом вдруг выдал: — Дядя Сеня я тут для вас подыскал место. Работа, не ахти уж и какая — нужно заниматься снабжением. Вы будете лазать по сайтам, искать необходимые товары с приемлемыми для фирмы ценами, затем в небольших количествах закупать их и доставлять на склад. — Сделал паузу и продолжил: — Доставлять, конечно, на своей машине. «Ласточку» вашу фирма обязуется поставить на полное «довольствие». Тут проблем не будет. Оформления никакого. Зарплата в конверте… — он назвал сумму. Она меня устраивала. Но я взял время на раздумье. При этом не поленился и записал имя, отчество директора фирмы: «Алексей Григорьевич» и номер телефона. Правда, записал и тут же на время забыл.

Поступи от Владислава предложение раньше я бы сразу

согласился, не задумываясь. А сейчас не мог. Меня беспокоила обстановка в городе. Я подолгу вглядывался в фоторобот преступника. Черная вязаная шапочка не давала мне покоя, выводила из себя. Она почти полностью скрывала лоб. Этот изверг часто болтается на улицах Москвы. Что если я буду вынужден, устроиться снабженцем (работа это разъездная) и наши дороги перехлестнутся? Удастся ли мне от него уйти? Может лучше сидеть дома и, как говорят, не рыпаться. Хотя дома тоже взрывают. Вон в Буйнакске упал, затем после Москвы завалился и в Волгодонске.... Где еще может случиться такое несчастье? Одному Аллаху известно. Под его именем совершаются подобные злодеяния над спящими и ничего неподозревающими людьми.

Причина не торопиться выходить на улицу, у меня была, — могли взять писателем, а еще «свербели» руки. Чем черт не шутит, — напишу свое «Дворянское гнездо» — книгу значимую и не о Шакине. Кто такой Шакин? Мелкий предприниматель. У него даже своего завода нет. Арендует небольшой пролет с десятью станками и использует для производства изделий изобретение, которое не только его, но и мое и других наших товарищей — совместный труд.

У меня хватит энергии и терпения для написания книги. Пусть я Ивана Сергеевича Тургенева не смогу затмить своим талантом, — это и неважно, но хоть приближусь к нему.

Книга о Шакине может явиться моей отправной точкой приложения сил. Вторая — даст мне опыт. А уж затем я создам что-нибудь более значимое и также размещу на своем сайте. Оно, мое творение найдет своих читателей, приобретет известность и мне удастся застолбить вначале

маленькую деляночку, а уж затем огромную — завоевать киберпространство. Таким образом, я пролезу в виртуальный мир.

Племянник в телефонном разговоре сообщил мне, что время терпит, и тихим голосом, будто вскользь сказал о приезде своей матери. — Его мать Валентина Максимовна приходилась женой моему младшему брату Федору. А еще я от него узнал о дате ее приезда и не удержался, спросил:

—Что требуется приютить? Так, пожалуйста, пусть приезжает.

—Да нет, проблема разрешилась: на днях я перебрался, не поверишь? — в трехкомнатную квартиру. Места полно. Это раньше — мне, Антонине и ребенку приходилось ютиться в «однешке». Теперь в ней проживают брат жены и моя теща.

—Ну, ты просто молодец! Как это тебе удалось все уладить? — спросил я. — Наверное, мать Антонины нелегко было уговорить, а еще, как мне известно, у твоей жены есть младшая сестра…

—Сестру, забрали в специализированный детский дом, — оказалось она серьезно больна, — он помолчал, затем продолжил: — Ситуация, можно сказать, «сама собой разрулилась». Я тут однажды размышлял: да-а-а чего только в жизни не приходится делать, чтобы пристроиться на жительство в столице, — затем, сделав паузу, Владислав принялся перечислять известные мне факты. — Выгоняли из институтского общежития. Не выгнали. Удержался, поступил в аспирантуру. Чуть не забрали в армию. Хорошо, что пошел в милицию. Негде стало жить, — женился. Взял разведенную москвичку с квартирой и ребенком, усыновил. Пацан Санька оказался забавным. Вот теперь жду своего: Антонина беременна. Да еще,

хотел мальчика на праздники отправить к отцу и матери через одну знакомую. Ее Оксана зовут. Да вы ее может, и знаете, частенько крутиться у нас дома в Щурово. Недавно вот она приезжала в Москву за товаром.

—Нет, не знаю ни какой Оксаны, хотя не отрицаю, мог видеть, — ответил я, морща лоб, пытаясь вспомнить.

—Представляете, опоздал. Задержался в дороге: приехал с Санькой на вокзал, а поезд тю-тю. Он кричит: «Хочу в Щурово» — рвется. Но не побежишь за поездом. Догадался, вызвал мать. Поможет немного Антонине по хозяйству и заберет с собой в село пацана. Пусть он месяц, другой отдохнет на природе, а там глядишь и место в «садике» выделят.

—Понятно, — сказал я. — Ну, давай, — не теряйся. — Племянник мог месяцами не звонить. Объявлялся, когда необходима была помощь. Я ведь спросил неслучайно у него о матери. Она, да и мой брат Федор, оказавшись в Москве, всегда останавливались у нас на квартире. А тут вот нет. Ее ждали в трехкомнатной квартире. Особенно желал увидеть бабушку Санька, забавный малыш. Он всем пришелся по душе. Лето не зря провел в Щурово. Даже моя мать и то однажды излила свое удовольствие внуку:

—Владик, вот не скажи ты мне, что Санька не твой сын, спорила бы с соседями до хрипоты, утверждала бы, что он вылитый ты, в детстве, такой же был! Шило в заду. На месте не посидишь!

Мать была права. Даже она привязалась к мальчику. А Федор, тот души в нем не чаял. Скучал. Валентина его жена нет-нет и приезжала в Москву поиграть с неожиданно объявившимся внуком.

Дождавшись жену с работы, я не выдержал и сообщил ей о звонке Владислава, прямо на пороге:

—Света, жди гостей из Щурово, Валентина, собирается в Москву. Правда жить будет у сына. Есть где. Ну, к нам, как полагается, зайдет.

—Никак соскучилась по Саньке? Даже про работу забыла. Все на Федора переложила. — Работа у жены брата была — пустое провождение времени, — разносила почту и получала на советские деньги — рубля два-три, не больше. Порой, даже свои вкладывала, чтобы ее выполнить — государство, почтовые услуги не ценило. Денег не давало. Почтовые отделения впору было закрывать. Но не закрывали. Наверное, по причине того, что высшее начальство своими зарплатами было довольно. Да и в селах терпели, числиться на службе многие желали, торопя время, чтобы уйти на заслуженный отдых. На почте работала не одна жена брата, женщин было много. Не бросали места. Не было в селе работы. А стаж выработать нужно было. Но уж как они ждали пенсии, — подсчитывали счастливый год, месяц, день, будто боялись пропустить. Саму пенсию никто не считал, знали, что при такой зарплате дадут лишь только «минималку».

—Два года осталось, два! — рапортовала Валентина, затем: — Год. Богачка буду. Раз в пять стану больше получать. Не то, что на почте. У нас вон Хорошенький, жена у него от рака умерла — да ты знаешь его. Он с тобой в одном классе учился. Так вот недавно вышел на пенсию, и что же — за ним бабы вдовые табунами бегают. Нарасхват мужик! Как ни как теперь он обеспеченный человек, при деньгах, а то всегда с дырой в кармане ходил…

Я однажды, находясь у матери в селе, на вопрос того же Хорошенького, прозвали его так за смазливое лицо, назвал свою пенсию и вызывал у него и у стоящих рядом

мужиков восторг и не только — зависть. Но мать тут же осекла мужика:

—Ишь ты, много! Да это ему по-хорошему — для машины на бензин. Мой сын должен в пять раз больше получать. Он кандидат технических наук. Ты не знаешь, какие он должности занимал. Тебе и не снилось. Ты лишь в колхоз ходил. А он ученый. Вот так!

Племянник сообщил мне о приезде своей матери и на время отключился. Но прошла неделя, и он попросил:

—Дядя Сеня, не смогли бы вы отвезти мою мать и мальчика на машине в село. Вы, я знаю, собирались съездить на праздники…

—Да, собирался, но ты же говорил мне, что сейчас после взрывов в метро неспокойно, идут тотальные проверки, а потом без детского кресла я не поеду. Сам знаешь, сейчас строго. Чуть что не так и штраф плати. Не хотелось бы….— Про кресло я упомянул, для того чтобы оттянуть время: у меня перед глазами стоял образ Черного человека.

—Да купит мать кресло, купит, — тут же откликнулся Владислав и облегченно вздохнул. Он всегда умел просить.

На другой день я забрался на электронную почту и открыл письмо от работодателя. Прочитал его и с облегчением вздохнул.

Что я прочитал: «Вы приняты на работу с трех месячным испытательным сроком. Мы берем вас на замену. Но, если вы проявите себя с хорошей стороны, то будете зачислены в штат, с окладом… —далее стояла приличная сумма. График — констатировал невидимый работодатель — свободный. Ограничений нет. Желаете, можете отправиться хоть на Канары. Тут же стояла приписка: «Это шутка».

Валентина, жена брата Федора позвонила сразу же после получения мной сообщения о работе.

—Ну, ты что надумал? Тебя предложение моего сына устраивает? Он в любой момент может позвонить знакомому, да при желании и ты сам это можешь сделать. У тебя же есть его телефон, — она замолчала. Уж я подумал что-то со связью. Ждал-ждал, раза два подул в трубку. Свояченица откликнулась: — А то, может, катнем на родину. Я помогла молодым и покую вещи. Давай на четверг?

—Погода плохая, — ответил я. Молчание. — Хорошо, подумаю, — и тут же после недолгого разговора согласился: — Надо, так надо! — Вот такое у меня воспитание. Не могу отказать. Готов идти на уступку.

Зачем я согласился? День назад я возил дочку в сервис на своем автомобиле. Машину дочери отремонтировали, и позвонили ей, чтобы забрала. Держать день-другой лишний машину не желали. Забирай и все. Мы поехали. На обратном пути — домой, она вела свой автомобиль, а я свой. Было все хорошо, пока в моей машине не закончилась жидкость для промывки стекол. Это произошло на МКАДе. Там я попал в передрягу. От идущих плотным потоком машин, образовывался ореол от смешения брызжущей из-под колес грязи и воздуха. Мне от него не было спасения. Он цепко охватывал мой автомобиль и осаждался на нем, что плохо — на ветровом стекле. Мне ничего не было видно. Однако, что странно в одной из машин мелькнуло лицо точь-в-точь соответствующее присланному племянником фото — организатора убийств в подземке. Я, ориентируясь по задним огням впереди едущих машин, отчего-то его рассмотрел. Попытался следовать за ним, однако потерял,

затем у одного из гипермаркетов нашел возможность, съехал на стоянку и, достав из кармана распечатку, посмотрел. Ошибки не могло быть. Это был Черный человек. Что-либо предпринимать было поздно. Я залил «незамерзайкой» пустой бачок и помчался. Дочь нагнал лишь у самого дома, когда она ставила автомобиль на парковку.

Глава 3

Эйфория переполняла все клеточки моего организма: я был принят на работу, на должность писателя. Отсчет времени пошел. Мне гарантирована зарплата. О требованиях ко мне, как к писателю, я могу узнать и позже. Интернет — в селе, на почте. Да, он «тормозной», но загрузить инструкции работодателя, загрузит. Проблем быть не должно. У матери в моей комнате стоит компьютер. Он не ахти уж какой, но с текстовыми документами работать можно. Так что буду собираться. Не одному же ехать. Попутчики у меня имеются.

Черный человек, силуэт которого мне привиделся на МКАДе, мелькнул и тут же пропал. Да и тот ли это тип, который разгружал большегрузную машину с мешками гексогена, так называемым сахаром? Их этих Черных людей развелось много. Явно работает банда. А затем в Щурово меня никто не найдет. Там я буду в полной безопасности.

На родину, матери, я звонил, один раз, а то и два — в неделю, приветствовал ее, расспрашивал о самочувствии — здоровье. Болячек у нее хватало. Доставал желудок, кишки. А еще были плохие сосуды, отчего часто «скакало» давление. Оно, то «падало», то резко поднималось. На дню, мать раз по десять проверяла его, да порой и среди ночи поднималась с постели. У нее, в буфете под рукой стояла банка с растворимым кофе, — я заботился о том, чтобы она не иссякала, — старался, пополнял, — это для поднятия давления, а еще таблетки, чтобы его снизить. Легчало не сразу, от кофе быстрее, а от таблетки давление приходило в норму минут через десять, а то и больше.

—Хорошо, что ты сынок тонометр мне привез, — не раз я слышал от матери. — Как бы я без него обходилась? — Я хотел ей отвезти обычный, тот, который остался нам после тещи, но жена воспротивилась и убедила меня купить автоматический.

—Сеня, с ним матери будет легче справляться. Ты же знаешь рядом некому ей померить давление. Твой брат Федор живет далеко. Он не наездится! — Она оказалась права. Мать быстро научилась измерять давление, привезенным мной «японским чудом», и без прибора уже обходиться не могла.

Перед отъездом из Москвы, я набрал номер телефона матери и сообщил, что приеду, назвав день. Мы разговаривали очень долго. Я пользовался карточкой дешевой фирмы и мог время не экономить. Правда, во время разговора я не раз порывался положить телефонную трубку, — завтра будет время, — приеду, и наговоримся, но мать о чем-то вдруг неожиданно вспоминала, и разговор продолжался. Наконец, она словно нехотя стала прощаться:

—Ну, все, я тебя утомила своими разговорами. Приезжай сынок, приезжай, а то в вашей Москве сейчас неспокойно, я тут по телевизору смотрела новости, знаю, так что буду за тебя молиться! — сказала она и линия разъединилась. Я не расспросил о том, что ей нужно привезти, но перезванивать не стал. Мне хорошо было известно, от чего мать не откажется. Это от: «коляски» украинской жареной колбасы, от сыра, — раньше я брал копченый колбасный, но после того, как в него стали добавлять всякие лишние компоненты, приобретал «Российский» или же «Советский». А еще — от рыбы: банки соленой сельди или горбуши, конечно же, от

«червячков» — консервированного коктейля из морепродуктов в растительном масле — мать его однажды попробовала и полюбила. Кофе, чай, конфеты, печенье — это было, как дополнение к гостинцам и мной прилагалось. Мятные леденцы мать брала в баню. Они ее спасали от слабости, когда вдруг от жары начинало учащенно биться сердце. Хлеб — мать любила «Бородинский», я тоже его привозил, но на этот раз решил испечь дома — и черный, и белый. У нас появилась хлебопечка. Ее мы приобрели после того, когда один из купленных в солидном магазине, а не в киоске, батонов хлеба покрылся красной плесенью, а не зеленой и в черном хлебе мне попался гвоздик. Я тогда чуть не сломал зуб.

Незадолго до отъезда, я, надеясь на то, что мне удастся посидеть над своей второй книгой, записал нужный файл на флешь-память. Мысли о том, что Юрий Александрович Шакин должен развернуться — построить свой собственный заводик не давала мне покоя. Я рисовал в голове схемы, представлял, как это все должно произойти.

За день до отправления в Щурово я с женой отправился в гипермаркет. Там мы прикупили, что нужно было мне в дорогу, в качестве подарков и для дома, загрузили все в багажник машины, но неожиданно жена вспомнила, что давно хотела зайти в «книжный мир». Он находился через дорогу и манил нас своими неоновыми огнями. Решили заглянуть, была мысль ненадолго, но не получилось, — задержались на целый час, а то и больше.

Моя супруга покупала книги только лишь для работы, так как художественные на семейном совете мы дали зарок больше не приобретать. У нас за годы совместной жизни скопилась большая библиотека. Она состояла не

только из классики, в ней были произведения современных авторов, книги по культуре. Библиотека разместилась в книжном шкафу, на полках стенки и ее антресолях, в прикроватных тумбочках, там, где только было возможно поставить один, другой том, везде стояли книги.

Книги некуда было девать. Новыми — нас снабжала дочь и зять и мы их, прочитав тут же торопились им возвратить, чтобы не ломать голову куда поставить. Даже временное их нахождение вызывало у нас желание от них избавиться. При необходимости все можно было вытащить из Интернета. Проблем не существовало.

Я, оказавшись в книжном магазине, обычно рассматривал книги малоизвестных мне авторов, по возможности, зачитывал отдельные абзацы для того, чтобы почувствовать язык, и тут же торопился сравнить его со своим письмом. Искал отличия.

Особый интерес у меня вызывали люди, завалившие прилавки магазинов своими произведениями: Андрей Пельмин, Игорь Луканенко, Василий Голвачев. Некоторые из книг этих авторов мне были знакомы. Не удержался, прочитал.

Жена Светлана тут же отправилась в отдел учебной литературы, а я застрял у полок с книгами русских авторов. Мне в руки попалось новое произведение Пельмина о графе Толстом. Я вспомнил, что о нем мне говорила дочь Елена Прекрасная и обещала дать почитать. Для того чтобы иметь впечатление об этой книге я принялся зачитывать отдельные куски в начале книги и в конце, пытаясь понять сюжетную линию произведения. Время для меня остановилось. Заслышав рядом шаги, я подумал, что жена уже сделала выбор, но ошибся,

услышав мягкий незнакомый мне голос:

—Молодой человек, не подскажите..., — я тут же опешил: какой такой молодой человек — пенсионер уже, но, взглянув на гражданина, обратившегося ко мне, — меня в нем поразила шевелюра и седая борода, — понял, что я для него молодой. — Он попросил меня показать ему отдел русской классики. Такового в магазине не было, и я посоветовал поискать нужные ему книги в отделе русской литературы. Гражданин, окинув взглядом, множество полок, обрадовался большому количеству книг и согласился:

—Да, здесь есть, где «разгуляться», то есть, что посмотреть, — и тут же протянул мне руку: —Я, Иван Сергеевич, — сказал старик. — Живу..., — он сделал паузу и, отчего-то вздрогнув, продолжил: — в Брянске. Случайно, вот оказался в Москве, хочу подыскать что-нибудь из классики. Меня интересуют описания городов и весей в литературе русских писателей. Я люблю путешествовать по России и сравнивать прошлое и настоящее. Я побывал уже, — старик задумался, помолчал и принялся перечислять малоизвестные названия городов и сел, среди них будто случайно мелькнуло и название моего села — Щурово. — Я, услышав название, с удивлением взглянул на Ивана Сергеевича. Он, заметил мой интерес и сказал: —Интересное село, интересное — поселение старообрядцев, бывший посад, там когда-то и ратуша была, шли бурные заседания... — Я, не стал его расспрашивать, ни к чему было, не мешкая, назвал себя, пожелал ему успехов, и мы расстались.

Затем я отыскал взглядом в зале жену, — она направлялась в кассу, — поторопился на выход. Идя по длинному проходу книжного магазина, я на одной из

полок увидел книгу Тургенева «Дворянское гнездо». Портрет на обложке напомнил мне о старике, и я оглянулся. Моего знакомого Ивана Сергеевича и след простыл. Я подошел к жене и на время забыл о странном, ничего не обязывающем, знакомстве. Правда, дома я неожиданно вспомнил о старике, остановившем меня в зале книжного магазина, и похвастался:

—Света, представляешь, я тут земляка встретил. Его зовут Иван Сергеевич. Уж очень он похож на другого Ивана Сергеевича — Тургенева, известного русского писателя.

—Странно, земляк и похож на известного русского писателя, — в раздумье проговорила Светлана. — Тургенев ведь орловский, а не …

Зазвонил телефон, и я, не дослушав фразу жены, побежал брать трубку, на связи был племянник.

—Дядя Сеня, приезжайте, — сказал Владислав, — мать и Санька вас ждут.

—Хорошо, сейчас буду, — ответил я и принялся одеваться. Мне удобно было отправиться со свояченицей и ее внуком в Щурово от себя: улица, на которой находился мой дом, выходила на МКАД, не было необходимости петлять по городу.

Вечером я их привез к себе. Затем мы принялись загружать машину. Я забил ее под завязку сумками с подарками, просто с пустыми банками и тем, что желал вывезти из квартиры, дабы ее не загромождать. Здесь в Москве оно — это добро было лишним, а в селе могло пригодится. Например, я после замены в квартире кухни, мебель не выбросил на помойку, а отвез ее в Щурово на своей, не очень уж и большой машине, предварительно завалив задние кресла. Мебель выглядела прилично и

могла еще послужить. Я установил ее у матери в доме и соседи, заглядывая к ней, находили овощной стол, рабочий стол, несколько подвешенных полок прекрасно вписывающимися в интерьер комнаты. Удивляла их и вытяжка над плитой, правда, не шумом вентиляторов, а возможностью подсветки. Стиральная машина, я ее тоже доставил из Москвы, пока была не задействована, но в случае подвода воды и устройства канализации могла пригодиться. То, что все это я мог привезти за сотни километров, приводило Федора в восторг. Он недоумевал, как такое возможно.

—Вот у двоюродного брата Александра машина намного больше твоей «Ласточки», но разместить в салоне габаритные предметы, хотя бы те, что ты доставил в Щурово, ему бы не удалось, правда, задние кресла у него не раскладываются, — крепятся жестко, возможно из-за этого.

Ночь прошла тяжело. До меня во сне не раз пытались добраться какие-то люди. Я чувствовал в голове шум, а еще, какой-то стук будто барабанили в дверь: «тук-тук, тук-тук, тук-тук». На миг, продрав глаза и уставившись на лицо смотрящего, на себя человека — это был отчего-то мой новый знакомый, земляк Иван Сергеевич, я тут же впадал в забытье. Не понимая, что ему от меня надо, я некоторое время был представлен самому себе, затем снова пробуждался от шума и стуков в голове. Я не помню момента, когда надоедливый земляк отставил меня в покое. Он будто кому-то незадачливо сказал: «Видно ничего не получится. Вай-фай с Интернетом на него не действует. Он запрограммировал себя на сон и на дорогу. Придется попробовать другой способ воздействия». Затем наступила тишина. Меня оставили в покое. Я мог спать.

Поднялись мы очень рано в половине четвертого, в окнах было еще темно. Принялись собираться, однако выйти из дому быстро не смогли: у нас все валилось из рук. Я с трудом приготовил в дорогу термос с горячим кофеем, при этом чуть не ошпарил себе руки, когда наливал из чайника воду. Жена подала мне бутылку воды, хлеб и мясо, — копченые куриные окорока. Я затолкал все это в сумку, затем она помыла и, вытерев полотенцем, положила нам в сумку несколько яблок и апельсин, со словами:

—В дороге все пригодится, если ни вам, так мальчику. Санька фрукты умнет с удовольствием, за милую душу.

Из квартиры — на выход я отправился, не дожидаясь, Валентины: — она собирала внука. Захватив кое-какие вещи, я не забыл захватить с собой и тормозок, лучше не скажешь о сумке с едой, способной на полпути заставить вдруг остановить автомобиль, расстелить скатерть-самобранку и утолить голод. У двери я сказал свояченице, чтобы она не тянула и спускалась на лифте вниз. У меня не было желания подниматься снова на этаж, но я забыл «незамерзайку». Пришлось вернуться, при этом в голове мелькнула мысль: это нехорошо.

—Света, Света, — появившись снова в квартире и не забираясь дальше порога, позвал я жену, — принеси мне с балкона емкость с синей жидкостью.

Жена принесла и я, схватив ее, повернулся, чтобы уйти.

—Мы же не простились, — сказала Светлана и, обхватив меня, чмокнула в щеку. — Вот теперь можешь идти.

—Ну, зачем эти любезности? Я, отправляюсь в Щурово ненадолго: туда и назад. Дней на пять… — не больше. — Ладно, будет тебе, так нужно, — сказала жена. И она была

права. Человеку неизвестно что с ним может произойти, например, через пять минут, а уж через пять дней — да что угодно.

Я вышел из подъезда в темноту, глубоко вздохнул, огляделся. Воздух был сырым, ну что та губка. Погода скверная. Даже мороз, если бы он неожиданно ударил ночью, спасти положение не смог бы, лишь только усугубил его. Хотя зима без холода, не зима. Да, в дороге нам будет тяжело, — подумал я и направился к автомобилю.

Моя «Ласточка» была заставлена машинами. На расстоянии, надавив на кнопку пульта, я отключил сигнализацию и, подойдя к автомобилю, забрался на водительское кресло. Чтобы не заносить в салон грязный снег я, присев на кресло, неторопливо отряхнул его, стукая ботинком о ботинок и, повернувшись на девяносто градусов, закрыл за собою дверь, затем, пристроив сумку с едой и емкость с не «замерзайкой», принялся заводить двигатель. Машина заводиться не хотела, глубже вдавив педаль тормоза, я повторил попытку. Двигатель заработал. Я принялся, выворачивая руль то круто влево, то вправо, дергаться: вперед, назад, вперед, назад — до тех пор, пока не выехал из колонны авто, пристроившихся на ночевку вдоль дороги. Народ еще досыпал и не успел разъехаться.

Из подъезда вышла свояченица с Санькой. Я их увидел в зеркало заднего вида и выбрался из салона авто, чтобы им помочь. Мальчика я посадил в креслице сзади и пристегнул ремнем. Он устроился без капризов и тут же принялся посапывать носом. Валентина расположилась справа от меня. Я не смог разложить вещи таким образом, чтобы найти ей место рядом с внуком.

—Не беда, — сказала Валентина, — часов восемь-десять

и будем в Щурово.

Медленно, для того чтобы прогреть двигатель, не используя педаль акселератора, я начал движение по слабоосвещенному двору, заполненному машинами. Осторожно огибая их чтобы не зацепить, я выкатился на широкую улицу.

—Да, уже половина шестого, а ведь хотелось выбраться из города пораньше, теперь бы не попасть в «пробку», — сказал я Валентине. В ответ она лишь кивнула головой.

Улица была пустынна, и я прибавил скорость, пересек несколько других, одолел мост через реку Москва, затем, выбрался на МКАД, и тут мы увидели плотный поток медленно, движущегося транспорта. Только на московской кольцевой автодороге, я ощутил все «прелести» погоды на ветровом стекле автомобиля. Достаточно было очистить стекло от грязи, летящей из-под колес, рядом идущих машин, как через минуту оно снова становилось почти непрозрачным. Я снова давил на рычажок и жидкость струйкой брызгала на стекло. «Дворники», смешивая ее с грязью, распределяли по всей поверхности, усугубляя положение, и я давил и давил на рычажок, с мыслью: «Хорошо бы хватило «незамерзайки», хорошо бы хватило….». Дорога предстояла дальняя.

Из-за плохой видимости я допустил оплошность и, пытаясь выбраться из города, свернул несколько раньше, не доехав до нужного поворота. Возможно, меня сбил с толку, водитель черной машины «БМВ», попался на пути и я, увидев его лицо, что тот фоторобот, дернул руль, правда, вовремя спохватился и не съехал с МКАДа, а помчался назад, но с внешней его стороны, теряя драгоценное время. Свояченица не могла мне помочь. Город ее пугал и она в процесс вождения не вмешивалась. Это не то, что

моя дочь Елена Прекрасная, супруга или же племянник Владислав. Они у меня исполняли обязанности штурманов, сидя рядом в автомобиле, следили за знаками, подсказывали, а еще выискивали всякие промахи и тут же указывали на них. Особенно был въедливым племянник. Он меня просто доставал: уже километров сто осталось позади, а Владислав порой говорил и говорил о незначительном нарушении: «Дядя Сеня, а вот вы там… — махал при этом куда-то далеко в сторону, рукой, — при обгоне заехали за сплошную линию. Это вы зря сделали. Что если бы милиция? Вас тут бы оштрафовали!». Однажды оштрафовали. Произошло это забавно. Незадолго до этого инцидента он на заправке попытался дать мне деньги на бензин. Я отказался: «Не нужно» — Племянник тут же быстро спрятал деньги в карман. Ну, спрятал, и спрятал. Не знаю, отчего Владислав из-за небольшой ошибочки не удержался и принялся меня «учить». Ну, я бы его понял, если бы парень безукоризненно водил автомобиль, а то только имел права и ни чего более. Правда, и я не был богат опытом: обзавелся автомобилем, перед тем как выйти на пенсию. Так вот мы распалились, я не увидел знак ограничения и превысил скорость — коробка автомат, не какая-то механика, оттого даже не заметил. Тут же взмах жезла милиционера, прижался к обочине и подождал стража порядка. Он неторопливо подошел и сообщил мне о нарушении, затем проверил документы и пригласил в будку ГИБДД, где я заплатил штраф.

—Ну, что? — спросил Владислав, уставившись на меня, когда я возвратился и недовольный уселся в кресло машины.

—Что-что? — на вопрос ответил я вопросом, а затем,

усмехнувшись, сказал: — Ты там мне деньги совал на бензин? Давай! — Помолчал и добавил: — Чтобы меньше болтал. Нет бы, вовремя подсказал, а то сел на место штурмана и выедаешь мне мозги! — Владислав нехотя полез в карман и отдал мне купюру. Какое-то время он молчал, затем не удержался. Правда, я тут же его остановил:

—У тебя, что денег много, не знаешь куда потратить?

В настоящее время ситуация была другой: уж теперь меня никто не задевал, правда, и ждать помощи было не от кого. Я сам был хозяином положения. Забота о том, чтобы доставить нас в Щурово лежала исключительно на мне и на моей «ласточке». Не смотря ни на что, я при плохой видимости должен был не только управлять автомобилем, но и, задрав голову, смотреть на указатели, подвешенные на растяжках, а также на знаки по правой стороне дороги.

Сориентировавшись, я перебрался через мост на внутреннюю сторону автомагистрали и, одолев километров пятнадцать, сделав полукруг, и сверху взглянув на МКАД, выбрался из Москвы. Впереди Апрелевка, Наро-Фоминск, Обнинск, мост через реку Угру, слева у нас останется Калуга, затем будет Брянск и …

—Ну, все, теперь мы на правильном пути, триста километров, а то и больше прямо и прямо… — Свояченица взглянула на спящего мальчика и вздохнула:

—Хорошо!

Дорога близ Москвы была освещена, и я шел с включенным ближним светом, как-то предписывали правила. Неизвестно отчего фонари горели не на всех участках и мне, время от времени, приходилось переключаться на дальний свет. И тогда меня слепили

встречные автомобили. Но я опускал козырек, а еще отводил глаза, держа руль ровно, не съезжая со своей полосы движения. Это меня и спасало. Скоро рассвело, и я тут же переключил освещение.

Трасса не везде была плохой. Нам попадались совершенно сухие участки, на которых можно было скорость держать приличную, а не плестись, да и жидкость для очистки стекол не требовалась. Это меня радовало. Так как, имевшегося запаса, в багажнике, на всю дорогу, могло не хватить. Правда, купить ее не проблема, однако задерживаться в пути не хотелось. Мы и так много времени потеряли зря: Москва не отпускала. Пока вырулили на трассу, час прошел, а может и больше. Я рассчитывал остановиться, где-то возле Брянска, покушать и еще один раз на одной АЗС, для того чтобы заправиться хорошим бензином. Однажды я попался, — взял «левый» бензин, чуть не «запорол» двигатель.

Санька недолго молчал. Скоро он проснулся и принялся возмущаться:

—Развяжите меня. Я не могу так!

—Ну, что? — сказал я свояченице. — Придется искать место для стоянки. Вот так взять и стать на обочине, я не могу. Дорога не чищена, потом не выберешься, еще видимость плохая: ноль. Не заметишь, как стукнут в зад моей «Ласточке», при этом даже не поморщатся. Съехать с трассы можно только на автозаправке более негде.

—Ну, раз на автозаправке, так на автозаправке, — тут же отреагировала Валентина и принялась успокаивать внука. Он замолчал и я, пользуясь тем, что мальчик не капризничает, проехал одну заправку, другую. Наверное, зря. Нужно было остановиться, так как скоро Санька начал плакать, это случилось в тот момент, когда я не мог

остановиться, впереди шли большегрузные машины и грязью забрасывали ветровое стекло. Я поливал его моющей жидкостью и выжидал момент, чтобы вырваться на «встречку», так как дорога имела по одной полосе в разные стороны и совершить обгон. Неожиданно меня подсек «лихач» на «Лексусе» и мне, чтобы избежать столкновения пришлось надавить на тормоз. За рулем сидел молодой парень. На мой сигнал клаксона, он лишь только ухмыльнулся. Я вынужден был плестись за внедорожником. Правда, недолго, «Лексус» выскочил на встречную полосу и ушел вперед. Затем я увидел «БМВ», он шел на большой скорости: не менее двухсот километров в час, по встречной и тоже скрылся из виду. Я вздрогнул. Мальчик похныкал и успокоился. «Ну, слава Богу!» — подумал я и тоже пошел на обгон. Мне необходимо было обойти большегрузные машины — фуры. Я их обошел. Далеко впереди на повороте мелькнул черный «БМВ» и скрылся. Дорога намного километров была свободна, и опасаться чего-либо непредвиденного не следовало. Я так думал, но зря: вдруг на большой скорости меня обошла машина ГИБДД и долгое время шла передо мной. Я даже через грязное стекло видел ее габаритные огни. Ну, и пусть все спешат, торопятся, подумал я, обгоняют меня. За десять часов доедем до Щурово, так за десять. Это летом я мог потратить на дорогу семь-восемь часов, однажды мне хватило и шести, правда, я тогда ехал один, без попутчиков.

«Ласточкой» я был доволен. Она шла безукоризненно. Не так давно я поменял на ней «расходники»: масло в двигателе и даже в коробке переключения скоростей, хотя и не было необходимости: автомобиль не прошел и ста тысяч километров, а еще прокачал тормоза. Они и так

работали на отлично. Что меня смущало? Это то, что я, опасаясь при торможении заноса машины, переключил коробку перемены передач на зимний режим, не в полной мере зная ее возможности. У меня была боязнь, что при экстренном нажатии на педаль тормоза, система сработает, как-то иначе, полного заневоливания всех колес не произойдет. Эта ситуация могла быть не в мою пользу. То чего я боялся, и случилось. Так уж видно устроены люди. Они сами программируют свое будущее и оказываются в не нужном месте и в не нужный час. Нет бы все с точностью наоборот. Тогда бы и жизнь была другой.

Метров за двести я увидел фуру. Она шла без габаритных огней. Мне попадались машины без включенного света. Да и я сам порой отправляясь в путь или же сделав остановку, забывал включить ближний свет. Отключить его проблем не было. У меня включалось сигнальное устройство. Оно пиликало до тех пор, пока я не ставил переключатель в нулевое положение. Не поставил машину на ручной тормоз — снова сигнал, не вытащил ключ зажигания — сигнал, а вот не включил свет — тишина. Тишина — означающая, что автомобиль на дороге будет плохо просматриваться. Мы водители уже привыкли замечать машины с включенным светом, а без света в последний момент. Я не раз уходил от столкновения с «невидимым автомобилем», в самый последний момент, рискуя жизнью, — все из-за того, что глаз его воспринимал с запозданием.

Фура приближалась. До нее оставалось метров сто, я снизил скорость до шестидесяти-семидесяти километров в час. Это значение, пусть и ненамного, но превышало ее скорость. У меня было желание догнать большегрузный

автомобиль и пойти на обгон. Расстояние между нами сокращалось. Я снова побрызгал на стекло. Пятьдесят метров. Еще прилично. Мелькнула мысль прибавить «газку», но не стал. Что-то меня остановило, возможно, то, что у большегрузного автомобиля не горели габаритные огни, и на глазах он у меня находился лишь во время промывки стекла и минуту-две после, затем из поля видимости исчезал.

Минуты через три я снова побрызгал на стекло, обогнать большегрузный автомобиль не было возможности: по встречной полосе шли машины. Затем я, выждав некоторое время, снова принялся брызгать на стекло. Заработали дворники, и я увидел, что фура стоит и ни где-то в стороне, на обочине, а у меня на пути. Она словно умерла. Никаких признаков жизни, даже аварийная система не включена и это при плохих погодных условиях. Я не понимаю до сих пор, отчего до такой степени не уважать едущего следом человека, на все наплевать. Наглость водителя большегрузного автомобиля непозволительна. Ну, да он же на фуре едет. Ему все было по-фигу. Это мне, находящемуся сзади него необходимо беспокоится о своей безопасности. Значит, я не беспокоился. Иначе бы столкновения не было. Я обязан был увидеть габаритные огни идущей впереди фуры, даже сквозь грязь и вовремя сориентироваться, остановить свою «ласточку». Поздно я начал давить на педаль тормоза. Очень поздно. Мой автомобиль на зимнем режиме работы не встал как вкопанный, продолжал двигаться. Я снизил скорость, до пятидесяти километров в час не меньше, может до сорока, машину несло, в голове тут же мелькнула мысль — это конец, а может...— страха, не было. Время просто остановилось.

Мало людей, которые способны предсказать свои действия в экстремальных ситуациях и засчитанные секунды среагировать. Для этого необходимо знать себя. Я себя не знал. Что еще плохо, мне и в голову никогда не приходило отрепетировать, пусть и не в заведенном автомобиле экстремальные случаи, которые могли быть на дороге. Что стоило отработать правильную реакцию, взял бы поставил перед автомобилем племянника Владислава, дал ему в руки обычный флажок, а брата Федора посадил рядом, чтобы наблюдал за мной. Неожиданный взмах Владислава флажком и мои действия, затем обсуждение этих действий, при необходимости повтор, снова взмах флажком и все сначала. Отработка до автоматизма. Ох, как бы мне это все пригодилось.

Глава 4

Мне не раз приходилось размышлять над тем, как я засыпал. А еще меня интересовал тот факт, что я мог находиться в бессознательном состоянии и существовать. Физиологические процессы внутри моего тела не прекращались — «механизм», как говорят, работал, что те часы четко и без перебоев. А душа? Она, находясь в покое — сне, могла быть использована, например, Богом или еще кем-то без участия физического тела? Возможно, да!

Я засыпал по-разному, мог например, у постели дочери, рассказывая ей одну из своих историй, пересиливая усталость организма, вырубиться мгновенно. Меня будто кто-то отключал от всемирной сети, щелкнув тумблером. Что интересно? Я, проваливаясь в сон, словно в яму, слышал эффектный шумовой удар, вздрогнув, словно испугавшись чего-то, тут же возвращался в реальный мир, и как ни в чем не бывало, продолжал свой прерванный рассказ. А еще, отправившись вечером на покой, я мог попросту не заметить перехода в состояние сна, и, отключившись, проспать сколь угодно долго.

При столкновении моей «Ласточки» с большегрузным транспортом произошло странное: мое сознание, посредством невидимого браузера подключилось к какой-то глобальной сети, я себя увидел со стороны. Одна часть меня, — наверное, регулируемая тем самым неизвестно чем занимающимся полушарием мозга, выбравшись из автомобиля, отправилась в сторону леса по глубокому мокрому снегу, а другая, — находясь в бессознательном состоянии, осталась с телом, дожидаться милицию.

Машина ГИБДД довольно быстро оказалась рядом. В

том, что я разбился, есть вина милиции: она внезапно, не знаю, по какой причине, остановила колону машин на трасе, а еще водителя большегрузного автомобиля, сидевшего в кабине на высоте, чувствующего безнаказанность и свою правоту. Была и моя вина: не видишь дороги, не езжай. Слово «надо» заставило меня отправиться в путь. Разбилась моя свояченица Валентина Максимовна — жена брата Федора и ее внук Санька, до конца ничего не понявший, что произошло. От удара он упал между кресел и лежал там до тех пор, пока его оттуда не извлекли.

Словно со стороны, я слышал голос молодого парня водителя из Гомеля, он звучал где-то в голове:

—А что я? Меня тормознули. — Не пожелал он войти в мое положение, хотя в данной ситуации мог оказаться кто угодно, даже он сам.

Что можно сделать в автомобиле по уши в грязи, с малым клиренсом? Ничего. Так взял бы хоть, поднял руку и раз-другой нажал на клаксон — просто бибикнул. Я бы услышал его и затормозил намного раньше. А еще он, водитель из Гомеля мог бы поднять свой зад, выбраться из машины и сходить, очистить задние осветительные приборы от грязи. Может, этого было бы достаточно.

От удара я будто выскочил из своего тела в виртуальное пространство и вот уже медленно, иду в неизвестность, не зная, что меня ждет впереди. Направляя взгляд то в одну, то в другую сторону я будто фонарем выхватываю из темноты участки местности и прокладывал свой путь. Мысли вначале сумбурные, непонятные обретают свою значимость: я забрался на пригорок, словно вырвался из хаоса. Этот пригорок был для меня чужд, но я довольно быстро придал ему контуры знакомого с детства и не раз

виденного мной у Лукьяновского леса, недалеко от Щурово. На нем я представил, а затем и увидел резвящихся ребят. «Юра, Юра, Юра! Где ты?» — услышал я звонкий детский голос, вырвавшийся в небо и разнесшийся эхом по всем четырем сторонам. «Неужели это кто-то зовет Юрия Александровича Шакина, моего товарища? — подумал я. — Он, что здесь? А может, это зовут меня». Для раскрытия характера своего персонажа я многое списал с себя. Не раздумывая, я тут же бросился вперед и, оказавшись рядом с ребятами, понял, что они ненастоящие — это всего лишь их реплики — виртуальные оболочки. Четкого изображения мои герои не давали: слегка высвечивались на фоне природы и это меня на тот момент отчего-то позабавило.

Я, довольно часто, рассказывая маленькой дочери по вечерам о своих друзьях, в зависимости, от их поведения добавлял по своему усмотрению все новые и новые приключения. Мои товарищи менялись и из реальных людей, становясь персонажами многих моих рассказов, сказок, повестей, романов, приобретали черты мира виртуального.

То, что произошло после, меня нисколько не смутило, испуга на моем лице не вызвало, так как это было желание моего «второго я» — нового виртуального существа. Я не отпрыгнул в сторону, не спрятался за кусты, когда прямо передо мной из зарослей молодого ельника выскочил и промчался волк — оборотень. Этот оборотень был репликой измененного мною двоюродного брата Александра, он в соответствии с повествованием в течение года жил в лесу, добиваясь любви женщины волчицы — Лессы. Мне бы увидеть женщину моего двоюродного брата.... — подумал я, и вот она. Идет неторопливо. Голову

держит гордо. Здесь в этом мире некуда спешить. Последовательность действий мной описана. Ничего лишнего. Я останавливаю женщину. Смотрю на нее. Да, она на фоне черного пространства просто красавица. Я сумел ее описать. За такую можно бороться.

Что дальше? Вот перед глазами герои моей другой книги. Наиболее ярко вырисована моя сводная сестра. Здесь рядом с нею я вижу нашего отца — Владимира Ивановича. Он уже умер. Что я могу о нем сказать? Я хорошо его знал и плохо. Он в моих книгах получился таким, каким получился. Отцы, послевоенных детей, остро чувствуют разницу: для них друг и враг — это два понятия не совместимые с жизнью. Врагов они убивали, беспощадно, не задумываясь ни на секунду. Я вижу как отец, выйдя из себя, выхватывает из-за пояса трофейный пистолет и, размахивая им над головой, кричит своим недругам: «Сволочи, всех перестреляю, всех до одного!» — и начинает палить вверх. Он бы запросто пристрелил Черного человека, чтобы тот не преследовал меня и Юрия Александровича Шакина, не трогал других ни в чем не повинных людей. Он человек защитник. Для него война не закончилась и не закончится, она не опускает, держит в своих силках.

А вот я и мой брат Федор — мы другие и наши товарищи, другие. Федор сельский житель. Он не может убить врага, но животное — да. Правда, убивает он нехотя. Однажды я слышал от него: «Надоела мне эта резня…» — Федора часто зовут на подворье соседи зарезать свинью, да и другую живность, порой курицу зарубить. Без этого в селе трудно, а порой и нельзя — одни старушки остались Он другой, отличается от отца, да и от меня тоже. Я порой не могу раздавить жучка или же бабочку.

Много-много рядом возле меня людей — разных героев. Они фосфоресцируют, наполняя пространство своими силуэтами. Я приложил руку к их созданию. В первой жизни они другие. Несоответствий достаточно. Ничего странного в этом нет, я ведь не копировальщик какой-то, а писатель и наделен, возможностью, изображать действительность, привлекая художественный вымысел.

Не зря, наверное, приснившись однажды матери, отец на ее вопрос: «Володя, встретимся ли мы с тобой на том свете?» — ответил: «Нет! Никогда!». Мои мать и отец не встретятся на том свете такими, какими они были в жизни. Они все сделали, чтобы себя изменить. Да, вдобавок и я еще, приложил перо, выпустив в свет о них книгу. На мне дыхание этого измененного виртуального мира. Он мне представляется в форме земли, облака, солнца, галактики — это что-то округлое наполненное энергией, источаемой реально существующими людьми. Миллиарды людей перешли границу и находятся в черной звездной глубине «виртуального пространства», у его кромки — миллионы, в небольшом отдалении от нее, — тысячи, ближе к центру всего лишь десятки и единицы в центре, там, где бы желал находиться Бог и возможно, там он благополучно пребывает.

Я медленно иду по бездорожью и сталкиваюсь со своими героями. Они повсюду. Они везде. Удалось ли мне создать миры, свои миры? — задаю я вопрос и отвечаю: — Удалось! Мой мозг наполнен мыслями. Его работа не прекращается даже во сне. Оттого мои миры имеют право на существование. Мне помогают мои читатели. Пусть их и не так много, как хотелось бы. Но я надеюсь на их пополнение.

Что будет со мной? — снова бросаю я слова в

пространство виртуального мира, и этот мир оглушает меня гармонией звуков. Я понимаю, что мне еще далеко до логического конца. Уберег ли я свою душу? То, что произошло — воля Создателя или же Дьявола. Нужно обдумать. Разобраться. Время есть. Или же его нет. Что будет с моим заказчиком? Даст он о себе весточку или же отвернется от меня? Это вопрос времени. Правда, перед глазами у меня возникают полки большого книжного магазина, находящегося там далеко в Москве и я мельком вижу уходящую фигуру своего земляка Ивана Сергеевича — человека очень похожего на Ивана Сергеевича Тургенева.

Мне, во что бы то ни стало, необходимо закончить свое «Дворянское гнездо», вторую книгу о «новом русском» — Юрии Александровиче Шакине. Подобно Лаврецкому — герою Тургеневской книги, он имеет свой дом, усадьбу, хотя и не такую богатую, вместо крепостных душ — рабочих, их, правда не пять тысяч, едва с полсотни наберется. Но они на него работают и приносят ему доход. Он может подобно герою «Дворянского гнезда» уехать заграницу в Баден-Баден, туда, куда любил ездить на отдых Иван Сергеевич Тургенев. Достаток позволяет. Юрий Александрович понимает, что «родовое гнездо» это начало жизни Шакиных, его детей и внуков, обязательно богатых и знатных, благодаря ему, основателю бизнеса. Теша свое самолюбие он не поленился, нашел время и составил за деньги свою родословную — генеалогическое древо. Я. помню, однажды мой товарищ мне на ухо, по секрету сообщил о том, что его прапрадеды из дворян будут, у них даже герб был. Правда, герб он не показал. «Ну и что из того? — сказал тогда я: — Мои, — тоже! Это ведь не главное». Судьба моего товарища Шакина —

судьба тысяч таких же, как он людей, ухвативших судьбу за хвост, появившихся в конце двадцатого века, на «развалинах» СССР. Я обязан закончить о нем книгу. Я ее пишу, не смотря на то, что он меня уволил и мне сложно находить о нем информацию. Далее, в голове у меня мелькают мысли: зачем мой товарищ меня уволил. Юрий Александрович не хотел продолжения моей книги. Нежели он меня боится? Уж очень переплелись наши судьбы: моя, и его, — не разобраться. Кто, где? А я спрошу у него. Это для меня не проблема.

—Юрий Александрович! Юрий Александрович! — окликаю я пожилого мужчину в добротном костюме, свежей рубашке и атрибутом интеллигента — в ярком галстуке. Он мне импонирует: цветастый, широкий и до самого пояса, такие носили в восьмидесятые годы прошлого столетия. Мой «бледный» товарищ отчего-то смотрит на свои элегантные туфли и, не замечая меня, уходит. Обижается он на меня. Ну, и ладно. Время еще будет. А будет ли? — задаю я сам себе вопрос и ощупываю лицо руками. Затем, я осматриваю руки, на них кровь, ни чья-нибудь — моя.

Зачем, я иду? Куда? Что меня ждет впереди? Жив я или же мертв. Вопросы, одни вопросы. Им не будет конца.

Может, я иду не рядом со временем, а находясь непосредственно в нем, что та муха в патоке или как-то корабль в море, самолет в небе, рабочий на заводе, крестьянин в поле….

Неужели я иду на первое свое собеседование с работодателем. Мне бы в соответствии с условиями «заказчика», спрятавшегося во всемирной паутине Интернета понять чего он от меня хочет. Я готов и способен в точности выполнить все его требования —

писать не то, что я пишу — это в свободное от работы время, — а то, что ему по нраву лицезреть. Для меня проблемы не будет сдвинуть локтем руки все «старое» на край стола и заняться настоящим делом. Способен ли я, фантазировать, будут ли мои фантазии ему нужны, не знаю? Может, стоит попробовать. А еще не могу же я, находясь здесь в виртуальном мире быть в подвешенном состоянии. Да и не согласен. Я обязан иметь свое какое-нибудь место с компьютером на столе и стулом под ним — базу. И я, тут же начинаю воздвигать эту самую базу, не понимая, в полной ли мере, она будет отвечать требованиям владельца загадочного сайта, — человека или же группы людей, однажды пригласившей меня на работу писателем.

Затея находиться в этом новом мире, имея вокруг себя обустроенное пространство, мне удается. Я опускаю вниз глаза и вот у меня под ногами уже не грязный снег, а ковер из трав и цветов, а впереди в дымке тумана начинает вырисовываться что-то сказочное — сообразно роящимся в голове мыслям.

Мне бы забраться в небо, — на высоту, — думаю я: видимо пригорка уже недостаточно, — это бы позволило оглядеть пространство и свои творения, фосфоресцирующих героев сочинений. Да нет проблем, — слышу я в ушах свой голос, и вот через мгновенье мое воображение рисует странное архитектурное сооружение. Оно подобно ракете устремляется под облака, а затем, вдруг оплывая восковой свечей, начинает торопливо приобретать вид Останкинской башни: сооружения главного конструктора Николая Васильевича Никитина. Правда, довольно отличаясь от нее, мне плагиат не нужен, а всего лишь высота.

Я приблизился к башне и, обойдя вокруг по периметру, заметил подъезд, дверь и забрался вовнутрь. Темнота. Мне не нужна темнота, я вышел и окинул взглядом башню, после вдруг принялся это нерукотворное сооружение украшать. У меня достаточно энергии, чтобы ту часть, которая визуально не находилась над горизонтом окрасить в цвет времени года, а верхнюю в цвет неба. Эти цвета я сделал реальными для всех жителей виртуального мира и независимо от места их нахождения, то есть они могли видеть эту мою раскраску, находясь как далеко, так и рядом возле сооружения. Что еще я сделал: поднялся на скоростном лифте высоко-высоко вверх и принялся обустраивать внутреннее пространство башни. И в этот момент для меня все реальное вдруг утратило смысл. Наверное, оттого, что фронт работ был необычайно велик.

Глава 5

За работой я не сразу услышал шаги и голоса каких-то людей. Кто-то рвался в мою башню. Я спустился с верхотуры вниз; у входа стояли двое пожилых людей и в полголоса разговаривали между собой. Они будто искали убежища — возможности отдохнуть. Это я понял из их слов:

—Это поездка, эта поездка, — сказала женщина раздраженно, затем, машинально, поправив выбившуюся из-под модной шляпки прядь седых волос, закончила фразу: — меня просто утомила. — Я уже не могу себя сдерживать, чувствую себя, словно разбитое корыто. Мне бы упасть на кровать и лежать, лежать, не замечая движения дней. — Мужчина, это был ее муж, тут же согласился с женщиной, но при этом сообщил ей, что это не лучший вариант. Просто так уйти из жизни нельзя. За все необходимо платить...

Я осмотрел эту немолодую пару и сообразив, что они меня не оставят в покое, последуют по пятам, решил что-нибудь для них предпринять. Помогла женщина, Ирина Павловна, так ее звали. Она требовала отдыха и поэтому лишь только лифт начал свое движение обратилась к своему спутнику: «Тимур Аркадьевич, поехали на двадцатый этаж, на девятнадцатый мы спустимся у себя». — Да они богачи. У них во владении ни один этаж. Да и квартиры на площадке все их, а не отдельные — одна или две — сделал я заключение, забравшись в их сознание.

Мне не стоило труда тут же выделить этой странной паре апартаменты в соответствии с их запросами. Я попросту «прилепил» их к своим виртуально построенным

трем верхним этажам. В реальной Останкинской телебашне это были залы ресторана «седьмое небо»: золотой, серебряный и бронзовый. Не знаю, соответствовало это их запросам. Но то, что сделано, — сделано. Труда особого для меня это не составило: раз и готово. Через мгновение я остановил лифт в нужном месте и дал пожилым людям возможность выйти из него, ничуть не беспокоясь о дальнейшей их судьбе, после чего как только двери закрылись, устремился на самый верх доделывать свои дела — благоустраивать свое помещение. Я не нажимал на кнопки пальцами. Мне этого делать и не нужно было, лифт слушался меня и не только он. То, что эта странная парочка будет устроена по высшему разряду, я не сомневался. Здесь в новом мире все подчинялось моей фантазии: жизни персонажей моих книг и даже вот эти чужие люди, забредшие в мое пространство. Я мог здесь быть властелином и не потакать их прихотям, но отчего-то после отказа Шакина остановиться и дать мне ответ я не стал изменять для пожилых людей, забредших в мою зону действия, привычный мир. Зачем? Они этого не поймут. То, что они имели, то и имели, пусть довольствуются этим и здесь, у меня. Они были «завязаны» друг на дружку, знали друг дружку. Для них не было соседей. Они им были просто не нужны. Большой возраст — не помеха. Он для размышлений и осмысления прожитых лет жизни. Пусть остаются сами в себе.

Наверное, мое архитектурное сооружение — раскрашенная неподобающим образом башня, устремленная ввысь, с отдельным сегментом вокруг нее из трех моих и двух этажей для пожилых людей со стороны выглядела для какого-нибудь ротозея странной, но не для меня и не для этой парочки. Пусть радуются

существованию. Они того заслужили или же смогут заслужить. Судьба дала мне шанс в этом виртуальном мире иметь зону влияния. Правда, я не знал, как она велика и на что я в ней способен — стать Богом или Дьяволом, а может быть и тем и другим одновременно. Однако, я, проделав эту работу, отчего-то не увидел на себе удовлетворенный взгляд работодателя — заказчика.

Забрался в небо я высоко, метров на пятьсот. Сейчас здания строят и много выше. Но я — против таких сооружений, считаю, что в них нет необходимости. Что у нас в России земли мало? Нет, нет и нет. А еще они неудобны для жизни и плохи в обслуживании. И не только. Оно это обслуживание дорого стоит. А вот для виртуального мира пятьсот метров то, что надо. Обзор отличный. Мне уже не раз приходилось смотреть на землю свысока, когда я бывал с женой в ресторане «Седьмое небо». В золотом, серебряном и бронзовом залах. Давно это было, и вот я снова испытал примерно такое же состояние, — дух захватывало еще в скоростном, летящем вверх, лифте. Там, наверху стеклянные стены, движущийся пол и неплохая кухня, особенно нам понравился жульен из шампиньонов. Тогда нас грибами магазины не баловали, и я, вспомнив, невольно сглотнул слюну. Затем переключился и бросил взгляд вниз. С борта самолета не то: можно наблюдать за облаками, ну за огоньками больших городов — это ночью и всего лишь. А вот «Седьмое небо» — это просто здорово! Неплохо сделал, что взял все три зала в свое распоряжение. Фантастический вид с высоты «птичьего полета». Для меня в самый раз. Гляди, не хочу. И я смотрел во все глаза.

Далеко впереди я увидел летящий «Лексус», затем,

слегка опустив взгляд, разглядел в потоке машин тот самый большегрузный автомобиль, с которым столкнулся. Проследив за ним, я возвратился назад и увидел, что мою «Ласточку» грузят на платформу эвакуатора. Рядом крутиться мой брат Федор и Александр. Двоюродный брат доставил Федора и собирался отъезжать на своем «Жигуленке». А где же свояченица Валентина и ее внук Санька? Я забегал глазами по местности и вдруг увидел две кареты «скорой помощи». Они, слегка притормозив, сворачивали с киевского шоссе в сторону Брянска. Затем снова прибавили скорость. В первой находился я, а они соответственно — в другой. О себе я подумал вскользь, не акцентируя внимания, и тут же перевел взгляд на брата: он забрался в машину, устраиваясь рядом с водителем эвакуатора, тут же принялся отдавать распоряжения. Куда Федор повезет мою «Ласточку», в Щурово? Нет! Это километров триста. Я бросил взгляд и увидел, Федор показывает в сторону удаляющихся карет «скорой помощи». Все понятно: он хочет отвезти мою разбитую машину к племяннице Людмиле в небольшой городок Дятиново, находящийся в тридцати километрах от Брянска.

Моя племянница Людмила была родом, как и я, из села Щурово, попавшего после Чернобыльской катастрофы в зону отчуждения. Однажды она с семьей, спасаясь от радиации, нашла себе новое место жительства и прижилась.

Я у нее как-то был в гостях. Людмила крестила мою дочь. Правда, ей у меня побывать не удалось, хотя я и не раз приглашал Людмилу в гости в Москву, но она отказывалась и даже на свадьбу своей крестницы моей дочери Елены Прекрасной не смогла приехать. По

телефону на мой звонок ответила просто:

—Сеня, давление скачет: пять минут нормально и вдруг… — я не вылезаю из дома. Что та затворница сижу. А хотелось бы выбраться в свет и побывать у вас в столице!

Мысленно я увидел Людмилу. Она стояла на пороге дома в домашней одежде, с наброшенной на плечи курткой и всматривалась в движущиеся по улице Карла Либкнехта, ее улице — машины.

Федор все сделает. Людмила позвонит на сотовый телефон своему сыну Александру и тот поставит мой автомобиль в гараж, а затем Федор, отправиться в больницу, где навестит жену, внука, зайдет и ко мне, после чего поедет домой. За ним везде следует машина двоюродного брата Александра, героя моей сказочной повести, написанной для дочери. Спасибо ему.

А что же с большегрузным автомобилем? — задаю я себе вопрос и, простирая взгляд через пространство, нахожу его на перекрестке поселка Мамай. Он едет по прямой — в Белоруссию, на Гомель. На этом перекрестке я обычно сворачиваю налево. Затем, достаточно одного часа пути, с небольшим хвостиком, и мы бы прибыли в Щурово.

—Зря я поторопилась, наняла с лопатой пьяницу Бройлера, чтобы он убрал снег для заезда машины во двор. Зря, — слышится мне сокрушенный голос матери. — Не нужно было спешить, не нужно! А так чего я добилась: подстегнула события.

Я на миг сильно зажмурился, чтобы ничего не видеть. Темнота, одна темнота и чувство полета в никуда. Мое тело перемещалось, двигалось. Я чувствовал легкую тряску. Меня везли на коляске. Ее колесики подрагивали, натыкаясь на неровности кафельного пола большого больничного коридора, затем я отключился и, приходя в

себя, сквозь шум услышал чей-то восторженный шепот:

—Он, хоть и новичок здесь в этом виртуальном мире на второй ступени существования, но у него охват большой, не то, что у других наших писателей, покрывает несколько зон, даже свое родное село Щурово забрал, — затем последовало молчание и снова голос: — Это, оттого, что он одной ногой стоит в нашем мире, а другой — в реальном. — Я тут же попытался открыть глаза и осмотреться. Мне это удалось. Однако, рядом никого не было. Лишь где-то внизу сквозь дымку тумана я увидел небольшие вышки похожие на те, которые обычно используют для телефонной сотовой связи и не только. Они распространяли Интернет.

Я прошелся по периметру, вдоль окон. Помещение, напомнившее мне ресторан «Седьмое небо» Останкинской телебашни таковым не являлось. У меня было желание преобразовать его под рабочий кабинет, сделать комфортным для своей писательской деятельности. Мне здесь, возможно, придется находиться много-много дней. В Щурово у матери для меня была комната, в ней находилась не только кровать, но и у окна на небольшом столике стоял компьютер, на котором я писал свои книги. Я, отправившись на автомобиле к ней, собирался поработать.

—Сеня, это ты все для себя делаешь! — услышал я слова матери. Она их мне говорила, когда я занимался ремонтом дома и тут же подумал: этот мир, хотя и виртуальный, но он мой, пусть и не весь — мой, я должен в нем с удобствами обосноваться, чтобы заняться творчеством. У меня не зря чесались руки. Я желал писать и писать. В случае задержки — оскудения потока мыслей я мог встать из-за стола и пройтись, оглядывая панораму, ту,

которая открывалась моему взору за огромными окнами, затем, получив прилив сил, снова присесть за стол и строчить, строчить, строчить.

—Тридцать тысяч, — услышал я голос. — Тридцать тысяч человек ...

—Ну, и что? — подумал я. Мне была не понятна эта цифра. Какое отношение она имеет ко мне.

—Это столько людей ежегодно гибнет у нас в стране на дорогах, — мелькнуло у меня в голове. — А сколько в мире? Страшная статистика. Я, возможно, тоже один из этого огромного числа? — Я подошел к окну и вгляделся, нашел трассу, по которой только что на машине следовал из Москвы в Щурово, увидел красную окантовку — это жизни оставленные людьми при ДТП в течение последних лет. Дороги потенциально опасны и не только они. Аэропорты тоже, — подумал я, и тут же по небу пролегли красные линии, копируя маршруты полетов летательных средств. Железнодорожные вокзалы и пути следования поездов. Предприятия. Электростанции, а особенно атомные. Любые мероприятия, где собираются в больших количествах люди. Природные катаклизмы в обжитых людьми местах тоже приносят урон человечеству. Большие события — террористические акты и войны. Цивилизация расставила свои капканы во многих местах и подобно тому, как охотник в лесах добывает зверя, берет мзду, дабы в последствии исправить положение и сделать нашу жизнь менее опасной. Кровавый опыт человечества ради счастливого будущего. Когда оно будет и возможно ли здесь — на земле? Никогда, мелькнула мысль, и я вздрогнул, с силой зажмурил глаза. Пространство наполнилось пляшущими огоньками и красными линиями. Они наталкивались друг на друга, мешали мне

сосредоточиться.

—Так это кто у нас, — услышал я мягкий мужской голос. Затем кто-то стоящий рядом назвал мою фамилию.

—У него сотрясение мозга, множественные переломы черепа в области носа и верхней челюсти.

—Жить будет.

—Значит, я не из числа этих тридцати тысяч человек… — прошептал и резко открыл глаза. Передо мной простиралась все та же панорама. Ландшафт местности обычен, местами лес, небольшая речушка, болотце, отличный пригорок для дачного поселка или же деревни. Возможна, здесь было какое-то поселение. Что примечательного — еле заметно прослеживалась уже не существующая дорога. Я увидел всего лишь ее контуры и тут же задал себе вопрос: нужна ли она сейчас? — и ответил: — Нет. Я же нашел свой путь. Найдут пути и другие люди. Вот эти двое — парочка — мужчина и женщина уже устроены. Теперь, я должен заняться другими торопящимися ко мне гостями. Ладно, не буду подгонять события. Я уселся за компьютер и с чистого экрана — страницы текстового редактора принялся за «новую книгу бытия». Эти двое, да и не только они, но и другие те, которые в любой момент могут оказаться рядом в зоне действия моей, так называемой, «Останкинской башни» должны будут стать жителями моих будущих миров.

Там, дома в Москве или же в Щурово у меня было время подумать и закрутить отличный сюжетик, здесь времени не было. Хотя, как сказать? Уход человека из жизни равноценен охватившему его сну. Пришел на место упал и лежит. Лежит до тех пор, пока им не займутся. Правда, возможны спонтанные всплески, своего рода

видения, но они кратковременны и если не востребованы — гаснут. Я, связываясь с душой человека, должен вызвать прилив сновидений и изъять ту информацию, которая мне необходима, чтобы после ею грамотно с пользой распорядиться. Информацию мне необходимо внести в компьютер.

—Так-так-так, кто это передо мной? — сказал я сам себе и ответил: — Тимур Аркадьевич Гадай. — И принялся записывать о нем данные. Затем, я перешел к Ирине Павловне, его жене.

Тимур Аркадьевич был сыном известных родителей, я бы сказал — родителя, легендарного командира революции, прославившегося в годы гражданской войны. Всю свою жизнь он прожил, находясь под впечатлением светлых идей своего отца. Они, возможно, эти идеи и позволили Тимуру Аркадиевичу достичь больших высот, — он дослужился до генерала армии по политической части.

У меня был к нему интерес: испытывал удовольствие, копался в его насыщенной событиями биографии. Правда, долго стучать по клавишам я не мог, что-то мешало сосредоточиться, лезло в голову.

—Так, Тимур Аркадьевич Гадай, кто это за человек? — в который раз задал я себе вопрос и остановился, затем повернул голову на шум, доносившийся из лифтовой ямы. Это он был причиной моего стопора. Тут же перед глазами двери лифта распахнулись, и из кабины вышел рослый мужчина одетый по-современному, однако через мгновенье его пиджак превратился в сюртук, а брюки стали панталонами. Как это произошло, я даже не заметил.

Мужчина имел крупный череп, густую шевелюру пепельного цвета, лицо удлиненное, заканчивавшееся

ухоженной бородой.

Я встал, подошел к этому человеку. Он поприветствовал меня и потребовал внимания.

—Это писатель, сказал я. — Иначе и быть не может. Тургенев или же мой земляк… — слова застряли у меня во рту. Я рассуждал вслух. Мой гость тоже: —Так-так-так, вот вы какой? Похвально, — сказал он и пошел по часовой стрелке вдоль периметра уходящих на поворот огромных окон. Я отправился за ним следом.

Мы шли и говорили в движении. Правда, я больше молчал. Со стороны это походило на шествие учителя и ученика. Мне припомнилась информация из философского словаря об одном древнегреческом мыслителе Диогене Синопском, он любил излагать свои мысли на ходу и я подумал: — мой наставник не из разряда стоиков. Явный киник.

—Точнее, охотник, — прервал мои размышления вслух человек похожий на Тургенева и вдруг встал, как вкопанный, стоял минут пять, вперив глаза вдаль, смотрел на пейзажи за стеклом, правда, рта не открывал, возможно, собирался с мыслями, затем снова пошел и продолжил свою речь.

Из слов Ивана Сергеевича я понял, что нахожусь в промежуточной части света, откуда человеческие души устремляются в Ад или же в Рай. Для Ада достаточно двух разных мнений Адама и Евы — мужчины и женщины. Это приводит к обнулению потенциалов и наступает так называемое состояние Нирваны — полного конца жизни для индивидуумов. Желания индивидуумов попасть в Ад приводит к тому же эффекту и лишь, если они стремятся в Рай, они попадут туда. Им могут препятствовать обычные люди, те которым они при жизни нанесли ущерб, все

равно какой, значителен не только физический, но и интеллектуальный.

—Нирвана — это состояние успокоения души, то, которое человеку необходимо, но представьте что будет, если все люди вдруг устремятся в эту самую Нирвану? — подумал я и замолчал. Мой собеседник тут же продолжил: — Вот-вот, наступит Ад. Самый настоящий. Мы просто низложим Бога. Я, как нигилист должен это состояние приветствовать, но нет, не могу. Нельзя его допустить, нельзя, ни под каким предлогом. Это крах всего и вся. — Мы сделали круг, обогнув лифтовый ствол, и пошли на второй. — Эта ваша чета Гадаевых отправиться в Ад, — я так думаю. — Ирина Павловна, озабоченная прегрешениями своего сына изъявит желание за него гореть «в гиене огненной». Муж ее напротив выскажется за Рай. Налицо несоответствие. Их можно понять, понять… — сказал рослый мужчина и отключился. Мелькнуло что-то странное в его мыслях, вы плеснувшееся на пол нам под ноги. Жидкость, не жидкость. Какая-то субстанция. Она вдруг зашипела, покрылась пузырями и мгновенно исчезла — массивное тело моего собеседника, словно губка его впитала, будто ничего и не было. Правда, я от этого всего почувствовал странное давление на ушные перепонки, моя голова загудела, и пришло осознание того, что в судьбе этого человека, похожего на моего земляка, а еще на писателя Тургенева на миг застывшего и начавшего снова движение, могло произойти, что-то схожее с судьбой Гадаевых. Правда, оно не случилось.

—Да, я тут немного задумался, — сказал рослый мужчина и, проведя рукой по бороде, продолжил: — Так вот, — что я скажу, о чете Гадаевых? Может и не нужно их отправлять в Ад? Рай, он и есть Рай. Но для этого вы

должны им помочь. Закрутите, какой-нибудь сюжет, ну, чтоб здесь наверху тошно стало и вдруг захотелось чего-то «сладенького». Войдите в их положение. — Я кивнул головой, и мой собеседник, сглотнув слюну, продолжил: — Я вас выбрал, и дал вам рекомендацию. Тесты вы у меня проходили. Теперь буду вас опекать или наставлять, понимайте, как хотите. — Я недоуменно посмотрел на собеседника. На что мой наставник, уже наставник, ответил: — То, что вы с первого уровня это неслучайно. Мы уже лет десять набираем специалистов из реального мира, — свежий воздух просто необходим, иначе задохнемся здесь. — Он тут же заметил мой взгляд и сказал: — Были претенденты, не без того. Один довольно известный человек по национальности грузин пишет на русском неплохие детективы, — да вы о нем слышали, — и мой наставник назвал фамилию, — рвался заполучить это место. Но зачем нам здесь еще один Федор Михайлович? Лучше его нам не найти. Одного его вот так — достаточно, — рука моего собеседника скользнула над головой. — Был один фантаст, — продолжил он. — Но, мы их не очень привечаем. Они и сами прорвутся и прорываются. Например, Игорь Луканенко, Василий Голвачов. У этого Голвачева постоянные войны. Одни прут на других. Оружие у них замысловатое. Благо, что у нас здесь нет того, что на первой ступени — сплошные иллюзии. Совет писателей не раз его предупреждал. Теперь он осторожничает, и как бы не куролесил, в итоге результат один — «народ» выбирает Рай. Есть еще у нас писатель-фантаст, использующий стиль магического реализма — Андрей Пельмин. У вас будет возможность познакомиться с ним и другими даже сблизиться. Ну, это если вы захотите того. Таких людей у нас немного. Единицы. В них

нет особой необходимости. Нам нужны реалисты. — Не знаю, наверное, мои мысли о новой книге остановили моего наставника, он неожиданно умолк, затем вдруг резко взглянул на меня и сказал: — Мне понятно ваше желание написать «Дворянское гнездо». Я думаю, что вы невольно усмотрели во мне черты нашего великого классика Тургенева. Приглядитесь лучше. Я, не Тургенев. Правда, имя и отчество совпадают. — Я чуть было не сказал: и фамилия тоже, но удержался, прикусил язык.

Мой наставник остановился, повернулся ко мне и вдруг неожиданно подал руку:

—Иван Сергеевич!

—Семен Владимирович, — тут же пожав его широкую ладонь, ответил я и тут же добавил: — Очень приятно. — Он повторил мои последние слова. И продолжил меня знакомить с работой.

—У нас здесь своего рода «Союз писателей». Правда, командиров нет. А вот съезды бывают. Все вопросы мы решаем коллегиально. Я буду вас вести до принятия в члены нашего сообщества, но и после вы можете ко мне обращаться, без каких-либо стеснений. Чем могу, помогу! — Я молчал. Наверное, по этой причине Иван Сергеевич недовольно хмыкнул: — Вы что не знаете что такое Союз писателей? Раньше такой был в Советском Союзе. Да и теперь есть в России и не один. Правда, у них нет денег. Оттого эти Союзы незначимы. Аморфны.... Так вот в отличие от этих Союзов наша организация очень значима и представительна. Она буквально насыщена великими людьми — гениями. Их здесь столько... Да вы, наверное, это уже успели почувствовать. — Минуту, две Иван Сергеевич молчал, затем, взглянув на меня, сказал: — Случайно вы попали к нам или нет, — это скоро станет

известно. Нам необходимы новые кадры. Мы не можем обходиться без них. До каких пор держать здесь классиков... Пора бы и меру знать, — и он начал перечислять имена, изъявивших желание уйти. — Многим из них давно хочется на покой. Поработали. Вы человек молодой. — У меня сразу же возникло в голове сопоставление с фразой в книжном магазине, брошенной земляком и я чуть было не ответил: да какой я молодой.... — но вовремя удержался и услышал голос Ивана Сергеевича: — Я думаю, мы сработаемся. Не зря нас называют инженерами человеческих душ. Так? — Я согласился. — Нам нужны такие люди как вы, способные описывать реальный мир первой ступени и чувствовать будущее. От этого зависит благополучие виртуального мира. Я и мои товарищи по писательскому Союзу, заполняем время ожидания человеческих душ, нам важно их совершенствование. «Душа должна трудиться». — Услышал я знакомые слова. Они — души не должны прозябать. — Помолчал и продолжил: — Там — махнул Иван Сергеевич рукой, — окончив свой жизненный путь, люди не в полной мере понимают смысл состоявшейся жизни. Так пусть здесь они осознают, что к чему. Наша обязанность, как вы, надеюсь, понимаете, активно с ними работать. Бог вам в помощь в этом новом начинании!

Иван Сергеевич остановился, я тоже, он пошел, и я засеменил за ним, пытаясь на ходу вникнуть в тонкости предстоящей работы писателя на втором уровне существования.

—Реальный мир — это первая ступень, — констатировал мой наставник. — Он — этот мир плохо поддается управлению из-за того, что в нем, много разных до конца не изученных явлений. Один старец эти явления называл

переменными, и пытался их понять, используя в качестве инструмента — математику. Пифагор, может, слышали? Он был из древней Греции. Так вот этот Пифагор говорил: «Все-все-все — это сплошная математика». Теперь он один из наших Богов. Давно уже находится в виртуальном мире, и уходить не собирается, крутится где-то здесь, на второй ступени. Правда, он имеет доступ и выше. У него очень большой рейтинг, не то, что у меня и у других мне подобных индивидуумов. Будет желание, можете и с ним познакомиться, — Тургенев сделал паузу и, облизав тонкие губы, продолжил: — Так вот, этот Пифагор, был еще механик Эвклид, затем, придумавший три правила — Ньютон, да и один из наших подвязался — математик Лобачевский, а еще, не зря говорят французы: ищите женщину, представляете, была и женщина, — Ковалевская... — мой наставник застыл. Затем что-то наподобие плевка выскочило из его рта. Я сумел разобрать лишь одно: «Девочкой за Федором Михайловичем зараза бегала, надо же, а-а-а?». — Много их было, много, — сказал высокий мужчина и выпрямился, — я уже и не припомню всех, хотели создать математическую модель реального мира, но опростоволосились и на время успокоились, правда, не совсем: недавно появился в их команде известный академик математик специалист в области кибернетики Виктор Глушков. Он пытается поднять бучу. Однако в настоящее время все отдано на откуп нам, писателям и думаю, что надолго. Мы владеем вторым уровнем существования, мы! Правда, до математиков глубоко во времени были философы, да и не только они... хватало всяких, — помолчал, затем взглянув на меня, слегка склонил голову и снова открыл рот: — Мы, писатели да

будет вам известно, этот реальный мир понимаем более эмоционально. Мы ничего не рассчитываем, не формулируем и не лезем со своими концепциями будущего развития мира, — и снова я услышал: «как Федор Михайлович» — а просто описываем происходящие в нем события, при необходимости фантазируем. — Я бросил взгляд на Ивана Сергеевича, и он не преминул торопливо подтвердить свои слова: — Да-да, фантазируем, используя реалии мира, и порой так фантазируем, что все сбывается, совпадения — тютелька в тютельку, не раз сам Пифагор завидовал нашему брату писателю. Да и вы сами пробовали. Предсказывали в ваших книгах. Что-то сбылось, что-то сбудется, хотя многое окажется не востребованным — много тому различных препятствий. Люди до сих пор невежественны, даже книги, то читают, то нет, да и не каждую из них готовы взять в руки, а уж, чтобы копаться в регламентах и им следовать. Да упаси Господи. Они, — и Иван Сергеевич, тут же принялся рьяно креститься — вот тебе и нигилист, — подумал я. — Запомни, реальный мир — это дым, дым, дым корректировка его невозможна. Что есть, то есть, — сообщил мой наставник. — «Дым», «Дым», «Дым», — повторил я следом, не за земляком, а за Иваном Сергеевичем Тургеневым и отчего-то представил томик его романа с одноименным названием и на миг отвлекся, затем встрепенулся и принялся слушать своего наставника. Иван Сергеевич свою речь не окончил. Он продолжал говорить:

—Я, хотя уже не один десяток лет здесь, но знаю, что твориться там, у вас, интересуюсь. Да вот не так давно, я долго копался в репликах — «срезах» событий и героев, списанных вами с реального мира, в рассказах, повестях,

романах, иначе проглядывал ваши сочинения и ни с одним героем, имел, возможность познакомится, даже с Юрием Александровичем Шакиным. — Иван Сергеевич резко взглянул на меня и, поняв, чем я озабочен сказал: — А то, что он очень бледен, вас не должно огорчать. Это оттого, что этот человек еще не попал к нам, на вторую ступень. Его душа неокончательно сформировалась. Необходимо время. Да и еще? Не переживайте, пусть он вас ослушался: не ответил на заданный вопрос. Он же ваш персонаж. Накажите его, имеете на то полное право. — Ни к чему, — сказал я и махнул рукой, не удержался, спросил:

—А как вы находите мои книги?

—Ну, что бы я сказал? Ваши сочинения достаточно правдивы. Многие из описанных в книгах событий идентичны, имевшим в жизни место. Персонажи просматриваются довольно точно. Хотя, «правда», она не всегда хороша. Да и что такое, «правда»? — Наступила тишина, и я тут же воспользовался:

—Да, это так. Полностью с вами согласен! Любой из участников или свидетелей события, трактует его по-своему.

Иван Сергеевич взглянул на меня: — Вашу биографию я нашел в ваших книгах, сравнивая ее с настоящей, столкнулся с несоответствиями: вот вы считаете, что уехали после службы в армии из Щурово в Москву к тетке Вере оттого, что от нее пришло письмо-приглашение раньше, чем от дядьки Артема из Минска. Так это неправда. — Мой наставник остановился и взглянул на меня. — И я знаю, что «эта неправда» для вас уже давно приобрела особый смысл: стала самой настоящей правдой. Что меня в вас радует, это то, что вы еще не испорчены

жизнью. Не то, что один мой знакомый — Игорь Пельмин. Он от первой ступени давно нос воротит. Как бы и с вами этого в будущем не произошло. Запомните, жизнь опасная штука. Она, как и раньше до краев наполнена событиями, в которых можно запутаться. Одни приходят на смену другим. Да, хотя бы взять последние войны — миллионы поломанных судеб, миллионы погибших людей. А афганская война, войны в Чечне, да и не только, конфликтов несть числа! Только здесь, на второй ступени существования человеческих душ, мы писатели — властители, и только в этом мире преуспели. — Мы в который раз остановились возле лифтовой кабины. Мой наставник, взглянул на двери и протянул мне руку для прощания. Я взял ее. Он придержал мою ладонь, а затем прежде чем войти в ожидавшую его кабину сказал:

—Работайте Семен Владимирович, работайте не покладая рук! — Хотел отпустить мою руку, ослабил ее, но вдруг будто вспомнив, сообщил: — Да, вы не забыли того наглеца, который вас «подрезал» на киевской дороге. Его зовут Алексей Григорьевич Коколев, вам его имя ни о чем не говорит? — Мне припомнился телефонный звонок племянника Владислава. Он хотел меня устроить на работу. Директора фирмы звали…, — я не успел додумать, Иван Сергеевич тут же прервал меня. — Так вот этот молодой человек был на «Лексусе». Теперь вы догадались о ком я. У него еще на лице отпечаталась нехорошая ухмылка. — Нет, сказал я: нехорошая ухмылка была у Черного человека на «БМВ». Он меня обогнал, и… — Иван Сергеевич не дал мне договорить:

—Что вам дался этот Черный человек? Он хотел попасть через Белоруссию и Украину в Волгодонск в один из городов, в котором взлетел на воздух многоэтажный

дом. Черный человек вез из Москвы деньги для оплаты злодеяния.

—Все деньги в Москве, все деньги в Москве, — запищал комаром в моей голове тоненький голосок и неожиданно умолк. — Мой наставник тут же покачал головой:

—Не о том вы Семен Владимирович думаете, не о том. Займитесь Алексеем Григорьевичем, он скоро будет здесь. Не обижайтесь на него и принимайте таким, каков он есть. Да, и о других душах, оказавшихся на вашей территории, тоже не следует забывать, а я отправляюсь на отдых. Счастливо оставаться, — услышал я голос Ивана Сергеевича — не Тургенева — человека похожего на него или же на моего земляка, постояв немного в задумчивости, я поднял глаза. Этого времени с лихвой хватило моему наставнику, чтобы даже след его простыл. Перед глазами тускло блестели хромоникелевые двери лифта. До моих ушей доносился тихий шум работающих двигателей. Жизнь продолжалась. Ей не было конца ни реальном пространстве, не в виртуальном.

Глава 6

Мой наставник побыл со мной с полчаса, а может и меньше, произнес впечатляющую речь о том, о сем и ушел, предложив мне заняться наглецом, разбившемся на «Лексусе».

—Ну, раз нужно заняться, то займусь, — сказал я себе. — Это видно входит в мои обязанности. Мое представление о писательской деятельности было несколько другим. Но, что поделаешь? Работа, есть работа. — И я сделал акцент на парня.

Парень мне запомнился, уж очень был шустрым. Однако, предстать перед моей башней отчего-то не торопился, наверное, забрался далеко, и ему требовалось много времени.

Я, окинув пространство взглядом, тут же натолкнулся на располагавшийся где-то далеко в дымке злосчастный поселок под названием Мамай. Отчего его так назвали? Может, монголы-татары здесь стояли лагерем, прежде чем отправиться в сторону града Москвы. Затем на реке Угре они зафиксировали известное по летописи, а из нее всем нам русским — стояние. То, что ДТП произошло, не доезжая этого поселка, я определил каким-то чутьем: «Лексус» налетел на груженый песком МАЗ, уходя от удара встречной машины. Его подставил Черный человек на БМВ. Я не понимал, отчего водитель грузовика не пожелал дать лихачу втиснуться между ним и идущей впереди фурой. Что ему стоило притормозить, и он сохранил бы человеку жизнь. «Лексус» попал под удар встречной машины, которую занесло, она, растоптав легковушку, зацепила «МАЗ». Удар оказался сильным.

Водитель МАЗа остался жив, внешне ни чем, не отличаясь от здоровых людей, он долго приходил в себя, его машина на дороге не удержалась, ее раз несколько перевернуло. Молодой парень был осмотрен врачом «скорой помощи» и тут же отправлен на лечение в Брянск, туда, куда отвезли меня, мою свояченицу и ее внука Саньку. Другая карета «скорой помощи» пришла с задержкой. Никто из медперсонала не спешил. На нее погрузили носилки с телом, накрытым белой простыней.

Пострадавшего, водителя МАЗа, привезенного в Брянскую больницу, положили на кровать справа от меня. Я, долго слышал его стоны и охи. Парень, после того случая, наверное, зарекся и теперь при любом раскладе на дороге всегда уступит место, даже отъявленному наглецу. Многое в жизни человеком пересматривается, становиться понятым после пережитого серьезного события. Русский мужик богат «задним умом» и не перекрестится, пока не грянет гром.

Я сделал попытку взглянуть невидящим глазом на парня и подумал: а куда подевался тот другой, водитель «БМВ»? Затем напряг мозг увидел, что он удачно пересек границу России и уже находился под Гомелем. Он сделает свое дело и вернется …. — ну, его, — сказал я сам себе. Что Черный человек один в своем роде? Нет! Этот ничуть не похож на того гастарбайтера, который разгружал «сахарок»? Лицо у него совершенно другое. Хотя если рассуждать? И у меня в уме мелькнула фраза Юрия Александровича Шакина: «На кого похож знакомый кавказец?» и ответ: «На другого знакомого кавказца». То, что он не один я уже понимал. Мне давно нужно было об этом догадаться и излишне не напрягаться. Черных людей на свете предостаточно. Название не определяется цветом

кожи — грехами, одними только грехами.

Осторожными пальцами я ощупал свое лицо и спрятал руки под одеяло. В ушах работали какие-то двигатели. Возможно лифта. Может быть, я ошибался, по венам просто пульсировала кровь: шли процессы регенерации организма. Сообщество клеточных формирований, составляющее единое целое моего организма восстанавливало его жизненные функции. Для этого должно было пройти время.

Оставив в покое водителя МАЗа, я переключился на парня с «Лексуса» в ожидании, когда он сам доберется до моей башни. Пусть ему будет тяжело: нужно миновать не одну зону. Я, наблюдая за его траекторией следования, заметил что его «ведут» мои, теперь уже сотоварищи по так называемому писательскому союзу. Они не желали с ним связываться, так как Иван Сергеевич закрепил лихача за мной, не знаю, случайно это произошло или нет.

Я прошелся по площадке и уселся за компьютерный стол. Пружина кресла подо мной отчего-то не сжалась. Так, наверное, и должно быть при нахождении в виртуальном мире, на второй ступени существования. Не понять это трудно, душа, не отягощенная грехами, что перышко.

На столе, рядом с клавиатурой лежали ключи. Не мои. Ключница, была изготовлена из добротной крокодиловой кожи, ручной работы. Такие изделия сейчас уже не делают. Из позапрошлого века, явно она принадлежала моему наставнику. Ключи, наверное, от его резиденции, —подумал я, недоумевая, отчего человек похожий на Тургенева их оставил? Знак доверия. Или причина кроется в чем-то другом? На отдыхе, где-нибудь в Баден-Бадене — там любил Иван Сергеевич проводить время, легко и

потерять.

Я мог побывать у него в апартаментах, а мог и не заходить. То, что я построил свою башню, — ее после в народе прозвали по имени московского телецентра — «Останкинской», его, может быть, и удивило, но возмущения мне он никакого не высказал. Мой псевдо Тургенев, как старший товарищ дал мне возможность поработать с большим охватом территории и самому оценить, какого это. Я в любую минуту мог перебраться к нему в усадьбу и снять с себя часть груза. Не зря дадены мне ключи. Но я решил не торопиться, и в случае необходимости опереться на своих сотоварищей — их интеллигентность. Начну «запариваться», помогут, не бросят на произвол судьбы. Обязательно нужно будет познакомиться с ними, хотя бы со своими ближайшими соседями. Иван Сергеевич упоминал о них. Это Федор Михайлович (фамилию он мне так и не назвал), Игорь Луканенко, Андрей Пельмин. Василий Голвачов тот из Брянских будет, но работает далеко. Не знаю, удастся, увидится...

Лихач, так я прозвал Коколева Алексея Григорьевича с легкой руки своего старшего товарища, до моей башни добирался долго. Он пришел не один. Я недоумевал, где парень мог подцепить девушку красавицу. Она из Москвы с ним на «Лексусе» не ехала. Может, тормознула его где-нибудь на дороге? Я поморщил лоб: исключено. Может она его жена? Нет. Он холостой. Что-то мне подсказывало, что за порогом земной жизни каждый, если он не Адам или же не Ева, сам по себе. Здесь был особый случай. Он разрушал мое понимание о смерти.

—Начальник, давай оформляй. Груз прибыл! — услышал я голос моего подопечного. Хотя, что он мог

сказать? Ничего! Это я вместо него бросил в пустоту такие, не замысловатые, слова.

Алексей Григорьевич крепко держал свою спутницу за руку. Он дотащился до башни, взглянул на самую его верхнюю часть, антенную, неуклюже задрав голову и, не выпуская ладонь девушки, упал у входа, лицом вниз. Она завалилась тут же. Подошвы их ног торчали вверх. Особенно выделялись округлые пятки. Молодые люди были босы — признак смерти на дороге. Один мой товарищ говорил, что обувь улетает вместе с душой, как бы крепко ни сидела на ноге. Никакие шнурки затянутые туго-претуго не способны удержать ее на мертвом теле.

—Так, кто это у нас, — сам себе сказал я и, пододвинув клавиатуру или, как говорят компьютерщики «клаву», принялся заполнять базу данных. Места было предостаточно.

На жестком диске в операционной системе нашлась под стать и соответствующая программка. Я неторопливо записал фамилию, имя, отчество парня, в каком году он родился, где и затем принялся за девушку. Информация у меня сама всплывала в голове, лишь только я слегка напрягал и морщил лоб. После официальной части, я поднял их мысленно на ноги и заставил забраться в лифт. Включил двигатели, а в это время подготовил жилье — небольшое помещение для временного беспамятного состояния, чем-то похожее на больничную палату. Его — помещение, я прилепил, словно ласточкино гнездо, этажом ниже — на восемнадцатом. Они в нем должны «отлежаться», чтобы в дальнейшем стать героями моего странного нового произведения. Правда, до этого мне предстояло этих молодых людей досконально изучить, и на основании полученных о них данных подготовить что-то

похожее на эссе, после чего отправить куда следует: в Рай или же Ад.

Зря я высказал мысль, что в виртуальном мире писательский труд значительно отличается от земного — на первой ступени. Отличается, да не очень. Здесь нет необходимости при написании книги, придумывать сюжет, подбирать персонажи из своих близких, друзей и просто знакомых людей. Они мои будущие герои сами приходят ко мне. Да и что хорошо, — претензий мне после никаких не высказывают. Этим вторая ступень существования намного проще. Мне не представляет труда встречать своих героев у стен моей башни, так называемой «Останкинской». Хотя она на многие километры удалена от Москвы, да и отличатся от, — уже известной, — настоящей. Не в этом дело. «Народ» приходит. Людей мне поставляет жизнь, — правильнее сказать — смерть. Я, вникая в их биографии — судьбы, должен строить сюжет и писать, писать, писать. Правильно осмысленная и сформулированная мной жизнь персонажей — это их Рай и мой плюс, или как говорит племянник милиционер: «палка». Их этих «палок» нужно много, чтобы зацепиться на второй ступени существования.

Что мне симпатизировало в этих молодых людях? И парень, и девушка были солидарны друг с дружкой. Для них не составляло труда попасть в виртуальный Эдем — царствие небесное, которое в моей голове трансформировалось в Райнет, не путать с Блэкнетом или Аднетом. А еще, я чувствовал, что эти молодые люди не успели устать от жизни, взявшись за руки и находясь на второй ступени существования, продолжают за нее держаться. Они очень сильно отличались от четы Гадаевых, поселившейся у меня на двадцатом и

девятнадцатом этажах. У них в душах было согласие. И это меня радовало. Правда, я не торопился совершать поступки — что-либо предпринимать. Зачем лишаться такого хорошего «материала». У меня достаточно времени. Пусть Алексей Григорьевич Коколев, Оксана Игоревна Козырь, Тимур Аркадиевич и Ирина Павловна Гадаевы разные между собой люди пообщаются и дадут мне возможность написать сюжет новой жизни.

Я разжал пальцы, и время песчинками потекло с ладони левой руки поднятой над мирозданьем на нижнюю ладонь правой. Стоило мне сжать пальцы и время остановилось. Затем я снова разжал пальцы. После, когда песок весь оказался в нижней ладони, я пересыпал его в верхнюю, и снова дал ему волю просыпаться. У меня были огромные возможности. Ощущение значимости не сразу, но приходило ко мне. Кто я здесь на второй ступени существования? Малоизвестный писатель, наделенный функциями бога! А на первой? Ученик Создателя, пишущий черновики для будущих перипетий быстротекущей жизни.

Лихач — Алексей Григорьевич Коколев высокий молодой человек в добротном черном костюме оказался не таким уж и молодым. Ему было далеко за тридцать. Он бизнесмен, начал свое дело с нуля: однажды купил на Митинском радио рынке Москвы кондиционер для фирмы, в которой одно время работал, но установить этот прибор в кабинете шефа не успел, получил его в качестве оплаты за несколько месяцев работы и был уволен без объяснения причины. Да и что объяснять. Слова, Алексею Григорьевичу были не нужны, пыхтя с кондиционером в руках, он понимал, что у директора денег нет. Хорошо, что хоть так заплатил. Дал, не забрал. Повернулся Алексей и

— быстрее домой. Он, этот презент — кондиционер, установил у себя в квартире. Не выбрасывать же? Затем, соседка астматичка, находясь в гостях у его матери, почувствовав легкость при дыхании, слезно попросила Алексея ей тоже установить такое же чудо техники. Алексей знал уже дорогу: съездил на рынок, потом еще раз, еще и так пошло. Приноровился. Для того чтобы иметь заказы стал развешивать объявления на столбах, раздавал листовки в метро на входе и выходе гражданам. Завел нужные знакомства. Все делал, — поток заказов не иссякал.

Долгое время Коколев не оформлял свое «начинание» — бизнес, работал тайком, а когда стал не поспевать с выполнением сыпавшихся со всех сторон заказов, заделался частным предпринимателем и взял первого работника, затем второго, третьего.... Прошло время, и Алексей Григорьевич, разработав подходящий для себя Устав, зарегистрировал, так называемое «ООО» — общество с ограниченной ответственностью. Это дало ему возможность не рисковать квартирой и ее содержимым, а только лишь уставным капиталом — мизерной суммой равной стоимости кондиционера. Для того чтобы не разориться на зарплате он набирал в штат иногородних работников. Они, не имея под боком семей, были неприхотливы и работали, не обращая внимания на часы. А еще без выходных.

Все деньги, исключая зарплату, Коколев пускал на нужды своей набирающей темпы фирмы. Первая машина была «рабочая лошадка» — «Газель». Он ее использовал для доставки на место проведения работ оборудования, инструмента и рабочих.

Автомобиль для личного пользования генеральный

директор приобрел не сразу. Парень ни один год довольствовался обычным городским транспортом: ездил в метро, на автобусах, троллейбусах, трамваях. Он не раз попадался контролерам, штрафы не платил, умел «пустить слезу».

Алексей Григорьевич Коколев был отличен от моего героя книги — Юрия Александровича Шакина и очень похож на него — хваткой. Мой подопечный чувствовал, можно сказать, носом, где взять деньги, не гнушался сложной работы, даже на высоте в неудобных местах мог установить кондиционер. Изучив все тонкости своей работы, он чтобы не лазать самому привлек в штат строителя, расторопного парня. Звали его Олег. Этот самый Олег ничем не уступал директору. Правда, ростом не вышел, но это ему даже помогало: в меру юркий он был способен добраться до любого места на доме, пролезть в любую дыру и заштукатурить любые образовавшиеся огрехи. Этот парень был мастер на все руки, даже технику знал, мог и за руль «Газели» сесть и не раз садился.

Алексей Григорьевич жил в столице. Правда, он не родился москвичом, стал им после присоединения поселка Ленино, ныне Царицыно к столице. Это во многом способствовало тому, что мой подопечный не испытывал проблем в общении с иногородними — своими работниками, иначе бы не смог познакомиться с Оксаной, если быть точным Оксаной Игоревной Козырь, девушкой с периферии, которую он привел за руку издалека к моей башне.

Я думаю, что если бы он чувствовал себя выше ее, то никакого соединения между ними не было. Она зазнаек осекала самым, что ни на есть, наглым способом. За словом в карман не лезла. Хотя по натуре была

обходительной и культурной девушкой, чем многих людей к себе привлекала.

Что еще можно сказать о Коколеве — генеральный директор небольшой фирмы, штат — несколько человек, разбогател на жарком лете, — много установил кондиционеров в офисах и домах — «народ» не желал париться и отсюда раскошеливался, — платил по-полной.

«Лексус» — автомобиль, который я пропустил, был вторым автомобилем Коколева. Один «Лексус» он уже разбил. Было у него в характере что-то такое от сумасброда. Работник Алексея Григорьевича, Олег, верящий в приметы, прибывший в Москву на заработки — нужно было кормить семью, — оказался родом из Щурово — и мне был известен, — посоветовал сразу же после первого разбитого автомобиля сменить марку, чтобы не злить судьбу. Я информацию о своем земляке взял у Коколева. Даже слова. Один к одному. Вот они: «Алексей Григорьевич, попомните меня, не нужно злить судьбу, купите что-нибудь новенькое: «Форд», «Инфинити», да какой угодно автомобиль, но не «Лексус». Он вам теперь заказан».

Алексей Григорьевич его не послушался и после, возможно, в содеянном поступке раскаялся. Деньги были: продал обломки пострадавшего от столкновения автомобиля, прилично за полмиллиона добавил солидный кус и приобрел в том же салоне, где покупал первую машину снова «Лексус». Он на нем ездил уже около года. Прошлым летом гонял на монумент дружбы, установленный на границе трех славянских республик: России, Украины и Белоруссии, на празднование народов. Это были происки Олега: захотел съездить домой в Щурово к молодой жене и уговорил Алексея Григорьевича.

Молодой директор, однажды смотавшись на празднество, полюбил его. Даже ждал день, пытался не пропустить. Там, на монументе дружбы он познакомился с одной очень красивой и что примечательно умной девушкой. Она торговала Щуровскими, пользующимися славой на всю округу, огурчиками. Алексей Григорьевич у нее купил целый мешок. Чем она его зацепила: улыбкой, а еще хорошо ответила на его вопрос: «Почем огурцы?» — «Хорошему человеку можно и бесплатно, но вот как мне понять хороший вы или нет?». «Ну, уж смотрите, — парировал Алексей Григорьевич и тут же выбрался из автомобиля, затем театрально покрутился возле девушки и спросил у нее: — Хороший?» — Девушка оценивающе посмотрела на него и выдала: — «Нет, я так сразу не могу сказать. Нужно время, —замолкла, словно задумалась, а потом выдала: — А раз так!» — и она назвала цену. — Это цена была намного выше, чем у ее подруг, расположившихся рядом. Они тут же наперебой загалдели и стали предлагать ему свой товар намного дешевле. Олег, находившийся рядом, посоветовал своему начальнику не связываться с девушкой — уехать:

—Она по специальности экономист, закончила МГУ с красным дипломом, а никакой-то там, в Брянске или еще где-то институтишко. Пишет статьи в специальные журналы, и их принимают в печать. Самому Егору Гадаю письма отправляла, указывала на его просчеты и ошибки в работе, желала поправить завравшегося функционера. От нее, ты просто так не уйдешь. Она, будь уверен, быстро «положит тебя на лопатки», — нашептывал на ухо парень.

Генеральный директор фирмы по установке кондиционеров слушать своего работника не пожелал и купил за названную цену мешок огурцов, а так как это у

девушки были последние, то она тут же напросилась, чтобы Алексей Григорьевич подвез ее до дома.

—Это недалеко, по пути, — сказала успешная продавщица. — У Олега спросите. Он мои слова подтвердит! — Коколев бросил взгляд на парня. Тот, нехотя кивнул головой, и Алексей Григорьевич, отправив его на заднее кресло, усадил девушку рядом. Он был доволен. Оторвался на празднике и еще прихватил красавицу. Да, с такой девицей, хоть завтра под венец. Мать давно тормошит: «Женись, да женись». А что вот возьму и женюсь, — подумал Алексей Григорьевич. После этих мыслей генеральный директор вдруг ни с того, ни сего стал косноязычным. Он с превеликим трудом, муча и заикаясь, спросил у попутчицы имя.

—Я, Оксана, — ответила девушка. Мне имя показалось знакомым и я, возвратившись назад, прокрутив прошедшее время словно пленку, снова услышал: «Я, Оксана!» и еще раз: «Я, Оксана!» — Где-то это имя мне доводилось слышать. Но где? Затем я услышал голос генерального директора фирмы по установке кондиционеров:

—Я, Алексей Григорьевич, — молодой парень смутился и сказал: — Можно звать Алексей.

Они замолчали. И долго не могли продолжить разговор, хотя еще недавно, что птички щебетали. При необходимости если что-то и пытались сказать то, невольно запинались. Олег не преминул тут же высказаться: —Да вы что, влюбились друг в дружку что ли? — и замолчал.

Дорога от монумента дружбы до Щурово не была длинной — всего двенадцать километров, но она тянулась и тянулась. Недалеко от старого Щуровского лесничества

их неожиданно остановил работник ГИБДД, щупленький милиционер, его привлекла дорогая иномарка и московские номера на машине, решил подработать, и подработал бы, но Оксана неожиданно пришла в себя, оживилась и «отбила» нападение:

—Любого водителя останови, дай подуть в трубку и обнаружишь: пьян! Так что не приставай к мужику. Он тихо едет, не гонит, а потом, что я скажу, — в Москву я его сегодня не отпущу. У меня будет ночевать, у меня, я гарантирую тебе. Ты меня знаешь. Можешь завтра проверить!

Милиционер от Алексея Григорьевича отстал, но при этом неожиданно зацепился за девушку:

—А что, приеду и проверю! Не поленюсь. Я знаю, где ты живешь. Если обманула, тебя оштрафую, так и знай! — Это, конечно, была шутка, но Оксана, как только водитель москвич затормозил у ее дома, выскочила из автомобиля и побежала открывать ворота.

—Заезжай, — крикнула девушка.

—Это еще зачем? — тут же отреагировал Олег, пытаясь спасти своего начальника.

—Зачем, зачем, — парировал генеральный директор, не вняв словам своего работника. — Я остаюсь у нее. Слышал, что милиционер сказал, так что слезай и топай домой, недалеко ведь живешь, доберешься. А завтра мы рванем в Москву. Чуть свет будь готов.

—Всегда готов, — без особого задора ответил Олег и отправился домой, восвояси.

Олег ушел, а я недоумевал. Ну, ладно, машину Алексей Григорьевич на ночь мог оставить у Оксаны. Не исключал я и знакомства молодого человека с матерью Оксаны, но вот чтобы он, не замеченный ею, мог забраться к дочери в

комнату, — нет и нет. А ведь как-то Коколев все-таки проник в дом своей торговки Щуровскими огурцами и в удовольствие провел с нею ночь. Чего только не сделает влюбленная девушка, на все пойдет и приютит своего возлюбленного. Даже мать проведет, а ведь она дочери лишь одного добра и желала. Желала, но не уберегла.

Алексей Григорьевич к моей «Останкинской» башне привел Оксану за руку. Она была одета элегантно, не по-деревенски. Девушка была отличным маркетологом. А еще она понимала психологию покупателей, и за собой всегда следила строго: «У нерях и грязнуль товар никто не возьмет», — не раз говорила Козырь своим подругам. — «Так, что девчонки советую: не ленитесь, модно наряжайтесь! Раз живем! Только не подумайте чего плохого!»

Я осмотрел эту парочку: Алексея Григорьевича Коколева и Оксану Игоревну Козырь. Отчего пострадал генеральный директор, мне было понятно, но отчего погибла девушка, да еще вдруг оказалась рядом со своим возлюбленным? Это вопрос. У девушки из кармана дорогой кожаной куртки у меня на глазах выпало письмо. Я невольно нагнулся и, поднял пухлый конверт, повертел его в руках и отправил на место.

—Не пристало мне читать чужие письма, — мелькнула мысль, следующая: — Интересно, что же все-таки произошло?

Я морщил лоб и размышлял, размышлял. Однако недолго. В голове неожиданно начала вырисовываться картина разыгравшейся драмы. А ведь так хорошо все начиналось, лучше и не придумаешь, любовь, да еще какая, что в той сказке. Да, видно ее любовник почувствовал, надвигавшееся трагическое событие, и лез

из кожи, чтобы его предотвратить или же хотя бы смягчить, иначе он так бы не торопился в Щурово. Но, Коколев не успел. Хорошо это, или плохо — понять невозможно. В раздумье я прошелся по кругу, бросая взгляд далеко за горизонт, затем подбежал вдруг к столу сел за компьютер и принялся стучать по клавишам. Работал долго и кропотливо. Рядом ничто не отвлекало. За огромными окнами башни погас свет, исчез потолок, под ногами пол, передо мной мерцал лишь один экран монитора и пустота, пустота, пустота.

Глава 7

Оксана Игоревна Козырь, просто Оксана — окончила престижный московский вуз. В отличие от своих многих подруг она по ночным клубам не бегала, не искала себе хорошего богатого парня — москвича, чтобы выйти замуж, а все время отдавала учебе. Затем после получения диплома, год, даже чуть больше, Козырь работала в столице, жила на съемной квартире с товаркой из Молдавии. Та была женщиной с семейным опытом —два раза ходила замуж и оттого считала, что жизнь знает: «от и до», часто пыталась влезть в душу и к Козырь со своими советами:

—Оксаночка, девочка, жизнь дана единожды, не замыкайся в себе, подцепи какого-нибудь кавказца. Бабками разживешься — «поднимешься», а затем выгонишь! — Козырь обычно отмалчивалась, в разговор не встревала, и молдаванка подступала снова: —Ну-ка, крутнись. — Не дождавшись, от девушки никакой реакции товарка, поднималась с постели и, обойдя Оксану, оглядев ее со всех сторон, говорила: — Не пойму я тебя. Такая попа, грудь… да при такой красоте ты найдешь себе никакого там замухрышку, а богатенького, поить, кормить будет, все свои деньги будешь складывать в чулок, домой уедешь как королевна, поди, плохо, подумай? У тебя же нет отца, — умер, мать старая, сестра то ли замужем, то ли нет, детей народила и мучается в своем захолустье.

—Ну, и что? У многих нет отца, многие живут со старыми матерями и сестры у них есть, так, что ради этого торговать собою, я не согласна, ни за что, — сказала девушка, как отрезала.

Намаялась она бедная в столице со своим дипломом экономиста и уехала ни с чем домой в некогда большое перспективное село Щурово, в настоящее время, заселенное стариками, доживающими свой век и заросшее по крыши крапивой. Дома она работала на огороде: выращивала и продавала овощи, ягоды, фрукты, в другое время года одежду. Что-то она шила сама, например, спортивные штаны, мужские трусы, ветровки, сложные вещи покупала в столице на рынках — известном Черкизовском и других неприметных, расположившихся у станций метро, сделав наценку, выкладывала их на прилавке — раскладном столе, который везде и всюду таскала по ближайшим селам и деревням. Для маневренности Козырь приобрела автомобиль — старенький «Жигуль». В момент знакомства с Алексеем Григорьевичем девушка случайно оказалась недалеко от монумента рядом с таможней на повороте дороги — выезде из села. Ее автомобиль находился в ремонте. Уж думала, что торговать будет в Шурово, но подруга оказала любезность и уговорила своего мужа взять ее с мешками огурцов и подбросить на людное место. Назад, до Шурова, как известно Оксану подвез Коколев. Не зря подвез. Ночь он провел у нее и утром долго не хотел уезжать. Олег не мог достучаться. Поднятый им шум тут же разбудил мать Оксаны:

—Да, ты что сдурел! Кто это Алексей Григорьевич? Нет, у нас здесь таких, — крикнула она и с трудом, поднявшись с постели, заставляя сгибаться старые ноги, женщина отправилась с проверкой в комнату дочери. Затем минут через пять раздался ее истошный крик:

—Ах, ты стерва, ты что же такое себе позволяешь! Да как ты такое могла совершить! — Олег тут же отошел

подальше от дома. Затем до него донесся бас генерального директора. Он укорял мать Оксаны за грязные слова и как мог, защищал девушку.

—Вот дурак, — негодовал Олег. — Слов нет Оксана девушка хорошая, но раз переспал и уже кричит — «женюсь».

Алексей Григорьевич с трудом оторвался от девушки. Это я почувствовал сразу, правда, еще был не в курсе, произошедших после, событий. Но узнать мог. Для чего решил спуститься в их помещение и попытаться уловить что-то еще более тонкое — высшие гармоники души девушки. Уже в лифте у меня мелькнула мысль навестить Тимура Аркадиевича и Ирину Павловну Гадаев. Лифт тут же остановился на нужном этаже. Я зашел в апартаменты, не представляя, где они могли находиться, принялся их разыскивать. Нашел мужчину, лежащим на диване в зале. Женщина оказалась в спальне, отдыхала на кровати. До каких пор они будут недвижимы, — подумал я и решил изменить их существование: — Пусть с завтрашнего дня ходят гулять по близлежащим окрестностям, любуются природой. Это их несколько взбодрит. Они должны будут нечаянно столкнуться с Алексеем Григорьевичем и Оксаной Игоревной, зажечься желаниями, за ними присматривать, затем наставлять их на путь истинный, как это обычно делают, умудренные жизненным опытом люди.

Я немного побыл в просторном зале, одной из квартир и отправился в спальню, забираясь в души этих людей, — принялся изучать их биографии.

Ирина Павловна первая жена Тимура Аркадиевича, затем у него была еще одна женщина, и еще, но по прошествии многих лет он их оставил и разыскал первую. Разыскал оттого, что душа Гадая была с лихвой

переполнена прошлыми воспоминаниями, а в них находиться могла только она его любимая Ириночка. Не желал он без нее жить, да и не мог.

Для уединения отца и матери от суматошной жизни их единственный сын Егор Тимурович Гадай, подобно деду, вырвавшемуся на гребень волны в результате новых неожиданных дрязг в стране и, заняв пост премьер-министра, сделал родителям поистине царский подарок. Он отдал им свои квартиры в доме башне — презент радостного Ецина — президента страны, свалившего Михаила Сергеевича Губачева — на двадцатом и девятнадцатом этажах в престижном доме на Рублевке, а для себя приобрел апартаменты в центре, недалеко от кремля и тихо, не афишируя в Доме правительства, перебрался.

Живи да радуйся. Но недолго Тимур Аркадиевич и Ирина Павловна жили в свое удовольствие: их сынок Егор Тимурович неожиданно умер от сердечной недостаточности. Наверное, оттого, что он, как и дед любил, образно говоря махать шашкой, вот и до махался, — такого своими реформами наворотил: многим людям невыгодно стало жить, ложись в гроб и умирай. И люди умирали. Каждый прошедший год в России забирал более миллиона человек.

Не зря о Егорке после в народе говорили о том, что старший из Гадаев — дед мальца забрал на тот свет оттого, что он разрушил его дело, — дело всей жизни. В нем воспылали чувства, и дед не удержался, дал волю рукам «красного террора» — придушил своего внука. Смерть равноценна смерти Павлика Морозова. Не знаю, правда, это или нет, возможно, дед, как и внук, были конъюнктурщиками — брали от жизни все. Пример тому

был на лицо: президент России ради того чтобы быть самым главным вместе с другими карьеристами развалил страну. Что мне отрадно сознавать Тимур Аркадиевич и Ирина Павловна очень переживали по этому поводу. Иначе не объяснить, отчего они забрались в дорогой автомобиль «Бэнкли» тоже подарок сына и однажды разбились. Тимур Аркадиевич был неплохим водителем. Он владел «Эмкой», «Победой», была у него одно время даже «Чайка». Отец, крутившийся не у кремлевской стены, рассматривая красоты старых мастеров — зодчих, а в кабинетах высокопоставленных партийных работников, имел вход к генеральному секретарю и оттого заботился о семье и своих близких. Он все сделал, чтобы Тимур Аркадиевич не мучился сомнениями и верил в коммунизм, его победу на всей земле. И сын верил. Не раз с пеной у рта он доказывал своей жене Ирине Павловне:

—Победит коммунизм, победит! Вот увидишь! — Она тут же отправляла мужа к сыну. «Спроси у Егора. Он от иллюзий уже независим, разбирается лучше тебя. Я так думаю, что и отец твой забыл, когда махал шашкой и за какие идеи готов был положить свою жизнь. Мы живем в другой стране, другой, — говорила женщина и была права.

Отправившись в путешествие, Тимур Аркадиевич и Ирина Павловна желали увидеть места своей молодости, при этом они горячо спорили. Находясь на дороге нельзя этого было делать. Нельзя.

Я посмотрел еще раз на чету Гадаев и вышел из апартаментов, чтобы спуститься ниже — зайти к Алексею Григорьевичу и к Оксане Игоревне. У двери их комнаты я наморщил лоб, пытаясь проникнуть в сознание девушки:

—Алеша, тебя ждет сюрприз! — сказала она и бросила трубку телефона. Я услышал короткие гудки. Перед тем

как забраться в «Лексус» и отправиться к ней навстречу Алексей Григорьевич позвонил. Девушка решила открыться своему парню. Но не сразу, а при встрече. Не только Коколев желал знать этот самый сюрприз, я тоже и оттого поторопился зайти в комнату молодых людей — может мне удастся что-то выведать. Зашел, огляделся, подошел сначала к Алексею Григорьевичу и как тот врач взял его руку, подержал, пульса не было, затем то же самое я проделал, подойдя к Оксане, результат тот же. Поднялся, прошелся по их комнатке. Она напоминала мне мою палату, размером только была поменьше и всего лишь. Даже кровати были такие же — жесткие. У меня слева стояла вешалка, на которой были подвешены посудины, и рядом крутилась медсестра Марина. А вот у Коколева и Козырь ничего такого не было. Я по каплям получал живительную жидкость вначале из одной посудины, затем из другой по тоненькой трубочке прямо в вену через иглу в руке. За день я таким образом «выпивал» две посудины. Затем мне три раза в день делали уколы и еще пичкали таблетками и все это под охи моего соседа. Я ничего не видел, почти ничего: один глаз слегка приоткрывался, но толку никакого не было. Мне было не по себе. Я ощупывал лицо и осторожно пальцами делал сам себе массаж. На другой день кто-то в палате сказал:

—Ребята смотрите, у него опухоль-то спадает. Вчера, о-го-го какая была. Ну, и чудеса, что творится?

Да, мое физическое состояние улучшалось, однако голова была занята. Я думаю, если бы можно было проверить активность моего мозга, то стрелки на приборах зашкалили, уперлись в ограничители. Может быть, приборы сгорели. Так им и надо.

Я сидел за столом, вперившись глазами в монитор, и шустро стучал по клавишам.

—Не пойму я нашего сына, — говорил Тимур Аркадьевич. — Ирина Павловна, кого мы с тобой вырастили. Его дед боролся за советскую власть, а он? — женщина молчала. — Он же враг!

—Не говори мне таких слов, — вскрикнула Ирина Павловна, — не говори, я, мать. Он же наш сын. Мы должны его хотя бы понять! Ты меня слушаешь, — понять.

Пальцы вдруг сами по себе остановились. Я отодвинул клавиатуру и завалился на спинку кресла на колесиках, затем ногами оттолкнулся от пола и поднялся, постоял и принялся ходить по периметру «своего колеса обозрения».

—Тьфу, ты, что белка в колесе, — мелькнула неожиданно в голове мысль и тут же исчезла.

Прогулки, которые я назначил этим пожилым людям, возымели действие. Правда, не сразу. Длительное время дальше приветствий их знакомство не заходило. Гадаи, все еще были завязаны друг на дружку. Глядя на молодых людей Алексея Григорьевича и Оксану Игоревну, время от времени, попадавшихся им то в лифте, то на воздухе — у башни, они продолжали размышлять о судьбе своего сына, пытаясь его понять. Мне он тоже стал интересен. Однажды я задал и себе вопрос: «Кто же такой Егор Гадай?» — и тут же услышал голос Ивана Сергеевича: «Да не парься, вот дался тебе сын Тимура Аркадиевича и Ирины Павловны?». Им место в Аду. Да и ему тоже. Отправляй, пока они не передумали и готовы гореть в гиене огненной. Отправляй! — Я недоумевал, отчего мой наставник неожиданно поменял свое мнение и резко мотнул головой.

—Не вставайте, не вставайте, — тут же донеся до меня

голос лечащего врача. — Вам еще нельзя. — И затем тот же голос сказал кому-то: — Подайте ему утку. — Две посудины, выпитые мной через вену, давили на мочевой пузырь до такой степени, что мне порой слышались голоса. Вот и голос Ивана Сергеевича Тургенева был не случаен. Он заставлял меня тревожиться о «новых русских», в голове на первое место прорывалось желание написать свое «Дворянское гнездо», хотя впору отлежаться, прийти в себя, а уж затем только браться за книгу. А еще мне необходимо было разобраться в судьбах своих подопечных.

Я на ощупь беру с теплых рук нянечки «утку» и, подсунув ее под одеяло, затем, слегка повозившись, опустошаю себя. Это просто блаженство. Ничего не давит. Можно жить дальше, то есть мыслить. На чем я остановился: — Ах, да. Оксана Игоревна Козырь, просто Оксана — окончила вуз, работала в столице, но намаялась и приняла для себя решение добиться счастья на той земле, где родилась, то есть в селе Щурово Брянской области. Девушка собрала вещи и отправилась домой….

Глава 8

Что он говорит? — услышал я голос жены. — Я, что похожа на Оксану? — Пауза. — Я, Светлана Петровна. — Снова пауза. — Кто это такая Оксана? Медсестра, или же может нянечка? — Мужской голос — это был мой лечащий врач, ответил: — Не знаю! У нас в больнице с таким именем никого нет. Ваш муж, наверное, бредит. У него сотрясение мозга, затем у него..., — и он принялся перечислять мои «болячки». Затем, я услышал шаги и другой низкий голос сказал: — Наверное, я не вовремя, сейчас ему не до милиции. — Это был майор Гришулин. — Ладно, протокол еще успеем составить. — До меня донесся шум шагов уходящего человека. — За десять дней мы его поставим на ноги. Между прочем, бесплатно — за так. Это обычно стоит..., — голос лечащего врача назвал цену. Жена, по шуму я сразу догадался, полезла в сумочку, за кошельком, но лечащий врач остановил ее. — Нет-нет, не нужно, — и тут же продолжил: — Правда, у него еще одна проблема на более круглую сумму: множественные переломы и трещины черепа в области глазниц, носа и верхней челюсти, нижняя не пострадала. Лечение уже не у нас. Нужно в четвертую больницу. Там есть отделение челюстно-лицевой хирургии. Но это уже ваше дело. — Помолчал, затем спросил:

—Вы заберете его в Москву? — Моя жена тут же ответила ему: — Семен Ефимович (врач был мой тезка), я не знаю, заберу или же нет. Все будет зависеть от того можно ли моего мужа транспортировать? Он же лежачий! Наверное, придется лечить его здесь. Так что будьте добры, по окончанию лечения подготовьте ему

направление в эту, — она сделала паузу, затем, вспомнив номер, продолжила: — четвертую больницу.

— Хорошо! — услышал я голос лечащего врача: —Нет проблем. Все будет сделано.

Мои манипуляции пальцами по лицу приносили эффект: один глаз на правой стороне открылся, — опухоль слегка спала, и на другой стороне лица тоже наметилось улучшение. На следующий день посещения жена это заметила и сказала:

—О, да ты уже видишь, у тебя у глаз появились морщинки. Это хороший знак. — Я кивнул и увидел в проеме двери дочь Елену Прекрасную и ее спутника. Молодой человек не был ее мужем. Я недоуменно посмотрел на дочь. Она подошла ко мне, парень последовал за нею.

—Познакомься папа, — сказала дочь. — Это Юрий Александрович. — У меня было желание услышать его фамилию, но она ее отчего-то не назвала. Что еще? Неожиданно вдруг заслезились глаза, и я их закрыл. — Я тебе о нем расскажу позже, дома, — донесся до меня голос Елены Прекрасной, — время у нас поговорить еще будет. Здесь мы расположились недалеко от Брянска, в Дятиново, у моей крестной.

—У меня, — услышал я голос племянницы Людмилы. Открыл глаза: — Здравствуй Людмила! — она нашла мою руку и осторожно пожала ее.

—Посмотрели мы твою «Ласточку», — снова вступила в разговор дочка. — Хорошо, что передок автомобиля проскочил под фуру, и ты не ударился бампером, иначе были бы задействованы подушки безопасности, твою голову приподняло бы и..... неизвестно что было бы... — ладно. О плохом говорить не нужно. — Она замолчала.

Жена тут же взяла эстафету: — Сеня, не знаю, как ты ехал. Мы пять бутылей использовали незамерзающей жидкости, пока добрались до Брянска. Ты же залил бачок и одну взял с собой про запас, сама подавала бутыль. Насколько я помню, ты не хотел ехать. Вам бы несколько дней подождать. Вот уже сегодня совершенно другая погода. Завтра проблем не будет. Мы еще заедем к тебе в больницу и отправимся домой. Нам на работу.

Юрий Александрович оказался очень внимательным молодым человеком. Я смотрел на него, морщил лоб и не мог вспомнить, кого он мне напоминал. Может, и вспомнил бы, но молодой человек тут же вызвался отправиться в магазин. Там он собирался приобрести все то, что мне здесь в больнице было необходимо, но чего дома не оказалось или же не было взято из-за спешных сборов. Мне привезли чайную ложку, кружку, кофе, чай, сахар, из одежды: спортивный костюм, майки и трусы. А вот не хватало: столовой ложки, здесь их отчего-то не выдавали, затем мне были необходимы тапочки, через неделю должны были разрешить подниматься, а еще — лекарства. Их в больнице отчего-то приходилось покупать. Мне припомнилась одна глупая фраза из недалекого прошлого: «экономика должна быть экономной». Так вот в наших больницах она была очень уж экономной, не говоря о детских садах, школах, институтах и других госучреждений.

На следующий день моя жена, дочь и ее молодой человек навестили меня и уехали, зашли они и к Валентине, а также не забыли про Саньку. Мне тоже показали мальчика. Я первый раз увидел его после ДТП. Он был активен, шалил и требовал к себе внимания. На лбу у него находился пластырь. До этого дня я не

воспринимал свое окружение, лежащих в палате людей. Мне также было не до мальчика, находящегося где-то рядом, не до свояченицы, лежащей в другом корпусе, я был сам в себе. Хватило трех дней, чтобы я ожил, вначале стал слышать голоса своих соседей, затем смех бегавшего по коридору Саньки. Мальчика готовили к выписке. Мне о том сообщила свояченица Валентина. Она имела возможность передвигаться, так как удар головой о ветровое стекло оказался незначительным, — в последний момент успела среагировать и закрыть толстой зимней курткой лицо.

У Валентины обнаружили перелом в верхней части носа и на левой руке близ кисти. Я ее увидел в гипсе. Скоро его сняли, оставили лишь на руке. На руке гипс она сняла после месячного его ношения, уже дома — в Щурово.

Однажды, это было после ужина, Валентина зашла ко мне в палату и, вкрадчиво заглядывая в глаза, задала вопрос:

—Юрий Александрович, кто это такой? — Тот же вопрос я задал и ей, затем, выждав в молчании минуту-две, ответил:

—Не знаю, думаю, что это ее новый муж. — Ты же знаешь, сейчас наши дети быстро расходятся и быстро находят себе новых партнеров. Твой сын тоже жил с одной, а женился на другой. Так?

—Да, так! — медленно с расстановкой слов ответила свояченица и задумалась, затем, потерев лоб, будто вспомнив, сообщила:

—Завтра Федор должен приехать, ваш двоюродный брат Александр привезет его, Саньку нашего выписывают. Пацан, устал здесь в больнице, ему надоело бегать по

коридорам. Мне стоит только появиться у него в палате, не отпускает. Дело доходит до крику. Хочу сегодня остаться с ним на ночь. Не знаю, удастся ли уговорить санитарку?

При выписке Саньки из больницы, брат не преминул заглянуть — навестить меня. Я не удержался и спросил у него:

—Отчего без жены, могла бы и она зайти? — Он пожал мне руку и ответил:

—Могла, да не могла, нельзя. Ей запретили выходить не то что из корпуса, но и без надобности даже из палаты, а то выгонят из больницы. Она вчера осталась у мальчика и ей это, было вменено как проступок, не долечив, хотели выписать из больницы. Еле отбились. Я даже ходил просить главврача. Сам знаешь, сейчас финансирование больниц очень плохое, любое незначительное нарушение и тут же за дверь. Не советское время, с больными больше не церемонятся, каждый должен сам о себе заботиться.

Федор и мальчик уехали, а я остался один наедине со своими мыслями. Меня беспокоил молодой человек дочери — Юрий Александрович. Я, размышлял и все больше вникал в предыдущие недомолвки дочери. Она домой после работы забегала, правда, нечасто, а вот ее муж, так он последнее время отчего-то совсем не показывался.

—А почему ты одна? — спрашивал я у Елены Прекрасной, порой тот же вопрос задавала и жена. Она опускала вниз глаза и отвечала:

—Муж, в командировке, — затем спешно принималась рассказывать о своих делах в редакции, если мы настаивали и просили ее сказать хотя бы что-нибудь о супруге, она мямлила что-то невразумительное,

придумывала.

Я, да и жена понимали, наш зять занят на работе под завязку, а еще у него много командировок, однако раньше он отчего-то находил время у нас бывать, а тут вдруг, ну ни как не вырваться. Все это было странным. Однажды я попытался, «надавить» на дочь, на глазах у нее появились слезы, и жена тут же отозвала меня в другую комнату: и попросила предоставить право Елене самой решать, как поступать.

—Не приставай ты так к ней. Придет время сама все скажет! — Я успокоился, и долгое время терпел, не вмешивался в ее жизнь, однако чувствовал неопределенность положения, в которое попала дочь, — помочь я ей ничем не мог, не знал ситуации — подробностей происходящего.

Как-то раз, я с дочерью ездил на выходные дни, на машине в Щурово. Моя мать — бабушка Елены Прекрасной завела разговор о только что купленной ими квартире — «однешке». В ней никто не был прописан. Это у матери вызывало беспокойство. Она буквально настаивала:

—Ты, внученька давай, не тяни, кто-нибудь из вас должен в ней обязательно зарегистрироваться. А то и потерять можно. Жуликов у вас в Москве предостаточно. Вот так!

Дочь соглашалась и объясняла причины, по которым она не могла сделать себе прописку — поставить штамп в паспорт и отчего ее муж тоже:

—Бабушка он с детства соперничает со своей старшей сестрой и боится, только выпишись из родительской квартиры, как она сразу же сделает обмен и захватит их трехкомнатную квартиру. — Жить сестре с тремя детьми в

малогабаритке, доставшейся от бабушки было тесно.

Моя мать, наверное, почувствовала в семье Елены Прекрасной что-то неладное и долго говорила внучке о том, что в жизни все может быть, привела ей множество примеров, показав на них, что вторые браки это норма для нашей фамилии.

—Ох, смотри внученька, чтобы тебя не обманули. Далеко ходить не надо. Я у твоего дедушки вторая жена. У Марка — брата твоего дедушки, Матрена вторая жена, у его сестры Ирины тоже было два мужа. Да у Владислава, твоего двоюродного брата, Антонина — вторая жена, он долгое время жил с Еленой — пусть и без регистрации, но жил. Так что ты внучка пропишись в новой квартире. Тогда твоя доля от жилплощади будет закреплена официально.

—Все будет хорошо бабушка. Эта квартира моего мужа. Он продал в Подмосковье, доставшееся ему по наследству жилье своей родственницы. А еще мы взяли кредит. Моя доля в ней незначительна. Мы придумаем, как разделить квартиру. Я могу машину забрать. Она прилично стоит, — заулыбалась дочка. Уже тогда у нее был другой ухажер Юрий Александрович. Разговор с бабушкой ее несколько успокоил, так как дал возможность себя обелить.

Через неделю из больницы выписали мою свояченицу Валентину, и меня снова навестил брат Федор. Вместе с ним из Дятинова приехала нас проведать племянница Людмила. Я попросил ее помочь мне при выписке из больницы. Мне уже сообщили о дне.

—Хорошо, не беспокойся. Я с сыном Александром приеду. Он хорошо знает Брянск, и мы тебя быстро перевезем.

В назначенный день моя племянница приехала на

машине с сыном, и они меня повезли в другую больницу.

—Хорошее место, — сказала мне Людмила. — «Соловьи» называется. Летом здесь просто прекрасно. Природа изумительная.

Меня в «Соловьях» уже ждали. Тут же оформили документы, устроиться в двухместную палату мне помог случайный знакомый Иван Сергеевич, с которым я однажды столкнулся в книжном магазине в Москве. Он отчего-то крутился в коридоре.

В тот же день врач посадил меня в обычное стоматологическое кресло, долго и внимательно осматривал мой рот, а затем обрадовал, сообщив, что операция не потребуется:

—Семен Владимирович, сейчас я вам сделаю шинирование. Будет, конечно, неудобно, но ничего не поделаешь, — придется с месяц потерпеть, пока не срастутся кости. Дней восемь полежите у нас, будете наблюдаться, а затем я вас выпишу. Снимите, это все ... — хирург показал мне на металлические предметы, разложенные на поверхности небольшого столика медсестрой — уже дома, в Москве, — сделал паузу и продолжил: — А сейчас попрошу вас занять стоматологическое кресло, — и принялся за работу.

Хирург оказался прав: неприятные ощущения мне пришлось испытать не только во время шинирования челюстей, но и после они не ушли, довлели надомной весь вечер и всю ночь. Я, то забывался на короткое время сном, то снова пробуждался. Мне приходилось ощущать странный металлический привкус во рту, а еще я с трудом сглатывал слюну, давился ею. Во время сна она стекала через неплотно закрытый рот на подушку. Нос, из-за идущих в организме воспалительных процессов не дышал.

Лишь только следующая ночь принесла мне некоторое облечения и то из-за того, что я провалился в забытье и потерял над собою контроль. Данное положение позволило мне заняться своей работой, той которую от меня требовал Иван Сергеевич Тургенев. Он, хотя и находился где-то далеко — в отпуске, но в покое меня не оставлял.

Глава 9

Мысленно я запустил двигатели. Лифт тут же понесся стремительно наверх. В голове, что в радиоприемнике, требующем настройки, шумело и потрескивало. Я недоумевал, отчего. Однако шум прекратился, лишь только я забрался на «седьмое небо», расположился в кресле у компьютера: меня желал видеть Федор Михайлович. Об этом человеке мне говорил Иван Сергеевич, мой наставник. Мне было интересно: я тут же сосредоточился и вот явственно услышал его слова:

—Семен Владимирович, вам пора познакомиться с нашим соседом, не игнорируйте мою просьбу, посетите его. Он ожидает!

—Раз ожидает, значит иду, — сказал я в пустоту Ивану Сергеевичу и снова забрался в лифт, запустил двигатели. Один миг и я уже внизу. Передо мной тут же легко открылись двери, я вышел из кабины, при этом чуть не наступил на лежащую женщину. Мне сразу же стала понятна причина вызова. Она была связана с нею, ни с кем другим, но заниматься женщиной я не стал, мысленно отодвинув все проблемы на потом, обошел ее и направился навстречу с Федором Михайловичем. Шел, точнее сказать, скользил я от своей башни интуитивно в нужную сторону. За мной следом, поднявшись с земли, отправилась и женщина. Я не стал проявлять усилия, чтобы ее остановить. Это претило желанию Федора Михайловича.

Для всех людей на улице была зима — февраль месяц, но для меня лето. Оно было локальным: начиналось в метре-двух передо мной и заканчивалось где-то за спиной.

Мне было радостно осознавать свою значимость и не

только, — я изощрялся и тщательно расписывал красоты лета, чтобы насладиться всем тем, что дает нам это время года. Я любил лето, наверное, оттого, что родился в июле. Июль — его макушка. В этом месяце солнце наиболее жаркое и часто зимними холодными ночами снится мне.

Я шел по Фединой роще, подставляя лучам солнца свои щеки, — грел свое опухшее от удара лицо. Для меня дорогой служила ложбина. Это по ней вешние воды в поисках реки, скатываясь, уносили наполненные семенами сережки берез, шишки сосен, ягоды рябины прочь, лишь только травы и произрастали. Их семена цепкими корешками закреплялись по осени на почве, и вырвать их уже было невозможно. Даже мощные потоки воды оказывались бессильными.

Легко взлетев на пригорок, я увидел хороший дом, а невдалеке скребущий небо могучий разлапистый дуб с голой верхушкой в виде антенны. На него бы надеть тележное колесо и вот тебе дом для аистов.

Дом Федора Михайловича нельзя было сравнить с хоромами зажравшихся «новых русских», обычный барский дом. Он не блистал богатством.

Мне приходилось бывать во всевозможных автобусных экскурсиях и посещать помещичьи усадьбы восемнадцатого-девятнадцатого веков. Я представлял, что меня ожидает внутри.

На широком крыльце, державшемся на невысоких белых цилиндрических колонах, я встретил своего соседа. Его лицо мне показалось знакомым. Что меня несколько удивило? Это одеяние. Выглядел Федор Михайлович старомодно. Мне показалось, что он только вернулся со съемок какого-нибудь исторического фильма. Перед отъездом из Москвы в Щурово я смотрел телесериал о

братьях Карамазовых. Герои, мелькавшие на экране, были, чем-то внешне похожи на моего приветливого соседа.

—Вы заинтересовались моим одеянием, — спросил Федор Михайлович, приглашая меня жестом руки в дом. Он не спешил со мной поздороваться, тем более познакомится. В этом, я усмотрел какой-то особый смысл.

—Да, что-то в нем есть необычное — из прошлого. Этот вот пиджак, рубаха, галстук, штаны, да и обувь не такая…

—Да, это не пиджак — сюртук и не штаны, а панталоны… — Я тут же вмешался: — Согласен Федор Михайлович, для этих вещей в русском словаре есть другие существительные, но из-за боязни сделать ошибку я выразился по-своему, по-современному, а, не исходя из моделей девятнадцатого века, — сказал и, сделав паузу, взглянул на хозяина.

—Да-да! Вы правы, — услышал я тихий сухой голос Федора Михайловича: — Я человек девятнадцатого века. Там и остался, глядя оттуда, пытаюсь разобраться, найти взаимосвязи, ну и отличия от настоящего времени. Его бег не умолим. Так вот меня интересуют криминальные истории прошлого, хотя я и сочинения современников иногда почитываю, но… — он замолчал, — но… — снова замолчал. Я тут же взял на себя инициативу и продолжил предложение своего собеседника: — …нет в них того, что заставило бы поверить всему написанному, за мелочами не проглядывается человеческая душа. Я читаю и не верю, ни одному слову — просто все это — пиф-паф. А где угрызения совести? Что так легко совершить преступление? Нет, не может быть! Даже непреднамеренное убийство человека мучает, не дает покоя.

—Правы, сто раз правы, я двумя руками «за», — сказал

Федор Михайлович и дал мне возможность продолжить речь:— Современных писателей, — сказал я, — волнуют не души их читателей, а замысловатость сюжета, переплетения событий. И все оттого, что зло трудно предотвратить и не только, но часто и невозможно наказать его, здесь, у нас в России. Алчность довлеет над людьми. Деньги на первом месте. Все продается. — Этих моих слов было достаточно, мой сосед писатель едва мы перешагнули за порог, тут же подал мне руку, — сам я бы не посмел, — пожал мою и назвал себя. Я тоже назвался.

—Ну, вот мы и познакомились, — сказал Федор Михайлович. — Теперь хочу вас пригласить на чай. Как вы? — Я тут же с удовольствием согласился.

Достоевский подошел к образам, стоящим в красном углу, и шепотом принялся молиться Богу, он был, очень верующим человеком. Я для приличия, стоя рядом, молча склонил голову. Мое поведение ничуть не обидело классика. Закончив молитву, он тут же взял меня под руку и повел к столу.

—Одни люди верят: Бог есть, но порой сомневаются, переживая какую-нибудь жизненную трагедию, допускают мысли, что его нет. Другие люди — есть еще такие, — сказал хозяин дома и взглянул на меня, — не верят в него, но по той же причине допускают мысли, что он есть. Так что Семен Владимирович все мы ходим под Богом.

—Да, Федор Михайлович, «ходим», еще, как «ходим». Мы современные люди России в большей части из-за бездействия институтов государственной власти — нашего правосудия, лишь на Бога и надеемся. Зло, подобно «цунами» захлестывает нашу страну, как тут в ожидании не отвратности наказания — ведь можно и сто лет прождать, — не уповать на Господа, только на него. Лишь

он один и способен покарать убийц, насильников, коррупционеров, взяточников...

Мы подошли к столу. Писатель остановился, и я тоже.

—Да, вы правы. Ничего не поделаешь — время такое. Присаживайтесь, Семен Владимирович. —Писатель пробежался взглядом и сказал:

—Да, вот хотя бы здесь. Это как раз будет напротив меня. — Я поблагодарил хозяина, бросив взгляд на указанное место, увидел массивный добротный стул, подошел и сел.

Затем я посмотрел перед собой и увидел столешницу, застланную скатертью ручной работы. Здесь на втором уровне существования достаточно было акцентировать на чем-то свое внимание и нужное возникало, проявляясь из небытия — пустоты.

—Так.... — услышал я голос Федора Михайловича и вдруг рядом возле нас, появилась какая-то женщина. Для того чтобы ее увидеть, мне достаточно было поднять глаза.

Она мне чем-то напомнила особу, которая лежала у моей башни, затем долго шла за мной по пятам.

Это ее, невольно, я довел до самого дома моего гостеприимного хозяина. Куда женщина исчезла потом, я не знал, — была рядом и вот пропала. Незамеченной мышкой проникнуть в дом через парадное крыльцо, она не могла. Тут же попалась бы мне на глаза. Возможно, женщина прошла через служебный вход для прислуги. Правда, что меня в ней удивило? Она была уже в другой одежде. На плечах у нее я увидел просторный сарафан изо льна, на голове высокий чепец. Обувь, если и была таковая на ногах, то пряталась под низким подолом ее одеяния. А это ее одеяние было явно не с барского гардероба — мужицкого, не иначе. В Европе, но не у нас на Руси,

одежду, что богатые, что бедные носили однотипную, в зависимости от достатка человека разнилась она лишь качеством материала, наличием допустимых, тем или иным рангом, украшений.

Федор Михайлович дал указания этой самой женщине и она, поклонившись хозяину, тут же исчезла в пустоте, затем появилась из нее, но уже с самоваром в руках, который водрузила на специальном чайном столике, на поднос.

Вода в самоваре клекотала. Женщина заварила чай и заварной чайник поставила на самоварную каморку, сверху. Затем она снова ушла и вернулась с необходимой для чаепития посудой, на следующий раз женщина принесла на подносе, сливки, сахар, мед, варенье, всевозможные пироги и сдобные румяные булочки.

—Меняется жизнь, ох, как меняется, — начал разговор писатель. — Обычно делами чаепития, должна заниматься хозяйка или же старшая дочь, а прислуга только помогать, но… — Федор Михайлович сделал паузу. — Здесь все не так. Другой уровень. Моя Анна Григорьевна не желает следовать старым обычаям, да и новые не приемлет, оттого и затворница, если и выходит за двери то лишь, для того чтобы….. там, в сарае у нас стоит…, — недоговорив, Достоевский махнул рукой, затем продолжил: — есть кое-какое хозяйство, требует ухода. Жена любит животных, без прислуги справляется и еще ждет момента отправиться в Рай. А это, сами понимаете, возможно, только вдвоем, как говорят, рука об руку.

Я смотрел на Федора Михайловича, не отрывая взгляд, а он говорил, вспоминая свои годы на первом уровне существования:

—Я, Семен Владимирович перебирал женщин. Долго

искал Анну Григорьевну — свою Еву, — помолчал, а затем поправился: —Нет, я не так выразился. Она пришла на мое объявление, — я тогда искал всего лишь стенографистку, — и нашла меня, — умолк и снова поправился: — Нет, не так: это она мне была послана, и я призвал ее к себе..., — запутавшись окончательно, Достоевский задумался и вдруг стал исчезать. Мгновенье и предо мной была пустота.

—Нас — мужчин и женщин соединяет жизнь, — сказал я и вопросительно посмотрел на то место где имел счастье лицезреть Федора Михайловича. Он, тут же, подобно фотобумаге в ванночке с особой жидкостью, проявился.

—Да, да! Это так. Вы правы. Иначе бы она не была для меня Евой. Здесь на втором уровне существования я ей потворствую, моя Анна Григорьевна отдыхает. Хотя многие мои романы сделала своими руками. — Классик помолчал: — Семен Владимирович, люди сейчас не те стали. Изменились. Не хотят отчего-то влезать в душу героя — понимать происходящие события — мыслят поверхностно. Ищут отдыха. Даже там где необходимо опечалиться они готовы хохотать, отчего это происходит? Не знаю!

Я выждал время и после того, когда наше молчание несколько затянулось, собравшись с мыслями, открыл рот:

—Федор Михайлович увеличилась нагрузка на человека. День рабочий по законодательству восемь часов, а русский человек вынужден «вкалывать» десять-двенадцать, да и выходные прихватывать, при этом он из-за неуверенности в завтрашнем дне: заплатит ли ему хозяин за работу, а что если нет, испытывает мощное нервное напряжение. Оно не сопоставимо с тем, которое довлело над прошлыми поколениями людей. Да, вот

простой пример, лет сто назад человек не мог читать про себя, только вслух, иначе не понимал прочитанное, а сейчас читает, продвинулся, — сказал я классику и обнаружил снова пустоту. Не было смысла обставлять ее атрибутами реального мира? Предметы быта только бы отвлекали нас от разговора. Я говорил и говорил. У меня было желание сообщить Федору Михайловичу о том, что мои современники подобны многофункциональным компьютерам, но вовремя сообразил «не нагружать» моего собеседника чудесами современного мира и оттого остановился. — Помолчал. Выждал паузу и сменил тему: — Федор Михайлович, я ведь знаю, отчего вы пожелали со мной встретиться — хотите забрать у меня женщину. Моя «телебашня», — я назвал свое сооружение отчего-то телебашней, — притянула ее… — Хозяин, смочив тонкие губы в блюдечке чая, сделал большой глоток, затем ответил: — Мой дуб высок, могуч, но он был хорош много лет назад до научно-технической революции. Время изменилось, мой дуб уже не может конкурировать с вашей башней или, например, с трансформером Голвачова. Правда, я у него в апартаментах не был, но один человек мне о них говорил,… — Достоевский прервался, затем, подняв на меня глаза, продолжил: — Я, надеюсь на птиц. Аисты и другие светлые птахи, я бы их так назвал, — разносят души по первой ступени, а вот вороны, грифы, много еще разных тварей, они здесь работают у нас. — Федор Михайлович сглотнул из блюдечка чай, — они для связи с ушедшими людьми. Они не только санитары, очищают мир от скверны — физического разложения, но и наши помощники. Я и сейчас их использую для обострения своих чувств. Правда, порой я слышу лишь шумы шагов. И вашу женщину я услышал за сотни

километров. Она из Рюковичей пришла. Это рядом возле села Щурово. — Федор Михайлович сделал паузу, отвлекшись, попросил: — Лидия, принеси Семену Владимировичу из кухни еще расстегаев. Он их полюбил и с удовольствием ест. — Женщина вышла из столовой, и мой собеседник лично мне сказал: — Не могу я с прислугой быть на «вы» и называть ее по имени отчеству: «Лидия Сергеевна». Это у меня от барина осталось. Хотя какой я барин? Я бы тут же изменил к ней свое отношение, если бы она сидела с нами рядом, а не подавала на стол. — Я кивнул головой, принимая во внимание слова хозяина дома, и стал говорить о еде:

—Федор Михайлович, кушанья у вас особые, не то, что наша — современная кухня. Многое что на столе, я даже не пробовал. У нас настоящего ничего нет. Все продукты имеют различные добавки. Чего только в них не напичкано. Очень много в них наполнителей, консервантов, а еще ароматизаторов, идентичных натуральным, а как же без них, не купят, — я отпил чаю и продолжил: — Хотя еще не так давно мы кушали все натуральное. Но для этого необходимо было выстаивать в магазинах огромные очереди. Теперь очередей нет, порой я думаю оттого, что в магазинах не стало хороших продуктов. Правда, полки ломятся. Магия какая-то, иначе и не скажешь.

—А вы Семен Владимирович чаще захаживайте ко мне, не забывайте навещать старика. Я уже вам сказал, что мне особо и не с кем поговорить о душах ваших современников, они разительно отличаются, «от голубков моего поколения»... — я не удержался и влез со словами: — что те вороны. — Да, точно подмечено. — Федор Михайлович сделал глоток чая и продолжил: Но это не

сразу они становятся такими. Отдельных индивидуумов, я наблюдаю еще до рождения — в утробе матери. Реплики их формируются в виртуальном мире лишь только родители, да и не только они — близкие люди начинают говорить о зачатом ребенке, а уж затем четкость становится значимой, ну а идеальной — только на втором уровне, после смерти. Вот так....

Я молча посмотрел на классика. Он теребил бороду, затем медленно поднял глаза:

—Что я хотел сказать? Вы мне можете быть полезны. Поэтому приходите без церемоний, даже к обеду. Я вас жду. Ох, не представляете, какими яствами угощу, пальчики оближите. — Я тут же с благодарностью принял предложение Федора Михайловича и отпил глоток чая.

—Да и вот еще что Семен Владимирович, мне стыдно сознаться, но я в этой, другой «литературной кухне» не все понимаю, хотя и пытаюсь разобраться. — Писатель сделал многозначительный жест рукой и продолжил: — Странное дело: кто бы мог подумать, что мой негативный персонаж, преступник Раскольников, заметьте негативный, возомнив себя сверхчеловеком, способен был всколыхнуть весь мир. Не так много пройдет времени и идея о сверхчеловеке «потянет» за собой идею о сверхнароде. Правда, для этого к моему имени вначале приплетут Ницше с его книгой «Воля к власти». Хотя его воля к власти равноценна воплощенной воле к жизни. Да-а-а, и еще Шопенгауэра. А теперь представьте, что я и вот эти вышеназванные господа протоптали путь к новой метафизике человека. Гитлер — этот главный фашист — явился всего лишь воплотителем наших идей.... Чушь собачья, да и только. Я здесь не причем. Мне, очень хотелось встретиться с этим воплотителем идей о

сверхчеловеке и сверхнароде. Однако, сколько я не поднимал вопрос на заседаниях Союза, мне так и не позволили, — этого изверга без задержки вместе с Евой Браун отправили в Ад. — Достоевский нервничал. Я это заметил когда он, взяв в дрожащие руки блюдце, в который раз отпил из него чай. Выждав время и успокоившись, классик продолжил: — Но, что страшно — они — эти идеи о сверхнароде не канули в Лету, они занимают современную Россию. Мой сверхчеловек — я так понимаю, новый Раскольников — Баркашов, или еще там кто-то другой, должен возглавить новое российское общество и заставить людей почувствовать себя сверхнародом. Зачем это России, испытавшей на себе все изуверства фашизма? — Я молчал. Мне было понятно, что, поставив вопрос, Федор Михайлович сам на него попытается ответить, не удастся, значит, ответит позже. —Политики, — это они, только они, — возвысив голос, выдохнул Достоевский — разрушители некогда огромного государства и разъединители наших народов, посеяли хаос в умах людей, затем разладили хозяйство, а это соответственно привело к огромным людским потерям. Прошлые потери, например, в период первой мировой войны, затем гражданской меж усобицы, сталинского правления настоящими политиками подаются теперь как изуверства, а о потерях настоящих они умалчивают, считают их не преднамеренными. Оттого, наверное, и не мучают этих ребят «кровавые мальчики». Оттого!

—Федор Михайлович, мне понятны ваши переживания, — откликнулся я и прямо посмотрел классику в глаза.

—Подождите молодой человек. Я не закончил свою мысль, — прервал меня Достоевский. Я извинился и, взяв чашку, сделал большой глоток чая, затем еще и еще.

—Так вот, разделение страны и начавшаяся конкурентная борьба каждого отдельного индивидуума за выживание при огромном наплыве бывших сограждан — теперь уже иностранцев, подстегнули фашистские настроения и ни где-нибудь, а в самой России. Так вот пока не поздно, я хочу на примере отдельных людей, например, той же Лидии, влезть в душу и определиться, отчего все это происходит. Эта женщина дополнит мои размышления — ее непреднамеренный убийца теперь иностранец. Хотя, какой он иностранец? Хохол, а может молдаванин. Я, найду его и постараюсь разобраться в перипетиях произошедшего.

—Хорошо. Я бы тоже хотел знать и разбираться в происходящем. Люди теряют свое обличие. И что странно — грамотные люди с высшим образованием. Раньше народ хоть был темен, оттого что не знал грамоту и не мог почерпнуть знания, например из хороших умных книг. До него творения классиков доходили не в полной мере или же в перевернутом виде. Он шел за призывами шулеров от политики, трансформировавшими хорошие идеи — в плохие. А сейчас современный человек просто не желает читать и все тут. Это та же безграмотность. Поэтому сейчас писателям необходимо быть более изощренными и приложить максимум усилий, чтобы сделать свои идеи доступными, пусть не через книгу, так через живопись, кино, музыку, фото, Интернет. Я, не знаю, что еще можно ко всему этому добавить — главное нужно использовать современные средства доставки правильных идей в мозг каждого человека, лишь бы противостоять вновь нарастающему насилию.

—Я устарел, — сказал классик, — меня ваши слова пугают. Я ничего не понимаю. Это то, что мне мешает.

Современный человек готов от меня брать и что-то берет, но чтобы подпустить меня к себе. Нет, не хочет. Не вижу я его лица. Можно много страниц исписать, но все это бес толку. Хотя я свою работу всегда выполнял исправно. Правда, вначале долго тянул, до-последнего, затем поставив себя в экстремальные условия, писал и писал до изнеможения. Иначе не могу. Русская лень, понимаете. Знаете пословицу: «Дурак думками богат!» Я бы, опираясь на наши сказки, выразился иначе — русский думками богат, так как в народном творчестве что русский, что дурак — едино. — Я тут же прервал Федора Михайловича и, ухватившись за такое оригинальное высказывание, дополнил:

—Федор Михайлович да вы спасли будущее нашего народа. Я, благодаря вашим словам увидел предназначение русских людей в глобальном мире. Мы русские должны быть генератором идей, немцы, японцы, французы, еще может быть кто-то из народов….— это станет понятно позже, их разработчиками, а китайцы изготовят все в «железе». Идеальный тандем!

—Семен Владимирович, вы не о том говорите, не о том. Нам русским сейчас быть бы живыми, сохраниться как нация. — Достоевский замолчал. Он собирался с мыслями:

—Так, на чем я закончил? Ах, да! Я долго тяну, прежде чем подступиться к письменному столу: раскачиваюсь, а потом вдруг сажусь и пишу, пишу, пишу, глядишь все уже и готово. Мне часто приходилось работать по заказу. За два месяца такие романы выдавал…. А сейчас я уже не в той форме, не могу с обычной присущей мне легкостью описывать что мужчин, что женщин. Тяжело мне с мужчинами, тяжело — за последние годы уж очень они стали замысловатыми, а вот у женщин я еще нахожу

отзыв, пока нахожу. — Достоевский помолчал, а затем продолжил: — Жена меня уже не ревнует. Я бы сказал, доверяет. Хотя наш этот мир — не тот, — снова помолчал. — Мне не зря понадобилась Лидия, хочу забрать ее у вас. Для того, чтобы через нее залезть в душу убийцы, как говорят сейчас на первой ступени, выйти на убийцу. — Сделал паузу и продолжил: — Я его чую. Вот вы сказали мне о том, что люди мучаются, совершив даже непреднамеренное убийство, — Федор Михайлович снова замолчал, и я это молчание понял, как предоставление мне возможности высказаться, немедля открыть рот:

—Да, мучаются, — ответил я. — Должны мучиться. Да вот не так давно один известный публицист Эдвард Рад… Рад…, как его…— имя помню, а фамилия начисто вылетела из головы, забыл понимаете; так вот он на машине наехал на человека. Как он плакал и сокрушался о своем содеянном проступке. Ничего сделать нельзя было: человек умер, не довезли до больницы… Напротив — одна дамочка при наезде на тротуаре на пешеходов печалилась лишь только о своей разбитой дорогой иномарке. Что плохо, таких людей подстать этой дамочке, сейчас много. Тысячи.

Мы сидели и пили чай, предаваясь размышлениям. Я долго не решался спросить у классика о его ощущениях в этом мире — на второй ступени существования. Затем, сообразив, что в другой раз мне может и не удастся больше вот так непринужденно беседовать с известным человеком, открыл рот:

—Федор Михайлович, а вы не можете поделиться впечатлениями, которые здесь испытываете. Довольны ли вы своими возможностями, влиять на этот мир и тем, что здесь происходит?

—Доволен или нет? — переспросил Федор Михайлович и задумался: — Как вам сказать? Доволен! Я имею возможность изменить то, что однажды посеял и взрастил в том мире — в вашем мире или мире первой ступени! Так, кажется, называется время, которое мы, имеем возможность, проживать, прежде чем уйти. Однажды я в своих книгах, посеяв идею о сверхчеловеке, подстегнул события, — то, отчего я предостерегал мир, — сбылось, пусть это произошло и после моей физической смерти, но оно нашло свое место. Теперь, мне необходимо все исправить, — и Федор Михайлович откинулся на стуле. Вздохнул: — Надулся, под завязку, — сказал он. — Хорошо! — Я, взглянув на него, подумал: моя бабушка Вера Борисовна тоже любила испить чаю, по пять стаканов выпивала с одним кусочком сахара. Мой благодетель выпил не меньше.

Федор Михайлович встал. За ним следом поднялся из-за стола и я, поблагодарил хозяина:

—Спасибо за гостеприимство. Мне было приятно с вами чаевничать и разговаривать. Многое для меня в этом вашем мире стало проясняться.

—И мне тоже, — сказал он. — Не без вашей помощи. — Мы вышли из дома. Лидия Сергеевна тоже дернулась следом, но Федор Михайлович тут же остановил ее, и женщина принялась убирать со стола, а затем спряталась где-то в доме.

Мой сосед немного прошелся рядом со мной, затем вдруг остановился. Тормознул и я. В одном из окон мелькнул призрачный силуэт женщины. Нет, —это не была моя подопечная, наверняка, — жена Федора Михайловича — Анна Григорьевна. Она ждала только его. Женщина готовилась под руку отправиться со своим

мужем в Рай, вникать в его дела на второй ступени существования — не желала. Однако классик здесь был необходим: он как никто другой разбирался в происходящих событиях, вызванных распадом некогда огромной страны, вопреки желаниям народов. Зря — Губачев, Ецин, Кравчик и Шушкин: — бывший генеральный и первые секретари республик не понимая, что делают, сотворили страшное злодейство и тем самым невольно открыли ящик Пандоры. Только они, низложив огромную страну, позволили фашизму всплыть со дна истории на поверхность. Нашлись люди готовые внедрять его в головы русского человека. Русский человек, опираясь на фашизм, надеется на будущее благосостояние страны. «Мы бедны, — кричат невидимые плакаты русских фашистов — только оттого, что у нас рабочих людей добро забирают пришлые люди. Они отделились от нас и пусть катятся к себе. Мы к ним не лезем и им нечего лезть к нам. А еще у нас добро забирают «верхи». Вон Губачев, хоть и власть потерял, но живет не в России — в Германии, живет припеваючи: организовал свой фонд и отмывает через него деньги — серебряники Иуды. А другие? Те тоже не лучше. За границей пристроились. Эти «верхи» готовы все то, что не в состоянии сами переварить отдать не нам, — людям России, а чужим народам — они наше добро развозят на самолетах по миру, рекламируя его как помощь. Впору нам самим принимать помощь, страна вымирает: уходят миллионы. Зачем росчерком пера в бедуинском шатре прощать долги нашей стране. Россия правопреемница СССР — пусть отдают наши деньги. Отдают. Отдают. Накорми своего человека, а уж затем... можно и поделиться, затем. Бейте чужих, бейте! — кричат везде и всюду фашистские плакаты». — Федор Михайлович

переживает, мучается. В пору и мне задуматься, отчего все это происходит в нашем мире. И до каких пор будет длиться…

Недавно у нас в стране выбрали нового президента. Он не похож на Губачева, не похож на Ецина. Но у него премьер-министр со старым багажом, из прошлых людей. Он почитает старших товарищей, все никак не может с ними порвать, а надо, иначе в будущем с ним народ расправится. Не нужен нам президент, жалеющий богатых. Кто пожалеет нас — бедных и обездоленных людей. Подавай нам правителя нового, с независимыми взглядами!

Глава 10

Мои старики после завтрака, затем после обеда и ужина из дня в день торопились из дому, вниз — на волю. Они четко следовали моим установкам, — подчинялись им.

Завтрак, обед, ужин здесь на второй ступени существования являлся лишь видимостью, вызываемой привычкой, сформировавшейся на первой ступени жизни, необходимости в трапезе не было, так как чувство голода людей не тревожило, да и не могло тревожить. Ну, если и испытывали что-то, то состояние дискомфорта.

Лифт, едва разогнавшись, останавливался на этаже ниже и в кабину, поздоровавшись, входили Алексей Григорьевич под руку с Оксаной Игоревной. Кто-нибудь из молодых людей спрашивал:

—Вы вниз? —Тимур Аркадьевич обычно молчал, и отвечать приходилось его супруге Ирине Павловне:

—Да-да, вниз, на прогулку. Нужно после принятия пищи развеяться, засиделись у себя на высоте.

—Мы тоже, — слышался мягкий голос Оксаны Игоревны.

Алексей Григорьевич уподоблялся Тимуру Аркадьевичу, замыкался в себе, хотя и мог быть общительным.

Для налаживания контактов требовалось время. Они должны были примелькаться, как говорится: «намозолить» глаза и лишь тогда можно было ожидать какого-то результата.

Прогулки четы Гадаевых, Коколева и Козырь начинались от «Останкинской» башни и затем маршруты их расходились. Алексей Григорьевич торопился увести

Оксану Игоревну в сторону, не обращая внимания на бездорожье. Он пожилым людям уступал наиболее выгодные по проходимости участки земли. Мне было смешно, — это видеть и через какое-то время я решил изменить положение и облагородил прилегающую к башне местность, разместив на ней, видимые глазом дорожки, пересекаемые друг с другом. А еще я расставил скамьи для отдыха. Это, я сделал с целью, чтобы мои подопечные могли чаще встречаться и иметь возможность ну, если не подружиться, то хотя бы визуально сблизиться.

Прошло время, и желаемый результат был достигнут. Мои персонажи все чаще и чаще перекидывались словом. Их вначале интересовали обычные темы, например, погода. Правда, для того чтобы вызвать моих подопечных на разговор о погоде мне приходилось вмешиваться и делать ее разнообразной. Я вызывал в своем мире то дождь, то снег, то жару. Что еще? Местный ландшафт. Он тоже для них представлял значение. Здесь я тоже прилагал руку, делая его интересным. Для меня не стоило труда вдруг стать ландшафтным дизайнером. Однажды я, исследовав в голове мысли Ирины Павловны, взял и недалеко от «Останкинской башни» изобразил знакомую из прошлого ей и Тимуру Аркадиевичу беседку, чем затронул их сердца. Они почувствовали приподнятое настроение.

—А помнишь, мы здесь, или нет, не здесь, а в похожем месте впервые поцеловались?

—Конечно, помню, — раздался голосок женщины, чем-то напомнивший Тимуру Аркадьевичу давно забытый — девичий. — Как же не помнить и пожилые люди поддались воспоминаниям. О многом они тогда говорили. Перед глазами у них гуляли Алексей Григорьевич Коколев и

Оксана Игоревна Козырь. Взгляд пожилых людей был тепел и восторжен. В них они вдруг увидели себя. Ирина Павловна вспомнила первую встречу. Тимур Аркадиевич знал, что эта встреча была вызвана рассказом отца о новой книге, в которой ребята тайком помогали пожилым людям, — Аркадий Антонович умел зажечь сына своими фантазиями, да и не только его. Хорошо это или плохо, но на тот момент у него, возможно, иссякли истории о былых походах красной армии или же он уже не желал наделять ее ореолом славы победителей в братоубийственных стычках. До каких пор? Он стремился обратиться к мирной жизни. Из всей этой истории важно одно, что Тимур и Ирина встретились летом, в дачном поселке, делая добро женщине, потерявшей мужа на войне: мальчик, утащив тайком пустое ведро, принес, в дом воду, а девушка пока женщина находилась у соседки, навела порядок во дворе. Они столкнулись головами друг с дружкой в беседке, ретируясь, чтобы остаться инкогнито для пожилой женщины.

—А помнишь, у меня тогда большущая шишка вскочила, долго не проходила, лоб болел? — спросил Тимур Аркадьевич и невольно потер воображаемую болячку.

— А как у меня болел, ты и не знаешь, — тут же откликнулась Ирина Павловна, и они вдруг расхохотались. Да, было что вспомнить. Стукнувшись лбами и от испуга, отскочив, друг от дружки, Тимур и Ирина неожиданно влюбились.

Экскурс пожилых людей в далекое прошлое неожиданно омолодил Тимура Аркадиевича и Ирину Павловну Гадаевых и тем самым несколько приблизил к ним молодых людей.

Они, и Алексей Григорьевич Коколев, и Оксана Игоревна Козырь, уступая и позволяя чете Гадаевых заговаривать с собой, внутренне меняли их натуры. Только через эти изменения те могли понять своего сына Егора. Даже после смерти своего чада они — родители не находили места, тревожились. Он их беспокоил. Не знаю, как бы они отнеслись, наблюдая его рядом с собою, и имея возможность общаться, может быть, тут же отторгли, заставили себя забыть и не вспоминать о нем, но, находясь вдали от своей кровиночки, они только о нем и думали.

—Умер Егор оттого, что людям сделал зло, — не раз говорил Тимур Аркадьевич своей супруге. — Даже быстрый уход из правительства не спас его. Такого натворить? Просто уму непостижимо!

—Ну, нельзя же так говорить о родном сыне категорично… — тут же, пытаясь смягчить слог мужа, парировала Ирина Павловна. — Мы же ничего не знаем. Я уверена он людям зла не желал, он хотел как лучше, так получилось. Необходимо разобраться. И вот в этом нам могли бы помочь молодые люди, если ты не будешь себя вести как тот бука.

—Хорошо! — отвечал Тимур Аркадьевич, теребя рукой короткие седые волосы на затылке. — Может, и могут помочь, а может, и нет. Это наш с тобой крест. Я согласен пополной отработать все свои грехи или же броситься головой в Ад — поминай тогда, как звали.

—Не смей мне заикаться об Аде! Не смей! — повышала голос Ирина Павловна и, отвернувшись, замолкала. Тимур Аркадьевич тоже закрывал рот, но после таких разговоров, он сам шел на контакт с молодыми людьми. Супруга тут же находила его ладонь и мягко, в знак благодарности жала ее, а еще заискивающе заглядывала в глаза.

Алексей Григорьевич Коколев был моложе их сына — лет на десять и оттого советское время захватил всего лишь мельком. Чем оно запомнилось мальчику-пионеру? Обычными продуктами. Они были без выкрутасов: колбаса — колбасой, которую можно есть, молоко — молоком, — оно продавалось в бутылках с большим горлышком, хлеб — хлебом. А еще в магазинах было много мороженой рыбы: хека, трески, камбалы, ледяной. Мать порой приносила из универсама ранние огурцы, клубнику, черешню, яблоки, арбузы, и конечно конфеты. Ох, как он их любил, особенно шоколадные. Икра тоже была на их столе, правда, не из магазина в институте ее давали женщине вместе с продуктовыми наборами. Однако мальчик от нее отворачивался, замыкал зубы на замок и цедил слова:

—Не хочу я твоей икры — ни черной, ни красной. Ну, и что из того, что ее трудно достать, что она дорогая. Я ее не люблю.

Другое было время — деньги не главное. У матери, она одна воспитывала сына, в красненькой книжечке было написано: «партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». Неизвестно кто как, но она чтила постулаты той своей эпохи и воспитывала сына в определенных рамках. Ум, — пожалуйста: сын закончил институт. Честь, — тоже привила. В плохих делах парень замечен не был. К тому же ее Алеша очень был совестливым, о том не раз говорила соседка — старая коммунистка — до мозга костей.

Оксана, та являлась порождением девяностых годов, — перестройки — времени разлада народов некогда живших вместе — ее продуктом. Она знала, что такое деньги. Но также как и ее парень не способна была на подлость. Наверное, оттого, что выросла в селе, у людей на виду. Ее

едкие слова, как соляная — желудочная кислота, способная вызвать язву, однажды больно поранили Ирину Павловну. Разговор зашел о людях менявших прежние устои в стране. Пожилая женщина, сын, которой наряду с другими людьми, стоял на верху, пыталась, не разглашая его имени, представить их всех как борцов за новую Россию. Не удалось.

—Да сволочи они все до единого человека. Себе в карман. Ваучеры вначале хотели сделать именными, но смухлевали и вручили на предъявителя, чтобы затем без проблем забрать их и забрали. Где, спрашиваю я вас, где мои две машины «Волги»? А этот Пончик, — Оксана так выразилась о сыне Тимура Аркадиевича и Ирины Павловны — так тот, пуще всех старался, в кавычках, конечно, он даже память деда своего предал. Уж ему на том свете воздастся. В Аду его ждет гиена огненная и самая большая сковородка: лижи, не хочу!

Лицо у Ирины Павловны потемнело, а у девушки наоборот стало красным. Супруга Тимура Аркадьевича чуть не упала в обморок. Тимур Аркадиевич тут же ее поддержал и попытался прекратить этот нелицеприятный разговор:

—Оксана Игоревна, да не надо так нервничать. Взгляните на себя. Вы до предела возбуждены. То, что было, то давно прошло. Жизнь не стоит на месте — меняется и меняется к лучшему. В ней много и хорошего, так ведь? — Тимур Аркадиевич Гадаев, умоляюще взглянул на девушку. Я побоялся, что она вдруг резко выкрикнет: «Это где много...— в дерьме, что ли?» Но мои опасения не сбылись, Оксана Игоревна неожиданно пожалела Ирину Павловну.

—Да, это так! — сказала она, отхлынув. — Вот, оно

хорошее, и прижалась к Алексею Григорьевичу. Мне больше хорошего и не нужно. Я бы его, не променяла, ни на Ржавого, ни на Черного. — Я для себя тут же перевел: ни на Чубаса, ни на Немца. О них говорит Козырь. Больше не о ком. — Девушка на миг замолкла. Но ненадолго: — Одна женщина за этим Черным увивалась, раскусила, человек он лживый, и правильно сделала, что бросила. Мне не нужен никто другой, пусть даже он будет олигархом. Да, в нашей жизни всего хватает, но это все из-за непомерной алчности управляющих страной, — Оксана Козырь энергично махнула рукой куда-то высоко вверх, — их законов. Они даже честного человека толкают на воровство. Зарплата, например, тысяча рублей в месяц за работу не у частника, а на государственном предприятии. Моя соседка почтальонша Валентина ее получает. Там наверху, наверное, думают, что на нее можно купить мотоцикл. В советское время — да! Но нет уже советского времени. Эта тысяча равна рублю. Пусть они все там подавятся своей тысячей, подавятся…. — Алексей Григорьевич заметив, что его подруга снова начинает распаляться, принялся девушку успокаивать.

—Не нужно говорить о плохом. Не нужно. — Оксана Козырь замолчала. Примолкла и чета Гадаевых.

—Не выгодно жить в России, работают, то есть производят продукт всего лишь тысячи человек, а миллионы на заднице сидят, — за ними ведь нет ничего. Такое положение разорительно для любой страны, разорительно, — вдруг сказал Коколев и спор разгорелся снова сильнее прежнего.

—Мы не в состоянии платить налоги. Отчего? «Вверху» на крупных предприятиях зарплаты для топ-менеджеров задраны, до неимоверных размеров, «внизу» — нищенски

малы. Я, чтобы хоть как-то свести концы с концами вынужден работникам деньги выдавать в конверте. Об этом всем известно: правительство знает и радо-радешенько. У них есть возможность обелить себя. Они вниз кивают на нас и говорят: «Мы и рады не воровать, да не можем, мы вынуждены брать. Оттого, что народ наш вор, «химичит» и не додает в казну».

—Я пыталась открыть свою фирму, — выпалила резко со злом его подруга Оксана Игоревна, — не откроешь. Рекет не дает работать. Появляются люди, желающие тебе оказать помощь в кавычках. Честно, нельзя. Нелегально работать на много проще и ненакладно. Правда, все это до поры до времени. Отчего бы администрации не заняться восстановлением предприятий и организаций тех, которые были раньше, и навязывать их достойным людям. Возможно, что «крышивание» тут же и исчезло бы.

—Она права, — поддержал Оксану Игоревну Алексей Григорьевич. — Это в Москве порой можно затеряться как-то обойти «крышу». Да и то мне приходилось брать в штат крепких парней. Они почти не работали, так по мелочи, но за то я за ними был как за каменной стеной.

Домой чета Гадаевых и пара молодых людей, возвращались не в настроении. Правда, вместе. На душе у тех и у других был неприятный осадок. Его бы смыть огромной волной взаимного понимания. Но для того, чтобы поднять эту волну, необходимы были силы. Их, у моих подопечных еще не было.

Мне трудно было выяснить, кто из моих подопечных выразился, что рыба гниет от головы, но этот штамп мучил Тимура Аркадиевича. Он долго не мог заснуть. Лицо фосфоресцировало, да и по телу нет-нет и проходили электрические судороги. Ирина Павловна успокоилась

значительно раньше супруга. Она умела, вдруг, отчего-то засомневавшись, в сыне, убедить себя в том, что он не виноват, просто его подставили нехорошие люди. Они, благодаря сыну заработали миллионы долларов и покинули страну. Живут в свое удовольствие. Те, которые заработали меньше, остались. Делают деньги. Однако и они не верят, что их отпрыск виновен во всех безобразиях, произошедших в стране, они его даже считают правым. Иначе нельзя было. Нельзя. Их лица мелькают на трибунах. Благодарственные слова они возносят ему, их сыну. А сколько было цветов на похоронах, — нет, не мог он быть извергом, — думала Ирина Павловна. Девушка неправа. Неправа. Она молодая, поэтому не понимает. Плохо, что озлоблена. Ох уж эта молодежь.

Коколев и Козырь, поднявшись к себе в помещение, возобновлять спор, не захотели. Смысла в том не было. Правда, Оксана Игоревна не удержалась, и высказалась о пожилой чете, их беспокойстве.

—Ты заметил, эта Ирина Павловна что-то скрывает, да и Тимур Аркадиевич тот еще орешек, попробуй, расколи его.

—Не нужно его колоть, — сказал в ответ Алексей Григорьевич. — Мне радостно было слышать, что я для тебя, то хорошее, что было и есть в жизни. Я тебя люблю. — Молодые обнялись и затихли довольные друг дружкой. За окнами темнело. Спускался вечер. Рукотворный. Я был его создателем. Окунув своих героев в темноту, я желал их всех примирить. Для этого мне не жалко было энергии, я был готов потратить столько, сколько необходимо.

Глава 11

Возле сооружения, к которому я приложил мозги, и поднял на высоту, в ожидании меня, прохаживался какой-то человек. Он был не молод, среднего роста, крепкого телосложения, выглядел по-современному: в джинсах, на ногах спортивные ботинки, на плечах куртка, высокий воротник, которой придерживался затянутым поверх шарфом и оттого не пускал холод к шее, ушам, а при втягивании безволосой головы, заменял головной убор. Я подошел к нему и остановился.

—Андрей Пельмин, — сказал человек, протягивая мне руку. Я назвал себя и пожал его ладонь. —В нашем полку прибыло, — тут же бросил Андрей. Показав рукой на дверь, я пригласил мужчину к себе наверх. Он согласился, и мы направились в сторону лифтов. Быстро поднялись.

—Да, тут у тебя, что на той башне?

—Останкинской? — спросил я.

—Да! — донесся до меня голос Андрея. Он был мягкий, глухой. Пельмин прошелся по периметру, вглядываясь через стекла в горизонт: — Хорошо, здесь. Можно вспомнить юность. — Сделал паузу, а за тем продолжил: — Я тут недавно заходил к Василию… — Я сразу сообразил: — Голвачову. — Так у него, конечно, круче, но неспокойно — постоянно жди подвохов. Платформа, на которой ты находишься, вдруг начинает уходить куда-то из-под ног, а затем резко взмывает вверх. Да и влево и вправо — никто не отменял. Резкие большой громкости звуки и кромешная тишина. Яркий свет и чернота. Болтаешься, что гав… в прорубе…, — он помолчал и добавил: — У него ты постоянно находишься в напряженном состоянии и

должен как-то реагировать. Того и гляди, чтобы не опростоволоситься. Ну, а если опростоволосишься. Порадуешь хозяина. Загогочет. Не по себе станет. Уж лучше к нему и не ходить. — Пельмин прохаживался, делал круги, я ходил за ним следом. Он был младше меня, правда, ненамного — человек моего поколения. Мне с ним было легко. Я выжидал, искал возможность приступить к серьезному разговору.

—Андрей, я не знаю как вас по отчеству…

—Не нужно называть меня по отчеству и на «вы» — тоже не годится. Сам знаешь у писателей, поэтов главное имя, фамилия, некоторые берут себе псевдонимы. Так вот я для тебя Андрей Пельмин. А ты для меня… — он назвал мое имя и фамилию.

—Да, согласен, — ответил я.

—Профессия, наша профессия делает человека значимым, необходимости нет выкладывать подробности о себе в беседах. Они в книгах. Интересно — читай, не ленись. Все найдешь. Правильно, я говорю? — спросил мой гость.

—Правильно! Но, я тут новичок, недавно только приставлен Иваном Сергеевичем к делу, и многое хотел бы знать. Вот, не так давно ходил в гости к Федору Михайловичу. Представить себе не мог, что когда-нибудь смогу, побывать у самого Достоевского, у…, — но докончить предложение не успел, меня тут же перехватил Андрей и продолжил: — У этого пиита «униженных и оскорбленных» или, как еще о нем говорят, писателя невротиков и психопатов или … — он замолчал, потом откашлялся и, взглянув на меня, тут же закончил свою речь: — Федор Михайлович хороший человек, я его обижать не собираюсь. Эти, только что приведенные слова

о нем, не мои. — Уж не Ивана Сергеевича, подумал я. — Ты тоже должен быть готовым услышать о себе много хорошего и плохого. Правда, это все в будущем. Нас писателей никогда не жалели, ни коллеги, не читатели, — сказал Пельмин, — и знай, не будут жалеть! — Ну, да ладно. Ты от меня, что хотел услышать: «здесь на этой ступени существования мира — это? Это, знаю, — и Андрей похлопал меня по плечу. — Мне импонирует виртуальный мир. Ты, если когда-нибудь что-то мое из последних книг читал, то мог заметить, что темы для них я черпал, находясь вот здесь, да и продолжаю…, — Андрей повел вокруг себя рукой, — я часто нахожу их среди нашей пишущей братии. Люди неординарные. Ты тоже скоро освоишься, и будешь иметь возможность черпать здесь информацию. — Помолчал и вытолкнул: — Это на свое усмотрение… — Я не дал договорить и спросил:

—Граф Толстой, здешний? Он никуда не отправ…

—Да, нет, я могу тебя с ним познакомить. Интересный человек. Его жена Софья Андреевна давно рвется в Рай, а он, нет, вот и куролесит здесь на втором уровне. Дыму такого напустил…

— «Дым», «Дым» — это же роман Тургенева.

—Да дался тебе этот Тургенев. Нечего тебе Ивана Сергеевича зазря поминать. Я же с тобой говорю о Льве. Лев, понимаешь кто это? Он не побоялся рассориться с церковью еще там в нашем мире. Памятник Пушкину ставили, так не поехал, отказался из-за боязни показаться в свете, чтобы не было лишних вопросов. Посредники между ним и Богом ему, видите ли, не нужны. Он напрямую желает общаться, — помолчал и резко выдал: — Они мне тоже не нравятся! Да и еще. У него огромно желание познать, нет, я не так выразился, охватить всю

вселенную и ощутить себя в ней и над нею, это будет то, что надо, — закончил свою мысль Пельмин и в знак подтверждения его слов раздался резкий голос самого графа:

—Андрей, ты правильно сказал, правильно: «ощутить себя в ней — вселенной и над нею». — Я вздрогнул. Было отчего. Один из значимых политиков двадцатого века потрясатель мира, сказал о нем: «Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник...» — И вот этот батенька вдруг откликнулся, то есть неожиданно дал о себе знать и тут же исчез. Мои слова: «Лев Николаевич! Лев Николаевич...» — я желал продолжить общение, упали словно в пропасть, не найдя никакого отклика.

—Не пытайся его остановить. Он уже далеко, — сказал Пельмин. — У него как у всех нас писателей на этой ступени существования есть своя база: «Ясная поляна». Он там находится. Будет желание, посети старика. — Я кивнул головой и переключился на творчество собеседника. Мне было интересно одно его произведение, о всемирной пустоте, наделавшее много шума среди читающей братии и я, для того чтобы уяснить для себя некоторые моменты, спросил:

—Андрей, а дом, дом, — я не знал, как его обозвать, чтобы не обидеть писателя, задумался, подбирая нужное слово, и Пельмин меня опередил: — Дурдом, самый, что ни на есть обычный дурдом и герой в нем.

—Да, дурдом, и герой в нем — это все для того, чтобы не шокировать своих читателей описаниями картин этого вот мира, — я повел рукой. — Ты же о нем пишешь. Иначе причем тут пустота...

—Пустота — это Рай. Их этих садов Эдема превеликое множество, У каждой пары: Адама и Евы, он

индивидуальный. — Андрей сделал паузу и, улыбнувшись, сказал: — На Камчатке есть долина гейзеров, а тут представляешь райская долина. В свой Рай нужно еще попасть, а затем устав от него еще и согрешить…

—Ты имеешь в виду, что супруга должна отреагировать на подмигивания змея и, соблазненная им, уговорить Адама сорвать запретный плод манго, затем этот плод должен быть съеден, так?

—Это частный случай. У каждой пары: Адама и Евы грех свой особый и не обязательно это должен быть плод. Словом должен быть грех, а уж после того, когда грех совершен, душа мужчины и женщины снова попадают на первый уровень существования. И неизвестно где они могут оказаться. Один мой знакомый нашел себе жену в Америке. Даже неженатые или же незамужние люди находят в первом случае свою Еву, во втором — Адама. Это может быть девочка из пятого класса или же мальчик, мелькнувший по жизни и куда-то исчезнувший. Ничего не поделаешь: у каждого своя судьба, своя пустота. Она эта пустота беспредельна — не имеет границ. О ней — пустоте можно фантазировать до бесконечности, и я даю волю мыслям, опираясь на свой интеллект. Ты, при желании тоже можешь проявить себя на этом поприще. Дерзай, осваивай пустоту!

—А что такое Ад? — спросил я у Пельмина.

—Ад —это Нирвана. Тебе разве об этом не говорил Иван Сергеевич? Это полное освобождение. Ноль эмоций. Ноль фантазий. Мне сейчас трудно судить, я не знаю, что выберу в будущем, перебравшись полностью в виртуальный мир — на вторую ступень существования и пресытившись ею. Здесь можно находиться сколь угодно долго. Зависит все от значимости земного пути человека.

У простых людей и души простые — они надолго не задерживаются. Фьють и в Эдеме. Их виртуальная оболочка, что нательное белье едва хватает ее на сорок дней, сгнило и все, а вот гении добра и зла могут здесь на второй ступени находиться бесконечно долго. Это зависит от их желаний, да и не только, поэтому многие из известных людей не торопятся уходить. Рядом всегда можно найти интересного собеседника. Да хотя бы взять того же графа Льва Николаевича Толстого, он на мои первые слова, едва я только начал о нем писать, откликнулся. Словно ждал этого момента. Прошло время, и я его нашел, познакомился… «Ясная поляна» теперь для меня, что второй дом. Я часто там бываю.

Мне было интересно с Андреем Пельминым. Я, в разговоре с ним не замечал секунд, минут, часов. Он также как и я, единожды оказавшись здесь, больше не желал покидать этот мир и по возможности занимался своими персонажами. Они, эти, его персонажи могли находиться не только на первой ступени жизни, но и на второй — просто существовать. Для этого достаточно было его участия.

—Ты, не сиди здесь в своем «тереме» — башне, не замыкайся, хотя вид преотличный, заводи друзей. Федор Михайлович звал тебя?

—Да, — ответил я. — Он и сейчас стучится ко мне в голову. У него есть ко мне какое-то новое дело.

—Ну вот, обязательно посети старика, постарайся найти что-то общее для продолжения знакомства. Ну, например, предложи ему в рулетку поиграть. Он же игрок, — взглянул на меня и продолжил: — Ты, что не знал?

—Да знал, но он ведь однажды раз и навсегда дал себе зарок не посещать казино.

—Ну и что. Когда это было и где, на первом уровне, а здесь на втором — он зарока не давал. Если хочешь знать у него здесь, в усадьбе есть игральный автомат, и он на досуге балуется. Вот русская душа, не то, что твой наставник Иван Сергеевич Тургенев. Думаешь, отчего Федор Михайлович играл в Баден-Бадене, запросто так, от нечего делать? Денег ведь у него особо и не было. Так вот, от лени. Русский человек не любит работать. Ему бы на дороге деньги найти или же случайно выиграть. Федор Михайлович брал под ненаписанную книгу деньги — аванс и проигрывал весь в рулетку. На что он надеялся? Отыграться и отдать деньги редактору, чтобы «не париться» над чистыми листами. Их ведь нужно правильно «замарать». Но отыграться у него не получалось и приходилось писать. А писал он как? Думаешь, он корпел над бумагой, нет, надиктовывал текст Анне Григорьевне, то есть использовал то, что в каждом русском человеке заложено от природы, — способность придумывать. Слышал его пословицу: «Русский думками богат?».

—Слышал! Мне о ней Федор Михайлович говорил. Да и еще, он говорил, что по жизни русский и дурак синонимы.

—Ну, ты понял, о чем я говорю. Федор Михайлович свой человек, держись за него. — Андрей Пельмин помолчал, затем, бросив на меня взгляд, сказал: — Ну, заглянешь к нему, а после, я думаю, ты и у меня побудешь, поглядишь, чем я занимаюсь. Да и еще у тебя уже появились герои. Веди их по тропе существования. Скрупулезно разбирайся в их судьбах. Не торопись. Чем больше у тебя будет желающих отправиться в Рай, тем больше шансов прижиться в этом мире, посещать его, находиться в нем и вести при этом обычную жизнь простого человека.

Я предложил Андрею Пельмину присесть за небольшой

столик у окна и отобедать. Он хитро взглянул на меня и согласился:

—Мне интересно. Я давно не был на «Седьмом небе», думаю, что у тебя здесь так же как когда-то было в советское время, можно полакомиться жульеном с шампиньонами, а еще мы за время обеда совершим полный круг, так?

—Да все это есть. Пол вращается. Да вот, смотри, опля, — я щелкнул пальцами, и началось движение. Мы уселись за столик. Он появился у нас за спинами после согласия моего товарища покушать. Конечно, весь этот комплексный обед отличный от обеда в заводской столовой или же студенческой, был иллюзорным, но он позволил нам продолжить разговор и наговориться вдосталь.

—Я, порой перед тем, как что-то описать в своей новой книге, мне не в полной мере известное, — сказал Пельмин, — разыгрываю, — для наглядности ставлю сцену. Здесь это позволительно, в тоже время, сделать куда как проще. Героев — персонажей участвовать предостаточно. Да ты и сам скоро это поймешь, стоит тебе раз-другой что-нибудь попробовать и вот ты уже не только писатель, но и режиссер. — Мой собеседник поерзал на стуле, пытаясь устроиться поудобнее, и продолжил: — Не знаешь, отчего Иван Сергеевич вдруг, вырвался в отпуск? — сделал паузу и сам ответил: — Я думаю, занят на съемках ленты о немом крестьянине и собачке по одной из своих книг. Он окончательно перебрался на вторую ступень существования: умер в 1883 году и теперь в нашем мире печататься не может, лишь только влиять при выпуске издания книги, той или иной картины по вышедшим когда-то произведениям. Да и при постановке спектаклей иногда

нет-нет и покажет свое не согласие, затарахтев барабашкой за занавесом. На втором уровне существования ему нравится, а вот Федор Михайлович тот бы давно уже был в Раю, но как говорят: «Рад бы в Рай, да грехи не пускают» — ему не дает покоя то обстоятельство, что жизнь пошла по наихудшему из вариантов им предсказанных. Он отметил плохие стороны — бесовские черты в характере людей и предупреждал их, для того чтобы не поддаться Сатане, советовал почитать Бога, а люди не вняли классику. Ладно, русский народ выиграл в войне с фашизмом, казалось ну вот и все, так нет: нашелся правитель Губачев и, занявшись реформированием, неумелыми своими действиями все испортил. Низвергнул страну в тартарары. Он, породил неимоверное богатство в карманах у одних и огромную нищету у других людей, но это еще не все, он разрушил огромную страну территориально, тем самым, создав условия для ненависти и междоусобной борьбы народов, некогда живших вместе, — посеял семена фашизма.

Расположившись вместе с Андреем Пельминым за столиком, я был вынужден подобно Федору Михайловичу привлечь для нашего обслуживания официантку. В качестве нее я выбрал Оксану Игоревну. Мне было неудобно привлекать Ирину Павловну, не того разряда, да и возраста была эта женщина. Она и ее муж могли быть лишь только посетителями. А раз так, я взглянул на товарища и, получив от него: «добро» — кивок головой решил пригласить в ресторан и их. Чего не сделаешь для создания настроения культурного времяпровождения.

Затем я щелкнул пальцами: пожилые люди поднялись со своих мест, забравшись в лифт добрались до нужного этажа, прошлись вдоль стеклянных окон и, выбрав один из

столиков, устроились за ним, после чего в ожидании обеда стали обсуждать что-то свое, семейное.

До нас доносились их слова. Из отдельных понятых нами отрывочных фраз стало ясно: они говорили о сыне — «Пончике». Это им была недовольна Оксана и от незнания с кем имеет дело, с неподдельной злостью высказалась об их нем сыночке во время прогулки. Алексей Григорьевич тоже «прошелся», но он на момент перехода на вторую ступень, жизнь свою устроил и был не так агрессивен к нему.

Я взял со стола салфетку, свернутую пирамидой, развернул и бросил ее на колени, тоже проделал и мой гость Андрей. Затем, он посмотрел на меня и вдруг сказал:

—Давно я не был на «Седьмом небе», давно. Оттого и дал согласие на твое предложение. Правда, мне здесь не все нравиться. Измени обслуживание. Пусть нам обед принесет девушка, — Пельмин взглядом показал на Оксану Игоревну Козырь, — которую ты наметил, но затем вызови ее молодого человека. Она же здесь не одна? Я чувствую. За ним она тоже пусть поухаживает, и после присядет рядом к столу. Когда они еще смогут вот так запросто побывать на «Седьмом небе». В наше далекое время и то трудно было попасть в этот ресторан. Сейчас его вообще нет — сгорел…

—А кто поухаживает за четой пожилых людей? — спросил я.

—Кто-кто? — вопросительно переспросил Пельмин и тут же выдал: — Я думаю, что женщина сама легко справиться с ролью официантки. Им прислуга ни к чему. — Затем мой собеседник внимательно осмотрел мужчину и сказал: — Мне пожилой человек напоминает одного молодого из компании ребят «шоковой терапии», недавно

ушедшего…

—Ну, да потому что он, отец Егора Гадая, — без задержки выпалил я. — А рядом с ним мать этого реформатора.

—Так-так, понятно, — сказал мой собеседник, и умолк в раздумье. Я тут же отдал мысленные распоряжения женщинам — Оксане Игоревне и Ирине Павловне, после чего попытался перевести разговор на Федора Михайловича Достоевского, своего соседа.

—Андрей, но ведь еще в пору царствования… — я назвал имя самодержца Российской империи, — что-то похожее на фашизм уже существовало. Межнациональные распри не были экзотическим явлением. Случались погромы. Царизм для отражения ударов народа от себя настраивал нации друг против друга. Высокомерие и чванство людей богатых над обычными: — «униженными и оскорбленными», как сказал классик — дало идею о «сверхчеловеке». Лишь только при Советской власти в условиях определенного достатка и такого же — определенного равенства для всех людей в стране удалось изменить ситуацию и достигнуть национального спокойствия…

—Да, ты прав! Мы за годы Советской власти научились понимать, что СССР — страна не только для русских, но и …— мой собеседник принялся перечислять нации. — А сейчас любой русский нищий вправе сказать этим, еще более обездоленным нациям: «Вы отделились, ну вот и живите у себя на родине, нечего лезть к нам — забирать у нас последнюю работу», хотя они-то не отделялись — это Губачев, Ецин, Кравчик, Шушевич и другие товарищи, хотя какие они товарищи? — авантюристы, конъюнктурщики нового мира, преследуя свои корыстные

цели, по живому разъединили нас. Им этим разъединителям сейчас хорошо. Даже Губачев и тот, попытавшись снова пролезть во власть и, получив по морде от одного из избирателей неплохо устроился: создал свой фонд, получает на его счет «серебряники» и тратит их в свое удовольствие, живя в Германии. — Андрей Пельмин задумался, я тоже.

—Ну, ладно, мне пора. Времени для разговоров у нас еще будет достаточно, — сказал мой собеседник, поднимаясь. Я тоже встал и, взглянув на стол, сказал:

—Андрей, ну ты же не притронулся…

—А, жульен из шампиньонов? — он показал рукой на пустую посудину. — Чистенько! — Я улыбнулся. Материально ни я, ни он не насытились, но эмоционально что-то мы от обеда приобрели, грех было жаловаться.

Во время расставания, Андрей Пельмин, пожимая мне руку, сказал о Егоре, сыне Гадаевых:

— Конъюнктурщик, этот их отпрыск, «любитель шоковой терапии», да и его дед может тоже был таким. Хотя там есть и романтика. Молодой, четырнадцати лет от роду, не мог же он думать лишь об одном положении. Положение — это старость… Правда, желания забраться «наверх» в нем все же преобладали. Я, будет время, пройдусь и по нему. Об одном легендарном полководце я написал, может, ты читал?

— Да, и скажу больше: я служил под началом его сына генерала. Он любил проверять посты, так говорили солдаты…

Андрей Пельмин помолчал, ни чего не ответил, забираясь в лифт, не удержался: — Этого Егорку молодца, да сюда бы, чтобы посмотрел на муки родителей, да и Ецина неплохо мордой ткнуть! Он где-то здесь крутиться:

писатели перебрасывают его, словно футбольный мячик с одного места в другое. — У меня мелькнула мысль, что возможно этот самый Егорка находился в ведении моего собеседника, хотя я мог и ошибаться, поэтому ничего не сказал, лишь кивнул в ответ головой. Андрей уловил мои мысли, но тоже смолчал. Пусть все идет, как идет. Я сейчас возьму Оксану Игоревну и пойду к Федору Михайловичу. Он хочет ей и Лидии Сергеевне — женщине, которую ему я отдал раньше, учинить очную ставку. Вызов Федора Михайловича был не случаен, он заполучил в свое распоряжение хохла или молдаванина, виновника в гибели этих двух женщин. Классик все сделает, чтобы разобраться в истоках возникновения ненависти на самом низшем уровне и найдет нити, ведущие к людям, забравшимся на вершину власти, которым фашизм на руку. Непредумышленное убийство женщин, совершенное хохлом или может молдаванином станет убийством жертвенным, давно задуманным «рулевыми» страны, так как они, занявшись реформированием огромного государства, посеяли семена алчности, убрав препоны, сдерживающие людей, от обогащения любым способом. Им, для своего обогащения, необходимы люди, презираемые, низшего сорта, для того чтобы за работу в рабских условиях платить копейки и еще чувствовать себя благодетелями. Я отчего-то не удержался и смачно плюнул, словно скверну низвергнув из себя, а затем принялся растирать свой плевок ногой.

—Вот они эти благодетели, вот они где…

—Ну, давай, пока. До встречи! — крикнул мне мой новый знакомый и исчез. Будто его и не было. Такова жизнь на втором уровне существования. Многое, что здесь происходит, будто в тумане и на бегу или в киселе из

которого пытаешься выбраться и не можешь, что только для этого не делаешь: на одном месте перебираешь подобно мухе лапками. Толку никакого. А если что и произошло, то попробуй, вспомни, когда было и было ли на самом деле. Здесь нет ничего реального — на то он и виртуальный мир.

Глава 12

Пельмин ушел, и я занялся своими делами: вначале разместил в нужном месте чету Гадаевых, а затем следом за ними, выждав время, отправил восвояси Алексея Григорьевича и Оксану Игоревну.

Мне было приятно сознавать, что мои подопечные в ресторане при встрече тепло поприветствовали друг друга и также почтительно попрощались при расставании, одним словом — вели себя достойно. Они не вспомнили о разногласиях, возникших во время последнего разговора, у стен моей «Останкинской башни». Возможно, им не хотелось ворошить неприятную тему — продолжать, начавшийся однажды во время прогулки и не законченный тогда разговор.

Федор Михайлович Достоевский выказывал мне нетерпение. Голос классика звучал у меня где-то внутри, и моя рука при этом невольно тянулась к мочке уха слегка мяла ее. Эти движения позволяли ему понимать меня и быть введение всех моих будущих действий. Алгоритм четко прорисовывался.

Моя неторопливость была неслучайной. Мной владело чувство неудобства, не мог же я просто так на глазах у Коколева или же у Гадаевых увести девушку к Федору Михайловичу. Воспитание, да и принципы советского этикета не позволяли мне поступать вольно. Для того чтобы молодых людей разъединить, я прежде разместил их на отведенной для существования территории и лишь после предпринял дальнейшие действия: забрал девушку и отправился к лифтам.

Много времени, чтобы покинуть «Останкинскую»

башню и оказаться в гостях у Федора Михайловича мне не потребовалось. Дорогу я знал хорошо. Она была длинна для обычного человека, отправившегося в путь пешком, да и не только — даже при езде на автомобиле требовались часы, но не для меня в моем положении. Я обладал силой: скользил, оставляя позади десятки километров, следом за мной — Оксана Игоревна. Скоро мы одолели Федину рощу, миновали пруд и приблизились к большому одноэтажному дому писателя. Я его словно фонариком высветил из небытия.

Мой сосед встретил меня у входа, и после приветствий мы оказались внутри. Федор Михайлович оставил меня в прихожей, а сам вместе с девушкой прошел в следующую комнату. Я разрешил ему осуществить необходимые процедуры, сам при этом не присутствуя. Все это было неслучайно, — мне не следовало вмешиваться в сюжет, задуманный классиком и как-то на него влиять. Во главу угла, прежде всего, ставилась чистота эксперимента.

Находясь в усадьбе у Федора Михайловича, знакомой его душе с детства, я многое для себя узнавал. Узнавал, благодаря его подопечным. Их было предостаточно. Народ своеобразный, я бы сказал, в основном из мест не столь отдаленных. Я не мог, например, ими управлять — это было под силу лишь только классику, проведшему многие годы на каторге, а затем в ссылке; он владел ими в полной мере, хотя не был для них надзирателем. Мне же можно было их души сканировать, — это, не возбранялось, пожалуйста. Для этого я морщил лоб и думал, думал, думал. Прохаживаясь в старинном доме, я вбирал в себя информацию. Она здесь была везде. Есть такое выражение: нагибайся и поднимай. Что я и торопился делать. Правда, нагибаться было не обязательно. Конечно

же, я не все понимал или же не в полной мере — Федор Михайлович в это время работал с Оксаной Игоревной Козырь и помочь мне не мог, но у меня была возможность, накопив ряд вопросов, задать их хозяину дома после и получить на них исчерпывающие ответы. Описывать мне этот мир по своей воле желания не было. У Достоевского голова была занята одной проблемой — психоанализом людей, имеющих всевозможные отклонения. Я мог с ним говорить лишь о фашизме, нашедшем плодотворную почву на русской земле. Что я знал об этом мире? Да ничего! Иван Сергеевич меня просветил, — выложив предо мной тот минимум, который был необходим для работы. Андрей Пельмин несколько дополнил его.

Я желал знать о «второй ступени существования», ну если не все, то почти все. Незнакомый виртуальный мир захватывал и словно водоворот втягивал меня в пучину нового. Это было вызвано моей натурой. Не зря же я много-много лет посвятил работе в научно-исследовательском институте.

Информация проникала в мою голову, и заполняла все ее клетки. Я ощущал разницу миров; на первой ступени материя неразделима с энергией — божественной или иной не в том суть — развивается благодаря ней. Еще при рождении человек получает ее подобно заряду и носит в себе. Она держит человека от безрассудных поступков, позволяет даже юродивому жить, так как в его теле достаточно энергии не только для осуществления биологических процессов, но и для проведения физической работы, пусть и ограниченной. Правда, наращивать свой умственный потенциал такой человек не в состоянии или же может, но не значительно, за то, перебираясь с первой ступени на вторую, тут же

отправляется в Рай. Вызвано это тем, что он не в состоянии произвести выбор. Дети тоже не имеют выбора. Я не видел их на второй ступени существования. Но они могли находиться здесь, генерируясь взрослыми людьми, с большим запасом энергии или писателями. При генерации создавалась копия и всего лишь. Уж кого здесь достаточно так это различных животных, птиц, насекомых. Правда, они тоже копии. Оригиналы идут в Рай. Исключение представляют вымершие особи. Они исчезают навсегда, в Аду. Генерация видов необходима для того, чтобы индивидуумам на второй ступени существования можно было без труда определиться и сделать единственно-правильный выбор. Они не должны испытывать сомнения, колебаться.

Этот виртуальный мир — мир «энергетических теней» — душ, не закрепощенных в материальных оболочках, свободных от необходимости их «таскать», не нуждавшийся в сложных биологических процессах. Души, что те белки скользят по веткам или пичуги, или насекомые, перелетают с одного места на другое и все это по воле, вначале на заре человечества магов, колдунов, мессий, гуру, пророков, мыслителей, математиков, философов — всех не перечислишь, затем уже писателей. До поры до времени эти души находятся в состоянии покоя и в зависимости от объема, который определяется интеллектом, достигнутым человеком на первой ступени, могут подобно солнечному зайчику накрывать ни одно материальное тело или же ни один предмет. «Запасы душ» Федора Михайловича я бы не сравнил с горой металлолома. Они эфемерны. Я бы сказал, призрачны, хотя и имеют форму, ту, которой обладали на первой ступени существования.

Долго морщить лоб и познавать новый мир мне не пришлось, скоро я почувствовал движение воздуха и предо мной появился мой знакомый писатель —Андрей Пельмин.

—Привет, еще раз, — сказал он и пропустил в помещение Егора Тимуровича Гадая и Бориса Николаевича Ецина. Тут же открылась дверь соседней комнаты, и в прихожей появились: Федор Михайлович с Оксаной Игоревной.

Моя подопечная не удержалась, ее глаза ярко вспыхнули, она, взмахом головы отбросила волосы назад и подобно амазонке-воительнице набросилась на своих врагов — бывших властителей России.

—Убийцы! Убийцы миллионов невинных людей! Уж Федор Михайлович с вами голубчиками разберется. Он найдет для вас соответствующую статью, мало не покажется! — выкрикнула моя подопечная и, плюнув им в лицо, направилась в сторону двери. Я тут же, предприняв все, что было необходимо в подобных случаях, чтобы Оксана Игоревна больше ни чего не могла сказать, обратился к классику с желанием забрать свою подопечную, на что Достоевский, улыбнувшись, сказал:

—Семен Владимирович, Оксана Игоревна Козырь совершенно свободна, — сделал небольшую паузу и продолжил: — Я бы с вами с удовольствием побеседовал, но поймите меня: работа не стоит, господа прибыли, ждут участия, — и классик махнул рукой в сторону холеных индивидуумов.

Они — господа, здесь в новом мире прекрасно выглядели, ну что живые. Так и тянуло сорваться с места и вытереть об них ноги, но прежде изрядно испачкав сапоги, например, в навозе. Но не было этого самого навоза, — животноводство в стране было разорено, не

только большие комплексы, но и хозяйства поменьше, например, такие как Щуровская ферма на несколько тысяч голов.

От Федора Михайловича я вышел с Андреем Пельминым и с Оксаной Игоревной Козырь. Мне предстояло воротить ее на место к Алексею Григорьевичу Коколеву, затем я мог быть свободным и заняться исключительно собой.

Мой товарищ согласился составить мне компанию. Я не утерпел и тут же поинтересовался о господах, которых он привел к классику. На что Пельмин без заминки ответил:

—Я здесь не причем. Их Федор Михайлович выписал для работы!

—Постой! Как это выписал? — с недоумением спросил я. — Что можно вот так запросто выписывать людей?

—Да, можно! Тебе разве не приходилось в библиотеке заказывать редкую книгу через межбиблиотечный каталог?

—Приходилось! — ответил я. — Но это книгу, а здесь..., — я многозначительно помахал рукой.

—А здесь то же самое. Процедура такая же. Никаких проблем, — поспешил откликнуться Андрей, затем помолчал и добавил: — Семен, ты подобно классику тоже можешь использовать все возможности, которые предоставляет нам писателям вторая ступень существования и даже более. Мы же с тобой Фигаро там, Фигаро здесь, — имеем ни одну степень свободы, — Андрей потер лоб и продолжил: —Так что пользуйся, черпай информацию не только на второй ступени существования, но и в нашем мире. Что ты знаешь о своих подопечных?

—Все, что исходит от них самих, — сказал я. — Мне

стыдно копаться в их грязном белье, вот!

—Глупости. Ты писатель, а не обычный человек. Той информации, которую ты получаешь, непосредственно от своих подопечных, может быть недостаточно, при необходимости иди к живым людям и разговаривай о них, выпытывай, что собой представляют твои герои. Ты имеешь полное право! Писатель! Этим все сказано!

У «Останкинской» башни я расстался со своим товарищем и поднялся к себе. Находясь на «седьмом небе» я просканировал Оксану Игоревну Козырь. Она не испытывала ненависти к своему убийце то ли хохлу, то ли молдаванину. Девушка ненавидела господ, которых привел Пельмин в усадьбу Достоевского, и с которыми она имела возможность случайно встретиться. Они — эти господа попали к классику через «накопители» — усадьбы, башни, и прочие места обитания, принадлежащие моим коллегам — писателям. Их, этих господ считала моя подопечная Козырь убийцами, а хохол или же молдаванин, был для нее таким же горемыкой и не более. Что еще я узнал? Этот горемыка, убитый очередью из автомата таможенниками, гнавшимися за ним, был зол не на женщин, сдержавших его продвижение вперед — к свободе, ни на таможенников, а на господ, развалivших Союз, и в первую очередь он люто ненавидел Губачева. Из-за него этот человек был вынужден изменить свой образ жизни и заняться не законной деятельностью — перевозкой через границу контрабанды. Правда, и девушка, и парень могли лицезреть только приближенных к Губачеву людей и то ушедших, но ни его самого, так как жизненный путь бывшего президента страны еще не окончен. Губачев наслаждался всеми благами, которыми могла снабжать богатого человека земля. Это его жена пострадала. Она

после длительного лечения у высококлассных специалистов в Германии, —у нее нашли рак, — умерла. Затем Раиса Максимовна после участия в отдельных незначительных эпизодах, разыгранных немецким писателем антифашистом на второй ступени существования, была затребована Достоевским и уже находилась где-то на полпути следования в резиденцию классика.

Мне необходимо было не отвлекаться и больше уделять внимание своим героям. Пельмин прав. Недостаточно пользоваться информацией только на одном уровне, важно узнать Тимура Аркадиевича и Ирину Павловну Гадаевых, Алексея Григорьевича Коколева и его девушку Оксану Игоревну Козырь при других обстоятельствах. О последних событиях, произошедших в их жизни, я намеревался разузнать, отправившись в скором времени к матери в Щурово. Из телефонных разговоров с нею я кое-что знал об Оксане Игоревне. Мой брат Федор — начальник почты мог мне помочь. Он знал людей. Да и его жена Валентина, носившая по домам почту могла мне многое порассказать. Информацию о чете Гадаевых я мог найти в Интернете, из переписки с людьми, знавшими их при жизни, используя электронную почту. И еще, я продолжу наблюдение за взаимоотношениями своих подопечных. Пусть они встречаются и ведут беседы.

Глава 13

Шли тяжелые дни. За время лечения я очень сильно сбавил в весе, находясь в первой больнице, из-за того, что не мог жевать; и потерял ни один килограмм во второй, так как мне «завязали» челюсти — иначе сделали шинирование.

Шины поставить — это не брегеты. С ними проблем покушать нет, открывать рот можно, пережевывать пищу тоже, а то, что они выглядят не очень красиво и сдерживают вас, не дают возможности где-нибудь в обществе вести яркий эмоциональный разговор, при случае оскалится в улыбке, так это пустяки. Тому, кто не носил шины меня не понять.

Находясь в первой больнице, мне питаться было намного легче, чем в той, другой, куда я был доставлен племянницей для прохождения дальнейшего лечения. Там у меня была возможность, набрав полную столовую ложку пищи, забросить ее в рот, предварительно опустив нижнюю челюсть, затем, подняв ее, проглотить.

Еду мне доставляли к постели. Нянечка приходила и называла меню, а я из перечисленных блюд выбирал то, которое был в состоянии осилить. На завтрак готовили манную кашу или же овсяную. С кашами я справлялся без проблем. Весь обед отправить в свой постоянно урчащий желудок мне было трудно. От ужина часто отказывался, ничего подходящего не было. Ребята по палате давали мне кипяток, и я заваривал себе бульоны, чай или же кофе.

На новом месте, мне приходилось поглощать пищу через естественные щели в челюстях, образовавшиеся при ДТП. При ударе об руль я лишился отдельных зубов. Через

них я ее просто всасывал, вначале из кружки, а затем из пол-литровой банки: в нее больше входило. Мне ее дала одна из раздатчиц — сердобольная пожилая женщина. Эта самая женщина предлагала мне и трубочку, но я от нее отчего-то отказался.

Принимать пищу, мы ходили в специальное помещение, где производилась ее раздача, и где можно было присесть за стол. Однако столов было немного и из-за наплыва больных их попросту не хватало. Я этим пользовался и, получив питание, уходил к себе в палату, чтобы не портить аппетит больным, не имеющим моего диагноза и использующим для принятия пищи ложки и вилки.

Моя палата была двухместной. Тут мне несказанно повезло, при поступлении в больницу я в коридоре неожиданно столкнулся со своим знакомым земляком. Это был Иван Сергеевич, человек очень похожий на Ивана Сергеевича Тургенева. Я ему однажды в Москве помог в книжном магазине. Он, увидев меня от изумления, просто подпрыгнул, возможно, инсценировал восторг, судить о том я не мог.

—Молодой человек, да никак это снова вы? — воскликнул мой земляк. — Вас просто не узнать. Что случилось? — и уставился на меня.

Как мог я объяснил ему свое положение. Он, выразив мне сочувствие, в свою очередь рассказал о своем злоключении. Я бы написал: хлопая глазами, но это было не так: один из них был закрыт: — Вот из-за него попал в больницу, — сказал Иван Сергеевич и указал на глаз пальцем: — Нарыв неожиданно вскочил. Для путешественника это серьезная проблема. Я не зря испугался. Вытребовал одну из лучших больниц в живописном месте — в «Соловьях». Вы знаете, что это

место называют «Соловьи»? — Я кивнул головой, после чего мой знакомый взял меня за руку и, оповестив медсестру, отвел в свою палату.

—Тут у меня есть кое-какие связи, — сказал мой земляк. — Я вас сейчас устрою. Жалеть не будите. Вот так. — Он постоянно всплескивал руками и ужасался тому, что сталось с моим лицом. Я, было, дернулся подойти к раковине, над которой висело зеркало, чтобы взглянуть на себя, но Иван Сергеевич тут же остановил меня:

—Не вздумайте Семен Владимирович заглядывать в зеркало, это сейчас вам делать незачем. — Я не смотрел. Так как это самое зеркало, после моего похода к главврачу и оформления за собой места в палате Ивана Сергеевича, неожиданно пропало. Не знаю, появилось ли оно после моей выписки? Но это для меня теперь значения не имеет. При желании я мог любоваться зимними пейзажами: смотреть в окно на зеленые ели и сосны на лапах, которых громоздились огромные шапки снега. Они мне напоминали медицинскую вату и когда налетали ветры и срывали снег, я радовался.

Благодаря Ивану Сергеевичу я неплохо устроился: в помещении было тихо и спокойно, да и пищу я мог себе позволить принимать с удобствами. Он меня не стеснял, кушал в специальном помещении за столом, я в палате над раковиной неторопливо сосал свой завтрак, обед или же ужин, блюда, взбитые блендером, для больных, таких как я.

«Перевязанных» в нашем отделении было немного — человека три-четыре, не подсчитывал. И все они подобно мне пытались укрыться от посторонних глаз. Правда, это не всем удавалось.

Иван Сергеевич не относился к моей группе больных.

Пищу, он получал обычную. Иногда, я с завистью посматривал на котлету с гречкой, отварную курицу с рисом или же рыбу с картофелем. Жиденькое пюре или суп он и был суп, — положительных эмоций у меня не вызывал. Еда давалась мне нелегко — застревала в зубах, проблем не было лишь только с чаем. Даже таблетку и ту мне приходилось разбивать в кружке ложкой до состояния порошка и, засыпав его под губу запивать водой.

Завтрак, обед, ужин — это было не все. Раза два меня посетила племянница Людмила и натащила всевозможной еды. Людмила не знала, требуемую консистенцию пищи, и ее супы я одолевал подобно прыгуну, берущему чрезмерную высоту — с большим трудом, а вот куриные бульоны были кстати. Они основательно поддерживали мой слабеющий организм. Раньше я хотел похудеть и вот дождался момента — процесс потери веса шел быстрыми темпами. Правда, в конкретном случае я не знал радоваться мне или же огорчаться. Иван Сергеевич, глядя на меня, говорил:

—Терпите, Семен Владимирович, терпите. Процесс сращивания костей идет. Время не стоит на месте. День уходит за днем. Вы считайте эти самые дни, не пропуская ни одного. Отправной точкой для вас пусть будет момент операции.

—Да, вы правы, мне непременно нужно считать дни, — промычал я. — Это на меня будет действовать успокаивающе. Хотя бы оттого, что этих дней — моего нахождения в перевязанном состоянии будет становиться все меньше и меньше и наступит знаменательный момент, когда шины, наконец, снимут.

—Вот-вот!

Наговориться мне удалось со своим земляком лишь

только в первый день прибытия в больницу. Я не утерпел и тут же при встрече поинтересовался:

—Иван Сергеевич, вы там, в Москве в книжном магазине что-нибудь стоящее приобрели?

—Нет, Семен Владимирович, — ответил он, — хотя все полки заставлены «под завязку». Знаете, при переизданиях русских классиков из книг, я так понимаю, убрали не только букву «ять», но и еще что-то…

—Так вам нужно было тогда съездить в самую главную библиотеку имени Ленина. Есть даже станция метро с ее названием, — сказал я и, заметив заинтересованный взгляд своего собеседника, сообщил ему: — Для этого необходимо было проехаться по известной уже зеленой ветке до станции: «Сретенский бульвар», а затем сделать переход на станцию: «Чистые пруды»… — В этот момент мой земляк очень уж был похож на Тургенева и я не удержался, — бес попутал: — Иван Сергеевич, — сказал я, — ни в коем случае не перепутайте: на станцию «Чистые пруды», другой переход на «Тургеневскую», иначе вы заедите не туда… — и внимательно посмотрел на рослого мужчину. Он опустил глаза, и тут меня позвала медсестра. Она потребовала отправиться с нею в кабинет хирурга.

То, что наша встреча в Москве была мимолетной, ничего не значило, здесь в больнице мы почувствовали себя как добрые старые знакомые. Я смотрел на Ивана Сергеевича, земляка, отчего-то очень похожего на своего наставника писателя Тургенева и ждал момента, когда он вдруг улыбнувшись, откроется мне:

—Семен Владимирович, неужели вы меня не признаете? Это же я, автор известного вам «Дворянского гнезда» и многих других книг, которые вы читали в детстве, изучали в школе и любили в юности. Посмотрите

на меня внимательно? Неужели не узнаете? — Но ничего подобного не случалось, и я был вынужден принимать Ивана Сергеевича за того, кем он себя выдавал — моего земляка. Даже мои внезапные энергетические порывы ничего не давали, вспыхнувшие глаза, точнее глаз моего соседа неожиданно гас. Он опускал голову вниз и торопился укрыться, спрятаться от меня — уходил в процедурную комнату или же еще куда-нибудь, чтобы только не оставаться со мной наедине.

—Хоть бы бороду сбрил, мне бы было легче воспринимать его как земляка, а не известного миру писателя, — шептал я сам себе.

Шли дни. Иван Сергеевич, для того чтобы время лечения в больнице бежало быстрее, рассказывал мне истории, привезенные из своих поездок. Картины проступали из марева, пелены и я их делал для себя контрастными и зримыми.

—Дым, дым, дым! — он застилает мое сознание, — промычал я земляку и он утвердительно кивнул мне головой.

—Терпите, Семен Владимирович, терпите, — сказал однажды человек похожий на Тургенева и побежал выписываться из больницы, при этом крепко пожал мне на прощание руку. И тут же следом за Иваном Сергеевичем стали готовить к выписке и меня. Долго держать здесь никто никого не собирался. Восемь дней и шуруй, хоть на улицу.

За время нахождения в одной и другой больницах мне искололи известную часть туловища чуть ниже спины во избежание заражения организма, так как воспалительный процесс не прекращался, напичкали таблетками, сделали рентген головы, затем челюстно-лицевой части,

проконсультировали, как себя вести и когда можно снять шины, дали выписки и отправили восвояси.

За мной приехал сын Людмилы на своей «семерке» и отвез меня в Дятиново. Мне в коей мере представилась возможность день-два погостить у родственников.

Находясь в Дятиново, я отправил факсом выписку из больницы в ГИБДД Брянска, для рассмотрения своего дела о дорожно-транспортном происшествии. Затем я осмотрел свою «Ласточку» — она стояла в гараже по месту работы сына Людмилы, Александра, а еще съездил с ним на железнодорожный вокзал за билетом. Жена собиралась приехать вместе с дочерью и ее новым спутником Юрием Александровичем на автомобиле и забрать меня, но я отказался, не хотел их «напрягать» — они все работали, а еще погода была неустойчивой: морозы сменялись оттепелями. Меня вполне устраивал комфортабельный поезд: Брест—Москва.

Проводить меня на поезд вызвался муж моей родственницы Борис Иванович.

Состав стоял две минуты, и я чуть было не остался. Заскочил в последний момент в вагон, а Борис Иванович забросил в него сумку, махнул мне рукой и я отправился в Москву.

За время посадки я ощутил неудобство: моя челюсть остро реагировала на холод, после определил, что и на тепло тоже.

У меня в вагоне взяли билет проверили его и выдали белье, которое я тут же использовал, застелив полку, улегся. Мне, пришлось долго отогреваться, прежде чем моя челюсть успокоилась, скоро я заснул, не замечая остановок за окном вагона и суеты, заходивших и покидающих вагон пассажиров — моя станция была

конечной, беспокоиться не было нужды.

Поезд прибыл в столицу в середине дня. Меня на перроне встретил Юрий Александрович. Он по поручению дочери приехал на Белорусский вокзал, нашел мой поезд и вагон. У меня вещей было немного — одна сумка, но друг дочери настоял на том, чтобы я отдал ее ему и повел к припаркованному на соседней улице автомобилю. «Мазда» стояла в запретной зоне, и оттого Юрий Александрович торопился. Я после долгого лежания в больницах едва поспевал за ним.

Наконец мы забрались в машину, Юрий Александрович взялся за руль и я тут же успокоился. По дороге домой он принялся рассказывать о себе. Парень учился в институте, получал второе образование — экономическое, а еще подрабатывал в одной фирме, занимавшейся установкой кондиционеров.

—Знаете, Семен Владимирович, все было хорошо, но случилась беда. Мой директор разбился на автомобиле. Его мать Наталья Алексеевна просит меня взять руководство фирмой на себя. Я ведь у Алексея Григорьевича был доверенным лицом. Не знаю, что и делать. Мне же учиться нужно, я еще только три курса окончил.

В беседе с Юрием Александровичем промелькнуло имя директора фирмы. Оно совпадало с именем моего подопечного, я обратил на это внимание, желал расспросить у друга дочери, но что-то помешало: мысль мелькнула и ушла, мы подъехали к дому.

Юрий Александрович не стал подниматься со мной в квартиру, подождал, когда я выйду из машины, попрощался и уехал. Друг дочери торопился на работу, нужно было вместе с Натальей Алексеевной матерью,

погибшего бизнесмена, разбираться в бумагах, «да и в институт не мешало заглянуть: защитить очередную «лабораторку», — сказал парень. Я пожал ему руку, и мы расстались.

Дома, едва я разделся, и едва прошел в комнату, зазвонил телефон. На связи была Светлана — жена.

—Привет. У меня тут перерыв. Ты дома? Как добрался? Тебя встретил Юрий Александрович?

—Да, встретил. Уже, дома! Все хорошо! — ответил я. — Правда, ему пришлось минут двадцать ожидать поезд. Неудачно подсчитали прибытие. Ошиблись, оттого он даже не зашел, сразу же уехал. Вот так!

—Ну, ладно! Я там приготовила тебе покушать супчик, не знаю, хорош он или нет? Наверное, нужно блендер покупать. Давай, пока, до вечера. Приеду, пораньше, тогда и поговорим.

Мне тяжело было говорить сквозь зубы. Необходима была некоторая подготовка. Иногда получалось внятно, например, после полоскания рта и плохо, если от меня требовали ответа во время еды или же по окончанию трапезы, без профилактических действий. Еще, со связанными зубами, мне приходилось зевать, кашлять, чихать. Это делать было нелегко. Я придерживал челюсти рукой из-за боязни, что резкие неконтролируемые движения могут причинить мне боль, да и не только — усугубить мое положение. Нужно было приспособиться. Одно было хорошо, — здесь я был у себя дома. Вспоминая земляка Ивана Сергеевича, я считал дни и рисовал в голове день снятия шин.

Я, бросил в угол прихожей вещи, огляделся, дома не был около трех недель, а казалось вечность. Немного побродив по комнатам, я отправился на кухню, поел и

затем только запустил компьютер: мелькнула мысль выйти в Интернет и отправить сообщение Ивану Сергеевичу, что если мне все это приснилось.

Для выяснения было достаточно минуты. То, что было, было, иначе бы не соединился со своим работодателем, если быть точным — коллегой. Он, правда, тут же предложил мне воспользоваться «аськой» — программой, работающей по схеме: вопрос — ответ, так как электронная почта требовала большего времени. Я не преминул откликнуться и отправил ему свой номер. Мы пообщались минут десять в «аське», — необходимости особой не было. У нас была возможность обращаться друг к другу напрямую. Иван Сергеевич дал мне наставления на будущее. Я должен был обязательно побывать в своей «Останкинской башне». Для этого мне необходимо было освоить новый маршрут иначе по прошествии какого-то времени «астральная тропа» не определившись, станет не доступной и тогда придется добираться до своей башни через Брянск или же Дятиново, то есть те «точки», которые однажды я обозначил.

—Тебе не следует пасовать. Ложись на диван или в постель, закрой глаза, расслабься, мышцы должны быть не напряжены и представь одного из своих героев, затем, делаешь мысленный рывок, — движение началось. Управлять собою, ты знаешь, как, не раз перемещался. — Я тут же внял его словам и посетил свою «Останкинскую» башню. Лифт быстро поднял меня на высоту. Неторопливо, я обошел по кругу «свое седьмое небо» — рабочий «кабинет», вглядываясь в дымку горизонта, услышал голос Ивана Сергеевича. Мой наставник приглашал меня посетить его апартаменты. Я тут же забрался в лифт, но прежде чем покинуть свою резиденцию навестил Тимура

Аркадиевича и Ирину Павловну Гадаевых, затем Алексея Григорьевича Коколева и Оксану Игоревну Козырь. У девушки из кармана куртки выглядывал уголок конверта. Парень и девушка находились в состоянии покоя. Я не стал их беспокоить, развернулся подобно солдату на месте и отправился навстречу в усадьбу Ивана Сергеевича.

Дорога мне была неизвестна, хотя раньше, в молодости я бывал в усадьбе и не раз: ездил вместе с экскурсиями на туристических комфортабельных венгерских автобусах «Икарус». Но то время давно прошло, а сейчас, оглядывая просторы, я ничего не узнавал, будто смотрел глазами Ивана Сергеевича. Природа была другой. Деревья, кусты, травы меняли облик местности, а значит и восприятия поместья. На лицо были отличия, так как еще в начале двадцатого века многие постройки семьи писателя основательно пострадали от пожара или же выгорели совсем, отрадно сознавать то, что большое количество вещей, принадлежащих знатной фамилии, было вывезено и оттого только и сохранилось. Правда, из-за конструктивных неточностей при воссоздании памятника пусть и незначительных при наложении, сохранившегося в голове «слайда», и той картинки, которую я в настоящее время лицезрел, наблюдался некоторый диссонанс.

Я неторопливо прошелся по липовой аллее приблизился к оригинальному изогнутому зданию с резными узорчатыми верандами, крылечками, обвитыми плющом с маленькими окошками мезонина и анфиладой комнат, пытаясь снаружи заглянуть в их внутреннее убранство. Весь облик дома воздействовал на меня, помогая проникнуться духом старого времени. Для этого мне достаточно было находиться рядом. Я стоял и чего-то ждал, не понимая возникшей задержки. До меня дошло,

когда откуда-то со стороны вышел мой коллега Иван Сергеевич в одежде охотника с ружьем за плечом.

—Здравствуйте Семен Владимирович, — поприветствовал меня мой наставник. — А я вот на охоте был, прошелся немного с ружьишком в окрестностях речки Исты... — Понятное дело, у Ивана Сергеевича многое из написанного работало само по себе, правда, необходимо было это написанное проверять. Я думаю, он и на Жиздре успел побывать, бросил взгляд на Бежин луг, посетив деревенских ребят в ночном, прикорнул где-нибудь в укромном месте в лесу и подслушал разговор влюбленной крестьянки и зазнавшегося приказчика, да и еще многое сделал. Такая расторопность Тургенева была вызвана тем, что у него все было запущено и работало, одно сочинение не мешало другому: персонажи не перекрещивались, да и территориально действия развивались бес препятствий. Чего не могло быть у меня. Я вправе был запустить что-то одно, для того чтобы запустить другое свое сочинение, мне необходимо было остановить работавшее. Это было связано с временными нестыковками, да и с тем, что одни и те же персонажи у меня участвовали во многих произведениях. Я, усевшись за написание новой книги, порой даже имена не менял, оставлял прежние, лишь дополняя их характеры и насыщая свои вещи новыми событиями. Мои герои, что те самоцветы блистали всеми цветами радуги. На них было, выражаясь словами матери, любо дорого посмотреть.

—Заходите, заходите, — сказал мой наставник и жестом руки показал на дверь. Я неторопливо вошел вовнутрь. Писатель следом, тут же в прихожей переодевшись, он по-хозяйски принялся знакомить меня с обстановкой комнат в которой не последнее место занимала мебель, являющая

собой лучшие образцы работы русских и иностранных мастеров восемнадцатого — первой половины девятнадцатого веков. Некоторые из ее экземпляров, как я заметил, являлись редчайшими произведениями прикладного искусства, выполненного в стиле «Ампир», и удивили меня скромностью и изяществом линий. Солнце, заглядывающее в пространство комнат, наполняло их светом и теплом красного дерева и карельской березы, из которой были изготовлены все эти шедевры. Что еще — было ощущение домашнего уюта, возможно, по причине мерно тикающих старинных английских часов.

—Они не простые, — заметив мое любопытство, сказал Иван Сергеевич. — Каждые полчаса тишина нарушается мелодичным звоном. — Мы прошли в гостиную. На своем прежнем месте стоял огромный уютный диван из кожи, так называемый «самосон», столь любимый писателем. В рабочем кабинете я увидел письменный стол, за которым рождались его лучшие произведения. Именно в русской деревне Иван Сергеевич испытывал особенный творческий подъём и вдохновение.

—Здесь воздух как будто полон мыслей. Они, мысли сами напрашиваются, лезут в голову, — произнес мой наставник, дав мне понять, как ему дороги здешние места, эта усадьба и я, пользуясь своими способностями, тут же представил отцовский дом и — отвлекся.

—Семен Владимирович вы где? — спросил писатель и, не дождавшись от меня ответа, продолжил: — Понятно, находитесь у матушки. Она часто стоит у икон, молится за вас. Благое дело!

Я очнулся, пришел в себя и Иван Сергеевич принялся знакомить меня со своим домом, ничего не утаивая. Он нараспашку открывал одну дверь за другой, мимоходом

даже персонажей показал, людей простых и не привередливых, правда, в одну из комнат зайти не позволил, лишь дал заглянуть:

—Здесь, его величество почивает, — приложив палец к губам, чтобы я не зашумел, сказал он и на цыпочках отошел.

Я, подобно своему коллеге осторожно, ступая, отправился за ним следом. — Не помню, отчего у меня задержался этот народец? — продолжил свою речь писатель, — но что важно, — он поднял вверх указательный палец, — император вынуждает меня приводить к ним то одного, то другого человечка для всяких там разговоров. И я угождаю. А еще мне приходиться подсовывать им своих героев — крестьян. Очень они любят говорить с болотным человеком — Хорем, с грамотным Калинычем, да и другие, например, Овсянников у них пользуются спросом. Любит их величество обсуждать проблемы с лесником по прозвищу Бирюк. «Больше бы таких людей, — говорит Государь, — Россия бы процветала». Иногда и помещики идут вход. Им, его величеству очень скучно: жена и дети маются, их всех необходимо собрать чтобы отправить в рай, но не получается: грехи покоя не дают. Они хотят понять свою неправоту, отчего им пришлось вдруг отказаться от власти, — низложить с себя корону. Есть ли их вина в развале страны. — Иван Сергеевич, сочувственно вздохнул. Я, при этом подумал, неплохо было бы его отправить к Федору Михайловичу, там у него собирается соответствующая компания из политических деятелей. Он привечает и злодеев и мучеников, людей простых и знатных. Он мог бы, занявшись императором, после на праведный суд к ответу поставить и Губачева — бывшего

секретаря коммунистической партии Советского союза, как говаривал один мой знаковый: «взять его за яй…».

Мы обошли весь дом, и, снова оказавшись возле дивана, остановились. Хозяин тут же предложил присесть, после того как я начал устраиваться, расположился и сам, но не рядом, а таким образом, чтобы меня всего лицезреть. Между нами мог сесть человек, да и за мной было предостаточно места. Я заметил, что Иван Сергеевич желает со мной продолжить разговор. Настроился соответственно, как вдруг до моих ушей донесся еле заметный храп. Это было так неожиданно, что я даже подскочил:

—Что такое? — спросил я у Ивана Сергеевича. Он ухмыльнулся и, усаживая меня снова на диван «самосон», сказал:

— Думаю, граф Лев Николаевич зачитался. Я ему однажды вот здесь на диване, который сам сон навевает, дал свою новую книгу, попросил немного прочитать и высказать замечания, а он просто заснул, представляете… — Я стал снова присаживаться, но раздался голос графа: — Ничего страшного в этом нет, ну, устал я, за то меня простите …. Нет бы, посадил меня на обычный диван или «не спи батенька, не спи» тогда другое дело. Такую бы рецензию выдал, — и захохотал, удаляясь восвояси.

Не сразу Иван Сергеевич начал разговор. Он выждал для приличия некоторое время и, удостоверившись, что нам никто уже не может помешать открыл рот:

—Семен Владимирович, что я вам скажу: принципиальное многообразие человеческих типов, впервые выделенных писателями нашего века, свидетельствует о бесконечной ценности всякой неповторимой и свободной человеческой личности. Даже

крепостной порядок, имевший когда-то у нас в империи место, не умолял достоинств души, хотя и представал зловещей мертвой силой, чуждой природной гармонии. Душа сохранилась, и любовь сохранилась, — немного помолчал, почесал свою бороду и неторопливо продолжил: — Я открыл для себя Россию и русского человека, положив начало «крестьянской теме» в отечественной словесности. «Записки охотника», вышедшие из-под моего пера… — ну вот выдал себя, — всплеснул руками Иван Сергеевич, отчего мне тут же пришлось отреагировать и сообщить ему, что я знаю, кто он такой и секрета тут нет, после чего Тургенев продолжил: — стали для меня смысловым фундаментом всего дальнейшего творчества. В отличие от Федора Михайловича Достоевского я занят исследованием феномена «лишнего человека», претендующего, ну если только на минимум удобств, так вот у него нет желания возвыситься над людьми, стать сверхчеловеком или же Богом. Мой «лишний человек» не экспериментирует со своей жизнью, — тут же продолжил Иван Сергеевич, — готов прожить ее всю без остатка, чтобы слиться с природой. Это ведь о чем-то говорит?

—Да, Иван Сергеевич, о многом! Но современный человек уже не таков. Он, хотя и ищет уединения, забивается, словно в угол, в глухом месте для ощущения края, границы — дальше некуда, но в желании слиться с природой, противопоставляет себя ей, противопоставляет себя случайно оказавшемуся рядом такому же горемыке —другому человеку. По телевидению мелькают картинки известной в прошлом певицы, убежавшей от мира сего, одного миллионера, живущего на природе с семьей и прославляющего уединение, есть и еще отдельные личности, но и что из того? Этот, например, миллионер,

что тот петух забияка. Готов всех заклевать. Для чего он живет? — задал я вопрос и ответил: — Чтобы жалеть себя. Одно для него утешение — еда натуральная, холод, жара — натуральные, порой мелькнет мысль, что и жизнь натуральная, но так ли это? Нет и нет! Мы уже не натуральные, нами движут, раньше бы сказали, — страсти, но это не страсти — условия игры, которую однажды кто-то когда-то написал свыше. И я не знаю, на каком языке программирования она создана, но это точно не бейсик, не паскаль.... Игра нам эта я бы сказал, навязана, неизвестно с какой целью и зачем. Жизнь проходит мимо нас и в огромном мегаполисе страны и на ее краю, в захолустье — да где угодно, не в этом суть.

—Но не у вас мой коллега, не у вас! — парировал мой собеседник. — Вы любите рассуждать, оттого и полны сил! Для вас этот вот виртуальный мир явился с широко открытыми воротами. Что, скажете, разве это не так?

—Да, так, согласен, я полон сил, но что-то все-таки сделал не так. Зачем Бог послал мне испытание, я ведь мог и погибнуть, — сказал и вздрогнул: этот вопрос больше бы подошел Федору Михайловичу Достоевскому — человеку изначально религиозному, а не нигилисту. Хотя Тургенев тот человек, у которого я узнал о второй ступени существования, к тому же он мой наставник. И мне не предстало спрашивать у людей, не посвященных в произошедшее со мной и моими близкими людьми событие — аварию. Это было бы просто не этично.

На минуту не более Иван Сергеевич задумался, — песок между пальцами не сыпался, — время остановилось, затем я услышал характерное его шуршание и время снова пошло.

—На каждого человека у Создателя есть свой план, —

сказал мой наставник. — Вы же неслучайно забрались в Интернет и начали искать работу. Понятное дело: во что бы то ни стало, желали помочь матери, а людям вы согласны помочь?

—Конечно, согласен, да и пытаюсь, — я помолчал, а затем продолжил: — Да и помогаю, хотя бы тем, что как могу, лезу из кожи, чтобы осмыслить наше существование, но кто меня читает…

—Будут читать Семен Владимирович, будут. Всему свое время! У вас наблюдается конфликт художника с душащей его обыденностью. После резкого интеллектуального подъема — это восьмидесятые годы двадцатого столетия — в стране произошел духовный спад. Я думаю, что все это вызвано временным обнищанием души, погнавшейся за материальными благами. Пройдет! Должно, пройти! Не зря это поняли американские Интернет-миллиардеры, такие как Марк Цукерберг, Билл Гейтс, Карл Икан и другие — это у меня сведения от Стива Джобса, он здесь на нашем уровне. Они свои лишние деньги, хотя деньги никогда не бывают таковыми, отдали на благотворительность. Обжорам, проедалам деньги не нужны. Только людям ищущим. Реализаторам идей. Здесь это понимают. Необходимо время чтобы поняли это и у нас в России. Для этого не дни и не месяцы — годы нужны.

Что-то резко треснуло, — это было похоже на разряд конденсаторов, изображение исчезло, затем у меня заложило уши. Наступила тишина, я внезапно переместился из иллюзорного мира второй ступени и оказался у себя в квартире, — пришла жена.

Четко тикали секунды, слагаясь в минуты на больших часах «Мирон», находящихся напротив. Они висели на стене, я смотрел на них и не видел, только слышал их

поступь — шаг. До меня доносился шум открывающейся двери, затем дверь захлопнулась, послышался поворот ключа в замочной скважине. Жена сняла верхнюю одежду, обувь, ткнула ноги в домашние тапочки, прошла в ванную комнату, и принялась мыть руки, — до меня донесся шум воды. Шум прекратился, — она отключила воду, затем я услышал ее шаги все ближе и ближе.

—Ну, где ты? — спросила жена. — В спальне?

—Да, в спальне, — ответил я и поднялся с кровати, до этого лежал на покрывале, для удобства, подложив под голову подушки.

—Дай я на тебя посмотрю! — сказала жена.

—Ну, посмотри! — я поднялся во весь рост. После чего она взяла мое лицо руками и принялась крутить его то в одну, то в другую сторону, давая возможность свету, льющемуся из окна напротив высветить мои впалые щеки.

—Ну, ничего, конечно еще заметно: опухоль на одной из щек не до конца спала, но ты уже значительно лучше выглядишь, не то, что там, в больнице. Я столько натерпелась. О чем только не передумала, — она на время замолчала. — Ты, покушал? — вдруг спросила жена и тут же получила мой ответ:

—Да! — затем она сказала мне, чтобы я отдыхал, а сама отправилась на кухню, объяснив:

—Я голодная, как собака, целый день бегала по этажам, — в школе их было три — из учительской, то в один класс, то в другой…. — Жена ушла, и с кухни я услышал характерные звуки посуды, а затем ее голос:

—Сеня, да ты же почти ничего не ел, так нельзя, — последовало молчание и затем снова слова: — Я поем и с Еленой Прекрасной поеду в магазин, с минуты на минуту, дочь должна подъехать. Мы тебе купим блендор. У них

есть. Аппарат что надо. Она довольна. Буду тебе супы делать нужной консистенции, иначе ты не наберешь вес. Усиленное питание вот, что для тебя необходимо. — Я согласился, выдавив из себя: — Угу. — Меня клонило в сон, и оттого застать момент прихода Елены Прекрасной и отъезд близких мне людей из дому не удалось: находился далеко. Иван Сергеевич, он овладел моим вниманием. Правда, ни сразу. Первые его слова были очень тихи, и я вначале не обратил на них внимания:

—Семен Владимирович, — чуть по громче: — Семен Владимирович, — затем уже громко: — Семен Владимирович, вы что, снова отвлеклись: я вас не вижу, да и голос ваш не звучит. — Я откликнулся, и мой наставник обрадовано провозгласил: — Ну, вот другое дело: не пугайте меня так батенька, помолчал и продолжил: Хорошо, что я вам показал Государя. Мне с ним тяжело, не справиться. Через вас — точнее говоря ваши мысли, за него ухватился Федор Михайлович Достоевский. Представьте, желает заполучить их высочество. Оно и понятно. У него претензий к царствовавшим особам предостаточно. Правда, это царь, да не тот. Ну, да ладно. Так вот, я вначале попирался, хотел, было, не отдавать императора, за то, что он меня выставил в одной из своих книг с неприятным названием «Бесы», но затем сдался. Зачем мне Государь, что с ним делать? Да и еще у меня нет особого желания сопровождать когда-то сидевшую на троне особу к нему в усадьбу, буду вам обязанным, если вы Семен Владимирович выручите меня. Федор Михайлович будет рад снова вас видеть. — Я сопротивляться не стал. После того момента, когда я заглянул в комнатку Государя, где-то глубоко в голове у меня созрело решение встретиться с классиком снова и попросить его допустить

мою персону присутствовать в предстоящем невероятном событии — встрече видных людей из разных временных континуумов. Меня устроило бы если и не само участие в этом действе, то хотя бы возможность быть свидетелем. Баталии должны были разгореться не шуточные.

Тургенев попросил меня подождать и принялся собираться. Скоро, он предстал предо мной экипированным под охотника. На плече у него висело ружье — раритетная двустволка. Для дичи он взял ягдаш. За спиной стояла тень царствовавшей особы. Она то слегка меркла, то приобретала четкость изображения, и тогда можно было различить мельчайшие детали одежды Государя. На нем был военный мундир двубортный, шитый в талию и с цветным кантом по краям, панталоны, высокие сапоги, а еще я заметил орден святого Георгия четвертой степени.

—Ну, вот, я и готов, то есть мы готовы, идемте, — сказал мой коллега и направился к двери, я следом. Едва мы вышли из дому, как тут же в ноги писателя бросилась собака и, улыбаясь, стала юлить вокруг хозяина. Он потрепал псину за ушами, и сказал, обращаясь ко мне:

—Это Миловидка. Я ее генерировал по впечатлениям из детства. Она была любимицей отца, а вот теперь и моя.

—А отчего я не видел ее раньше? — задал я вопрос Ивану Сергеевичу.

—Да все просто. Миловидка то возникает, то исчезает. Это зависит от моей энергии, — ее потенциала.

—Все понятно, — сказал я и пошел вдоль липовой аллеи. Нам не нужны были торные дороги: устраивали еле видимые тропинки. Иван Сергеевич хорошо знал местность. Не один год бороздил просторы орловской земли, да и не только захватывал и другие области:

калужскую, тульскую, брянскую, но это сейчас, после того, когда Брянск разросся. А раньше не было такой области. Даже Щурово однажды было под юрисдикцией города Орла. Вот, что, подумал я, возможно, это обстоятельство и позволило этому Ивану Сергеевичу, предстать передо мной тем Иваном Сергеевичем — земляком. Я уже хотел спросить у него, но мой наставник быстро оторвался от меня и уверено повел меня прочь от усадьбы. Мы довольно быстро вышли к окрестностям небольшой реки Исты, затем спустились с кручи и пошли по мокрому желтому песку в направлении ключа, известного под названием малиновой воды. Ключ этот бил из расселины берега, мало-помалу превратившись в овраг. Мы добрались до ключа, огляделись. У залива образованного впадением ручья в реку сидели два мужика, один удил рыбу, другой держал на коленях горшок с червями. Иван Сергеевич поздоровался с ними, я следом, слегка качнув головой. Мужики вели себя достойно, сняли шапки, склонив на время головы, и снова их надели. Государь находился в тени за нашими спинами и оттого мужикам был не виден. Я, окинув их взглядом, подумал: ну и что, что простые люди, вряд ли они пресмыкались бы, даже перед царственной особой. Меня, будто разгадав мои мысли, тут же поддержал писатель:

—Степушка, тот, что в руках держит горшок, никогда ничего ни у кого не просил. У него гордая душа. Да и Туман, так зовут другого, себя в обиду не даст… — У нас за спинами послышался шум: кто-то спускался к ручью. Не оглядываясь, писатель сказал:

—Это мужик Влас, тоже один из моих знакомых. Пошли. Не будем останавливаться, а то придется с ними разговаривать. Мы потеряем время. Нам, как знаете

нужно торопиться. Федор Михайлович уже нас заждался, — и мы двинулись вперед. За нашими спинами начался разговор, — персонажи Ивана Сергеевича принялись расспрашивать Власа о походе в Москву, о его тяжелом бытии: смерти сына, неуплаченном помещику оброке, о его жене от голода свистящей в кулак. Тем у них хватало. Я понимал, у Ивана Сергеевича после передачи Государя Федору Михайловичу, возможно, отпадет желание держать мужиков у себя, и их судьбы могут измениться: мужиков ждет Рай, их души воспарят и покинут вторую ступень существования.

Мы продвигались быстро. Собака еле поспевала за нами. А вот Государь тот скользил без напряжения — легко.

Иван Сергеевич отделавшись от одного вопроса, который я порывался ему задать, все делал для того, чтобы я не способен был тут же сформулировать другой. Наверное, предчувствовал, какую тему я желаю поднять: меня волновал его давний разговор за границей в Баден-Бадене с Федором Михайловичем, о роли русского писателя по отношению к родине, Достоевский тогда сильно зацепил за живое Ивана Сергеевича. Ох, как сильно!

Наконец настал подходящий момент, и я уже было открыл рот, но тут под ногами у меня мелькнула тень собаки, — она перебила мои мысли, затем я услышал голос Тургенева:

—Семен Владимирович, поднимите глаза немного выше и левее, видите там, он показал рукой, еле заметные линии… — Они — эти линии приведут вас к Федору Михайловичу. Я чувствую перед ним вину, а потом не нужен мне его телескоп, — мой наставник помолчал,

затем я снова услышал его голос: — хотя принесите. Да, а Федору Михайловичу тогда передайте от меня тоже подарок, — он снял с плеча ружье и бросил его мне. Я поймал оружие. Оно было, что та пушинка. Иван Сергеевич усмехнулся, подошел к Государю и натянул ему на голову мешок, чем вызвал у меня неподдельное удивление, тут же помявшись, он объяснил: — Семен Владимирович, не нужно вам смотреть в глаза Государя. Хотя его и причислили к разряду святых мучеников. Их мучеников предостаточно. Особенно на тот период времени. Он, я бы сказал, без преувеличения был всего лишь их предводителем, — помолчал и отрезал: — Не смотрите.... Да и еще, не в службу, а в дружбу скажите Достоевскому от меня, что много-много лет, я имею счастье жить в России, дышать ее воздухом. Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу. — Наступила тишина. Говорят, что тишина — это пространство незаполненное звуками, хотя, находясь в нем, человек сам его населяет множеством звенящих цикад в темноте — ночью или же стрекочущих кузнечиков на солнце —днем, в знойном воздухе. Тишина заставляет человека заснуть или же отключиться — потерять сознание. Я ушел в небытие — далеко-далеко. И это произошло незаметно, то есть помимо моей воли.

Да здравствует небытие!

Глава 14

Ощущение бытия вернулось ко мне после прихода жены и дочери Елены Прекрасной из магазинов. Они шумно переговаривались, разувшись в прихожей, отправились в ванную комнату, затем после мытья рук на кухню. Все пространство вокруг них было наполнено, словами восторга — их обуяла эйфория от удачно сделанных покупок. Жена приобрела себе итальянские сапоги. Они хорошо сидели у нее на ноге, плотно облегали икры. Что еще было приятно сознавать: мои близкие не забыли и про меня: купили блендор и теперь проблемы с принятием пищи должны были исчезнуть. Для того чтобы удостовериться в том, жена тут же принялась готовить обед.

Я поднялся с постели и прошел на кухню, поприветствовал дочь, а затем, устроившись на диване, сквозь зубы сказал:

—Познакомился я тут с твоим Юрием Александровичем. Он немного рассказал мне о себе. Чем твой молодой человек отличается от других, — мне хотелось сказать от твоего бывшего мужа, но я не сказал — внимательностью. Что бы я хотел еще отметить, — эта его внимательность распространяется не только на тебя, но и на людей, находящихся с ним рядом, на себе ощутил, — помолчал, затем продолжил: — если ошибаюсь, то на людей близких тебе. Первое — лучше. Лучше оттого, что в случае ухудшения отношений с тобой он не измениться к другим, например, ко мне и твоей маме, будет оставаться деликатным.

—Мне приятно сознавать, что Юрий тебе понравился,

— тут же ответила дочь. — То поведение, которое его характеризует, одинаково для всего нашего окружения, ну а для меня в отличие от друзей и чужих людей он более мягок и ласков и всего лишь. Мне этого достаточно. — Я вспомнил, что первый ее парень — она вместе с ним училась в школе, был хорош в отношениях с нами мной и женой, но несдержанным и оттого грубым с дочерью. Не знаю, кто из них был провокатором и создавал частые конфликтные ситуации, но ругались они подолгу. Елена Прекрасная отвечала, не подбирая слов: «Ты, дурак, балбес, или, как сейчас говорят лох, ничего не понимаешь и не поймешь…» — затем, схватив воздух ртом долго перечисляла его другие в кавычках достоинства. Мне и жене это не нравилось, мы не раз обращались к дочери, пытались ее урезонить. «Это все несерьезно!» — говорила она в ответ. Правда, нет-нет и соглашалась с нами, предпринимала определенные шаги для изменения, сложившегося положения в молодой неокрепшей семье, но толку не было. Разрыв произошел подобно обвалу, правда, не для нас: я и жена долгое время находились в неведении, Елена Прекрасная от нас все скрывала, да и не только она, но и ее молодой супруг. Он, в последствии, явился инициатором рассказать нам всю правду. Произошло это в тот злосчастный день. Я находился в дороге. Муж дочери позвонил на наш городской телефон и спросил у жены: «Тетя Света, — так он ее называл, —Елена Прекрасная звонила вам, что-нибудь сообщала?» — «Да нет, ничего!», — ответила она. Зять бросил трубку, затем позвонила дочь и во всем созналась: «Мы уже вместе с … не живем, разбежались! Вот так!». Далее шла тишина и длилась ни одну минуту, затем дочь бросила трубку, послышались короткие гудки: «пи-пи-пи…» —

словно сердце остановилось. Это со слов жены.

Елена Прекрасная долго выходила из этого состояния: «пи-пи-пи». Юрий Александрович вернул ее к жизни. Правда, вдаваться в подробности развода я не имел права, мне о том в завуалированной форме сообщила дочь:

—Мы, папа с тобой «битые». Ты попал в ДТП, а я тоже «хлебнула из котла жизни» кущенья, другим такого не пожелаешь. Давай на время обо всем забудем, пока не зарубцуются раны. — Я тут же кивнул головой, согласился, а что мне оставалось делать: челюсти завязаны. Процесс воспаления длился. Опухоль не спала. Хирург брянской больницы, выписывая меня, успокоил: «Через месяц, полтора шины можно снять. Правда, это не все — полгода на организм не следует давать полную нагрузку, необходим щадящий режим. Я, думаю, момент полного выздоровления вы почувствуете нутром». Трудно сказать, когда момент полного выздоровления могла ощутить Елена Прекрасная. Должен был пройти ни один месяц, а может и не один год.... — жизнь покажет.

Жена, достала из холодильника кастрюлю с супом и подогрела его на плите, затем разлила по тарелкам себе и дочери. Для меня она суп специально измельчила только что купленным устройством — блендером в большом стакане.

—Ну, вот первое для тебя готово, — сказала Светлана Петровна, бегая глазами по сушилке с посудой. — Я думаю, из пиалы удобно тебе будет кушать? Или же налить во что-то другое ....

—Удобно! — ответил я. — Удобно! — И, оставив диван, уселся за стол.

Для того чтобы не раздражать близких мне людей странными звуками я свои сосания совмещал со стуками

ложек о тарелки. Первое легко без проблем улеглось в желудке. Я, остался доволен. Второе блюдо жена слегка разбавила водой и тоже взбила. Оно ни чем не отличалось от супа. За все последнее время я нормально поел.

Дочь уехала, пожелав мне скорейшего выздоровления. Я и жена остались одни. Через час-другой пошли спать. Укладываясь в постель, я отчего-то вспомнил солдатскую поговорку: «солдат спит, служба идет», и очень-очень захотел лечь и проснуться здоровым, но до полного выздоровления было еще далеко.

Утром, в шесть часов после звонка будильника жена встала и принялась собираться на работу. Я следом за нею дернулся, голову поднял, но остановился, а мне ведь хотелось, как ни в чем не бывало подхватиться, позавтракать и сесть за компьютер, оставалась недописанной книга, но, ощупав кончиками пальцев опухшее лицо, и осознав свое положение, повернулся на другую сторону, попытался снова заснуть. Лежал часов до десяти, ворочался. Порой, на время впадал в забытье. В ушах слышался шум, отдельные фразы: «Ну, где же вы Семен Владимирович. Я вас с нетерпением жду. Мне важно….». — Я открывал глаза, затем они сами собой закрывались. Проходило время, и снова голос Федора Михайловича Достоевского требовал: «Мне необходим разговор с Государем, как вы это не поймете». — Недолгая тишина и пространство вновь заполнялось каким-то непонятным шумом и так происходило до тех пор, пока я окончательно не отрешился ото сна, не поднялся. Возможности продлить сон до момента выздоровления не было. Слова: «солдат спит, служба идет», подходили, но не для меня, а призванных в армию, хотя и теребили душу. Я умылся и отправился на кухню. Для меня была

приготовлена каша — «овсянка для питья». Я поглотил ее и принялся готовить обед. Жена приходила с работы поздно вечером, и мне никто не мешал экспериментировать. Больничная еда была безвкусной из-за недостатка в ней приправ, и у меня развилось желание поглощать все острое, наверное, оттого я бросал под шустрые ножи блендора в готовящийся суп или второе блюдо соленые огурцы, маринованные грибы, даже селедку, а порой и то и другое вместе, понемногу. Что еще? На кухне у меня на первом месте была кипяченая вода. Я ее чайниками сливал в графин. В ней была необходимость, шла на ура-а-а. Для того чтобы добиться нужной консистенции при приготовлении пищи мне приходилось щедро пользоваться графином и подливать воду во вторые блюда, а порой и в первые. Работа блендора убирала разницу между ними. Вкус, благодаря новому кухонному устройству усреднялся, лишь только коктейли были понятны и что-то значили, оказавшись во рту. Их, спутать ни с чем нельзя было, — это успокаивало. Для полоскания, а их следовало делать часто, я использовал воду с содой, еще чистил зубы порошками и пастами. Но, наверное, не так усердно — избежать в будущем стоматита мне не удалось.

Время шло неторопливо. Я считал дни, складывал их и приближал тот момент, когда выйду из дома и отправлюсь в поликлинику, затем мне, наконец-то разомкнут челюсти. О-о-о, что это будет за состояние — не известно. Его еще нужно будет испытать. Жене брата сняли с переломанной руки гипс, и она по телефону долго жаловалась мне:

—Сеня, у меня пальцы плохо работают, трудно что-либо удержать в руке. Порой, думаю, а вдруг это на всю жизнь? — Я успокаивал ее. Она в ответ говорила: — Что для меня

твои слова, ты вон сам мычишь. — Для разговора с матерью мне приходилось готовиться. Были моменты, когда слова вылетали легко, но долго говорить я не стремился — несколько слов и отдавал трубку жене.

Настал день и я отправился с женой в поликлинику, отпустить меня одного она не захотела.

—Вдруг завалишься где-нибудь? Ты же головой ударился, а ни чем-нибудь... — Мне пришлось с нею согласиться. Мы вначале зашли к терапевту, затем к хирургу, тот сказал, что мы не по назначению, следует обратиться в стоматологическую поликлинику. Там, меня тоже «послали»:

—У нас, здесь нет нужного оборудования, — сказал врач, дал адрес платной клиники для того, чтобы я сделал у них снимок и только после его просмотра он брался «открыть» мне рот. Не знаю, как долго бы я мыкался со своими завязанными челюстями, но жена через знакомых нашла специалиста, и я показался ему. Что важно, он имел степень доктора медицинских наук. Мне с ним было легко. Я подробно описал свое настоящее состояние и процесс выздоровления. Затем поспешил сообщить:

—У меня, все еще наблюдается онемение верхней части губы. Воспалительный процесс... — Он не дал мне договорить. — Так, понятно. Нужно еще чтобы прошло время — неделю-две. Я жду вас..., — и врач назвал число.

В назначенный день, я и жена снова отправились к доктору. Добирались мы на городском транспорте: вначале на метро, а затем несколько остановок пешком, так было удобнее.

Он принял быстро, вне очереди. Предложил сесть в стоматологическое кресло. Для снятия шин привлек своего ученика, молодого человека, который тут же

сообщил мне, что процедура неприятная и мне придется потерпеть. Я кивнул головой, и он приступил, возился со мной около часа, больно не было. Закончив процедуру, позвал доктора. Тот долго говорил, что мне необходимо делать и как себя вести. Я запомнил следующие его слова:

—Будьте осторожны во время еды, не делайте резких движений. Челюсти необходимо разрабатывать. Яблоки, да и другую жесткую пищу не есть, иначе лечение все насмарку. — Я слушал и ждал момента, чтобы быстрее вырваться на улицу.

Я вырвался, вначале из кабинета врача, а затем и из поликлиники. Пусть мое состояние еще желало быть лучшим, но мне теперь можно было не сосать пищу подобно младенцу. Я мог кушать. Одно меня смущало: онемение верхней губы до конца не прошло. Я мял ее пальцами и слышал голос доктора: — «Полгода, ни как не меньше потребуется, не меньше». Да, снова мне нужно торопить дни, все делать, чтобы они бежали и бежали нескончаемым потоком, приближая день полного выздоровления. За столом, я понял, что не только процедура снятия шин неприятна, но и насыщения желудка — трудно было просунуть ложку в рот или же кусочек хлеба, да и жевать то, что попало вовнутрь словно «замороженными» зубами не доставляло удовольствия. Наверное, это состояние спровоцировало ночью галлюцинации и я в потоке странно одетых людей: солдат и матросов, шел на штурм Зимнего дворца, затем отбивал нападение солдат, прячущихся за танки, не подпускал их к «Белому дому». Рядом Федор Михайлович кричал: «Та-та-та» и совал мне в руки, словно, огромной разрушительной силы оружие — обычный телескоп: «Отдайте, батенька это Ивану Сергеевичу, непременно

отдайте. В кровавых сполохах металась фигура Государя и Губачева. Последний плакал и говорил: «Я же хотел как лучше, я же хотел как лучше!». В голове мелькнула мысль: мне не следует больше тянуть время и необходимо, во что бы ни стало сопроводить Государя к Федору Михайловичу. Достоевский давно его ждет. У него есть на него планы. Пусть теперь Государь с мешком на голове предстанет на суд бывшего узника, приговоренного к расстрелу.

Глава 15

Темнота была кромешной. Ночь она и есть ночь, даже на второй ступени существования. Удивляться не стоит.

Я достал из кармана сотовый телефон — «раскладушку», открыл его, и он дал мне свет, наполнив пространство мягким фосфоресцирующим сиянием. Я поднял руку и начал движение, не ощущая под ногами тверди — земли.

Держа в руке «трубу» я хмыкнул про себя: мы, славяне, все-таки другие, непохожи на англичан, французов, немцев.... — и нечего нам быть похожими на них, чтобы там не говорил Иван Сергеевич Тургенев. Я бы не смог долго жить в Европе. Не тот у меня менталитет. Они — эти европейцы очень уж свободны. Над ними ни что не довлеет, нет у них желания зависеть, от кого-либо, даже от Бога, его заповедей они готовы отгородиться. Не случайно же у них получили развитие католицизм, протестантство и другие христианские направления религии, более простые и мягкие в повседневной жизни.

В противовес западу, мы славяне православные и в большей массе зависимы, — склонны покланяться не только Богу — всем и всему. Хотя, царское правительство однажды — это было аж в 1861 году, освободило русский народ от крепостной зависимости, но привычки рабства слишком глубоко в нас внедрились, не скоро мы от них отделаемся. Правда, вопрос нужно ли избавляться от зависимости в полной мере? Зависимость от условий бытия, она вечна. Не принимать ее просто даже смешно. Давайте посмеемся над свободной Европой. Ха-ха-ха.

Плохо, конечно, что нам во всем и везде мерещится

барин и этим барином бывает большей частью живой субъект, иногда какое-нибудь направление над нами власть возымеет (например, коммунизм), теперь мы записались в кабалу естественным наукам. Не можем мы без идеи, во всем ищем смысл своего существования. — Это не мои слова. Я перефразировал мысли своего наставника Ивана Сергеевича Тургенева из книги «Дым». В чем-то я с ним согласен, но не во всем, не могу, например, один частный случай приглашения чужестранных князей править Русью, принять в укор нашему народу. На то он и частный случай: лучше взять на царство кого-то из-за моря, чем поставить своего, имеющего огромную родню. Эту родню тогда в то тяжелое время было просто не прокормить.

«Мой наставник» много лет прожил за границей, в Берлине, Дрездене, Баден-Бадене, Париже, Лондоне и в других городах Европы. Он был либералом или «западником» — тяготился славянским менталитетом. Может, неслучайно. Это в его корнях. Род Ивана Сергеевича идет от мурзы Льва Тургена, однажды прибывшего из Золотой Орды в Московию и присягнувшему великому князю Василию Васильевичу. До этого он молился огню и кусту и вдруг стал православным и имя получил христианское — Иван. Так вот, если предок переметнулся в лагерь, где лучше, то почему бы и его отпрыску не сделать «ход конем» — присягнуть Европе. Он был уже на грани сделать этот шаг. И сделал бы, но удержался Иван Сергеевич, вернулся домой. «Записки охотника» взяли над ним верх. Хотя и ругал он «славянофилов», ох, как ругал. Федору Михайловичу Достоевскому от него доставалось и не только ему.

Телефон давал свет, однако ненадолго, в ненужный

момент неожиданно выключался. Для того чтобы снова добиться от него свечения я закрывал аппарат и снова его открыл.

Мое скольжение над землею не нарушалось, размышления тоже: — интересно, — шептал я, — интересно, как бы действовал «западник» Иван Сергеевич Тургенев, имея чудо конца двадцатого века — сотовый телефон?

Вместо ответа меня накрыла темнота, и я вынужден был для освещения пути закрыть, а затем снова открыть телефон.

Что для наставника явилось бы главным в названии? Физическая суть аппарата или простота его транспортировки — мобильность. Каковы были бы его действия вне зоны приема и передачи сигнала? Нет связи, спрятал телефон в карман и пошел дальше или же он со зла забросил бы его в гущу леса? Я наблюдал за одним иностранцем: тот попросту разбил телефон и растоптал его ногами. Мне была понятна философия данного поступка, она в том, что был нарушен закон тождества: «мобила» перестала быть мобильной. На лицо несоответствие. А у русского человека, закон работает: нельзя позвонить оттого, что нет поблизости антенны. Телефон то ни какой-нибудь, а сотовый.

Мой аппарат снова погас. Я на мгновение остановился и, активировав чувствительность своего поля, определил: Государь рядом, не отстает от меня. Ну, раз так, успокоился и начал движение.

На небе блеснул диск луны. Я тут же спрятал телефон в карман. Необходимость в нем отпала. Хотя я бы мог им и не пользоваться. Для этого необходима небольшая тренировка, и всего лишь.

За мной по пятам следовала Миловидка — собака Тургенева. Мне было приятно это сознавать. Возможно, она отбилась от хозяина. Мне добродушная псина не мешала и даже наоборот скрашивала мой путь. Расстояние уменьшалось. На ум приходили задачи из школьного учебника: из пункта «А» — усадьбы Ивана Сергеевича через пункт «Б» — это мой дом, для Федора Михайловича больше подойдет литера: «Д», отправился некий субъект, — я с усмешкой называл свою фамилию и сделал большой шаг, затем другой, третий. Мое передвижение усилилось, лицом, здоровой щекой я ощутил приятные потоки теплого воздуха — меня, сопровождало лето. Иван Сергеевич однажды поведал, что в среде писателей меня уже кто-то окрестил Летним человеком. Ну, и пусть. Что мне?

Миловидка с особым проворством крутилась вокруг, порой терлась боками о мои ноги, — все делала для того, чтобы подзарядиться от меня энергией. Мой наставник, для генерации своего друга потратился, и помочь был не в состоянии. Я же обладал силой. Собака насытится и отстанет от меня, убежит искать хозяина. То, что Тургенев не остановил ее, хороший знак: он скоро представит меня на форуме перед Союзом писателей. Там будут разбираться различные вопросы, одним из них будет и мой. Я думаю, и Федор Михайлович за меня слово замолвит. Есть надежда и на Андрея Пельмина… — подобно тому, как я скользил в пространстве, мои мысли не стояли на месте, — воображение работало. Я не заметил, как добрался до места назначения — точки, обозначенной мной, как «Д»: впереди в утреннем свете ярко блеснуло зеркало реки, на другом береге на пригорке я увидел церковь, промелькнула Федина роща. Миг и я, резко затормозив, оказался на крыльце.

—Ну, вот и вы! Здравствуйте, здравствуйте Семен Владимирович. Я вас заждался. Хотя, что для нас время, но этот, как там говорят, писательский зуд покоя не дает. Руки чешутся схватиться за перо и писать, писать, писать...

—Да, знакомое чувство Федор Михайлович, знакомое. Правда, небольшая задержка во времени, что запруда из подмытых водою и поваленных деревьев на лесной речке, она позволяет накопить воду — слова, предложения, мысли и затем с удовольствием сбросить все это на жаждущие влаги обмелевшие русла, — белую бумагу испещряя ее бисером буковок.

Достоевский утвердительно кивнул мне головой и дополнил мои слова:

—Это вы здорово сказали Семен Владимирович. Что-то похожее у меня бывало и ни раз. Да хотя бы во время работы над книгой «Игрок». За месяц выдал на-гора. Не поверите — всего за один месяц!

Я одобряюще покивал головой и, не удержавшись, задал классику вопрос:

—Федор Михайлович, а что у вас за дела с Иваном Сергеевичем Тургеневым. Он мне что-то о телескопе говорил...

—Ха-ха-ха, — рассмеялся классик, и сквозь смех принялся рассказывать о встрече с Тургеневым заграницей.

—Мы с ним давние знакомые. Встретились на литературном кружке у Плетнева. Тогда мы были молоды и решительны, спорили до хрипоты, порой у нас чуть было до драки не доходило. Теперь страсти поутихли, отношения стали более ровными, хотя не бес подковырок. Цапаемся, правда, культурно не теряя лица, — возраст не

позволяет, бороды вырастили вон какие, да и положение, — задумался, затем вдруг опомнился: — Да, что это мы тут стоим на крыльце, проходите в дом, — и мой радушный хозяин распахнул двери. Затем, Федор Михайлович увидел Государя с мешком на голове и удивился: — Ух, ты, не ожидал я лицезреть его величество в одеянии человека, приговоренного к расстрелу. Не ожидал.

—Федор Михайлович, Иван Сергеевич тут вам еще подарок прислал, — и я, сбросив с плеча ружье, подал его классику. Он принял оружие, разглядывая, покрутил его в руках.

—Вот надутая тварь, — беззлобно бросил слова хозяин. — Я все-таки подарю ему этот злосчастный телескоп, подарю.... — Резко вскинув ружье, Достоевский слегка повел стволом и прицелился. Перед глазами предстала фигура Государя. На мгновение у Федора Михайловича вырисовалась из его давнего прошлого ситуация расстрела, его расстрела на Сенатской площади. Только на этот раз под дулом оружия стоял — уже сам Самодержец. Удовлетворенно ухмыльнувшись, Достоевский опустил оружие.

—Тьфу ты, разыграл меня Иван Сергеевич, надо же, разыграл, — прижал ружье к себе и растворил своим телом. Будто его и не было. Затем Федор Михайлович сгенерировал телескоп.

—Этот вот прибор, Семен Владимирович, обязательно отдайте своему наставнику. Это ему от меня подарок, ответный. Я давно обещал. Пусть насытится. Видно Ивану Сергеевичу не удалось провести отпуск на славу. У него даже собака какая-то куцая, часто убегает от хозяина, чтобы где-нибудь да под лататься.

Федор Михайлович пригласил меня присесть на диван

для беседы. Государь находился рядом возле нас. Миловидка — собака Ивана Сергеевича в дом не пошла, осталась за дверями, возможно, подзарядившись, она отправилась по своим следам в обратный путь или же устроилась на крыльце, ожидая моего появления. За пределами дома я услышал слабый звон колокольчика и повернул голову.

—Это жена Анна Григорьевна выгнала на луга арендованную у знакомого мужика корову. Дети наши уже большие, но …

—Понятно, чувство неизменности бытия должно присутствовать даже здесь на второй ступени существования, так как «человек на земле — существо переходное, находящееся в состоянии общегенетического роста».— Классик утвердительно кивнул головой, затем, медленно подбирая слова, сказал:

—Я, Семен Владимирович пишу сценарий. У меня как вы знаете героев предостаточно для будущей драмы или трагедии…, — не могу утверждать, что в итоге получится. Да вот недавно было еще одно пополнение: из ваших мест. Слышали, есть такое село Фовичи, так там, один грузин вырезал всю семью русских.

—Я знаю, кто это, я знаю. Здесь национальность не причем. Это Черный человек, — влез я тут же в речь Федора Михайловича. — Он снова вернулся, отвез деньги и вернулся, хотел на время затаиться, но выдал себя зверским убийством.

—Что значит, у людей нет Бога, — взял снова инициативу классик: — Умер он, Бог, — нигилисты проклятые, везде «нагадили». Базаров растлил людей через идеи Ивана Сергеевича, вашего наставника. Так, что знайте, кто руку приложил, низложив отцов и расширив

дорогу детям. Вот Бог и не спасает никого. Да, одна из жертв — женщина из Щурово. Она оказалась в Фовичах, можно сказать, случайно: приехала помочь дочери. Ее могло и не быть. — Федор Михайлович задумался, а затем принялся подробно описывать, случившуюся трагедию: — Что здесь выходит за рамки? Я пытался понять: четко подобрано, представьте, одно цепляется за другое, легко поддается описанию. — Классик в двух-трех предложениях раскрыл натуру убийцы, сообщил о том, что изверг работал на одном из предприятий Москвы, «в городе денег», где и сблизился с парнем из названного села. Тот доверился ему, привел к себе в дом, помог в Фовичах приобрести жилье — домишко, замолвил слово при оформлении гражданства, где нужно поставил свою подпись, познакомил его со своей женой, детьми, соседями. — Ошибкой русского парня было то, что он однажды взял у этого грузина на хранение деньги. Правда, сумма большая, — сказал Федор Михайлович. — Русский парень находился в столице, когда изверг решил их забрать, не мог дождаться до утра, пришел за деньгами к жене своего товарища. Та, потаенных мест мужа не знала, и объяснить ничего не могла, выложила свои. Их оказалось недостаточно, — Достоевский сделал паузу, а затем снова продолжил: — Рядом находилась мать, опоздавшая на автобус, она тоже вывалила содержимое кошелька. Денег все равно не хватало, и грузин распалился: отколотил женщин, затем изнасиловал жену товарища, ее старую мать и малышек, не пожалев даже двухлетнюю больную девочку, метавшуюся в жаре; испугавшись угроз со стороны плачущих женщин, всех убил. Тут же завалился в чужом доме спать, а утром приехал из Москвы его товарищ и, увидев такое кровавое

дело, бросился в милицию. Грузин успел его перехватить, связал и принялся выпытывать, где тот спрятал деньги. Парень погиб, но не сказал.— В заключение рассказа классик сказал:

—Вот и задумаешься, после случившегося, а нужно ли нам приводить к себе в дом разных там грузин, хохлов или молдаван — помните моего подопечного, который, убегая от таможенников, проехался на машине по двум женщинам?

—Да, помню, вы правы Федор Михайлович, раньше они эти люди, пытающиеся найти у нас работу, составляли единый народ, входили в состав страны под названием Союз Советских Социалистических республик. Этот наш Союз имел другой строй и не вызывал таких жутких разногласий среди населения. Хотя нас русских правительство и тогда прижимало ради идеи интернационализма. Правда, мы за это и поплатились. Кем нас только не обзывали, даже фашистами. А все оттого, что Губачевым для разрушения страны была разыграна национальная карта. Ну да ладно, что важно было в той жизни, например, взять брежневский период: никто не голодал. Хлеба хватало, да и зрелищ…

— Вы, Семен Владимирович, сто раз правы, — сказал Федор Михайлович. Я осторожно пробежался пальцами по больному месту, массируя его, и выждав время, приступил к вопросу давно меня занимавшему:

—Федор Михайлович, не знаю, как к вам подступиться, вы великий человек и мне неудобно занимать ваше время по пустякам, но я, во что бы то ни стало, хочу заниматься не отдельными персонажами, а овладеть приемом «сценической площадки», не получается у меня на второй ступени существования свести сюжетные линии воедино.

Этот мир не похож на тот, в котором я живу, да и книжному образу он не идентичен. Может быть, вы на каком-нибудь примере поможете мне, — я замолчал, пытаясь сформулировать вопрос до конца, но не успел, классик тут же перебил меня:

—Что вы Семен Владимирович, о какой помощи вы говорите, я сам хочу вас привлечь для проведения одного мероприятия, чтобы разобраться в происходящем. Правда, вам, как и мне, необходимо к нему подготовиться. Для этого возьмите роман о нигилистах, мой, а не вашего наставника. Хорошенько изучите его, — Федор Михайлович поморщил лоб, почесал бороду и продолжил: — Я тут однажды присутствовал на постановке спектакля Петербургского малого театра по этой своей вещи. Она прекрасно сделана, нет слов. Распаляешься до такого состояния, что готов подскочить со стула, будто дали пинка, побежать быстро-быстро между рядов, по коридору, резво забраться на подмостки и, вклинившись в происходящую на сцене жизнь, остаться до скончания развития действий, — классик, на миг умолк, а затем вдруг сказал: —Там у меня и Иван Сергеевич прописан под именем новеллиста Кармазинова. Ну, да ладно… — махнул рукой. Затем не сдержался и громко выдал:

—Зацепил все-таки. Я не хотел расстраиваться, но не получилось…. — Достоевский умолк. Затем снова открыл рот:

—Он ведь умер ведь, как не русский, заграницей в Бужевале близ Парижа и если бы не его завещание, похоронить в Санкт-Петербурге на Волковом кладбище, я бы его никогда не простил, никогда …. — и принялся креститься.

Мне было не по себе. Мои пальцы в который раз

пробежались по больному месту лица, мне показалось, что я сижу у своего наставника Ивана Сергеевича Тургенева на диване «самосон» и все бы ничего, но через мгновение я отчетливо услышу храп графа Льва Николаевича Толстого. Я не выдержал и тут же резко подхватился.

—Да сидите вы, не бойтесь, — сказал Федор Михайлович, и хитро сощурив глаза, похлопал меня по плечу. — Нет здесь его, нет! — Я тут же подумал: уж не шутки ли Достоевского, там, в усадьбе моего наставника. Может, никакого Льва Николаевича и не было. Он давно уже находится где-то в Раю. Хотя, не соответствия были на лицо.

—Я сейчас не в силах вам что-либо показать, но обещаю, что вы будете приглашены мной на действо, которое состоится, наверное, через месяц, не ранее. Чтобы понять, точнее, проникнуться в то, что будет разыграно, вам необходимо попробовать сделать небольшие сценки у себя на башне, выделив главных героев. Что я еще вам скажу: — ищите зацепки. Вот вы сейчас думаете о письме вашей подопечной, выпавшем из кармана ее кожаной куртки? — О, каком-таком письме? — спросил я, подняв вдруг голову. — Да ладно вам Семен Владимирович, не думали, так думайте. Да, и еще пользуйтесь прерыванием, этот прием позволяет довести сцену до совершенства. Для этого у каждого писателя на второй ступени существования есть свой определенный жест: я, например, делаю щелчок пальцами, и действие остановлено, следующий щелчок запускаю его, вы не бойтесь, экспериментируйте! — Он замолчал.

Я сразу догадался, наша беседа закончена и поднялся с дивана, при этом невольно оглянулся. Федор Михайлович усмехнулся и пошел меня проводить до Фединой рощи. В

стороне, близ реки паслась рябая корова. Классик сгенерировал ее для жены, чтобы занять женщину, объяснив своей подруге, что арендовал у крестьянина. Она, его Анна Григорьевна на первой ступени жизни была отличной стенографисткой, но задействовать жену здесь в полной мере Федор Михайлович уже не мог, да и не было необходимости, — Издатель или правильнее выразиться Создатель не стоял над душой, не торопил, здесь ни к чему была поспешность. Классик, находясь на втором уровне существования, это хорошо понимал, понимал и то, что яблоко, прежде чем упасть на землю, должно было созреть.

Глава 16

Движение ощутил я не сразу, только набрав приличную скорость. Мне необходимо было торопиться к Ивану Сергеевичу Тургеневу. К тому толкало и желание посмотреть своему наставнику в лицо при передаче телескопа — подарка Федора Михайловича Достоевского. Какова будет реакция, — далеко ли они зашли в подковырках друг друга?

Я разогнался, и тут же был вынужден внезапно остановиться, — чуть было не столкнулся с Андреем Пельминым.

—А я вот по твою душу, — сказал писатель, слегка затормозив у двух неимоверно-белых березок, стоящих на пригорке. — Есть одно дело. Хочу у тебя спросить: ты бывал в Оптиной Пустыне? — Я посмотрел на товарища и задумался. Этот ответ не должен быть однозначным. «Да» или «нет» его не устроит.

—Андрей, не знаю, как тебе сказать. Ты ведь понимаешь, человек за свою жизнь посещает много разных мест. Куда его судьба только не заносит. Порой эти поездки случайные, необдуманные, ради праздного любопытства. Они даже в памяти не все остаются. Оптина Пустынь для русского человека место особое. Туда тянуло, представляешь, тянуло — Гоголя, Соловьева, Толстого, Достоевского, да и не только их, но и других великих людей. Оно и сейчас памятно. Одно только желание человека отправиться в это святое место много значит. Я бывал в Оптиной Пустыне, как турист, но не как паломник, видно не настало еще время.

—Да, я тоже однажды, ездил туда, и тоже, — Пельмин

на минуту замолк, а затем вдруг голосом артиста Папанова выдохнул: — как турист.

—Андрей, ну, и что из этого следует? — задал я вопрос.

— Как что? Ты ведь слышал фразу: «Чукча, однако, писатель, чукча не читатель», так вот я нашел в себе силы и после значительной паузы, когда все «устоялось», внимательно прочитал свой собственный роман о графе Толстом. Это благодаря тебе, помнишь наш прошлый разговор? — сделал небольшую паузу и снова продолжил: — Так вот концовка не очень уж и хороша, мой герой, отправившись с Ясной поляны в святое место, так в итоге до него и не добрался. Не добрался, понимаешь? — сказал, и резко подбросив глаза вверх, уставился на меня. — Мне ничего не оставалось, тут же принять его вызов:

—Дорогой мой человек, — выразив в этом обращении иронию, сказал я: — ты, ведь знаешь, что граф не единожды бывал в Оптиной Пустыни и, задумав отправиться снова, после известного разногласия с церковью, уже совершил подвиг. У него хватило сил, ни смотря на его отлучение, разговоры в высшем обществе, вдруг забраться в поезд и поехать туда, туда, — повторил я еще раз, — навстречу с Богом. Деятели религии уж за один этот его поступок должны принять графа назад в свое лоно. — Не дожидаясь ответа, я тут же переключился с одной темы, посчитав ее законченной, на другую, влезая в стиль написанного Андреем Пельминым, его язык, чтобы зацепить — и выйти на откровенный разговор. Не все мне нравилось в его романе. Было много вопросов, да и претензий хватало.

—Ты, вот пишешь о великом писателе как о каком-то супермене, да и такое, чего не могло быть, а какие слова у тебя? — я на миг остановился, Андрей тут же перебил

меня и дополнил: — Несу чушь, ты хочешь сказать, или иначе бред сивой кобылы лишенный понимания, так?

—Нет, я хотел выразиться иначе: — сплошная фантасмагория, рассчитанная на продвинутых людей. Он (я не стал произносить имя графа), что не может тебя проверить и оттого, ты, так изгаляешься над «человечищем» или же у тебя есть какие-нибудь личные указания от него самого?

—Да, есть указания. Ты ведь не будешь отрицать что «старичков» начали забывать. Их вначале собраниями сочинений выносили из квартир на помойку, а вот сейчас они и в библиотеках — этих храмах литературы стали не нужны. «Питерское дело», помнишь? Его по телевидению еще показывали. Солидное заведение, таких в городе раздва и обчелся и вдруг такой «вынос тел» и каких? — Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского и среди них граф Толстой — подвернулся. «Что он хуже. Тоже мне цаца!», — тут же скажешь ты мне. «Одних можно, а что его нельзя?»

—Андрей, сам в ужасе, время изменилось! Наверное, ничего не поделаешь, — с горечью выдавил я. — Мне это тоже не доставляет удовольствия наблюдать. Вокруг нас уже люди совершенно другие, не похожие на тебя, на меня, — я мог бы еще назвать некоторые имена, но их, этих имен все равно не так много, мы другое поколение, вот!

—В том-то и дело. Граф это понимает как никто другой и оттого желает выглядеть современным. Я, если ты внимательно читал мою последнюю книгу, и по Достоевскому прошелся. Однажды имел с ним разговор. Мне Федор Михайлович сам подсказал тему словами: «Я, Андрей Иванович, описывая героя готов душу высосать из

человека, явившегося его прототипом, душу. Вот, так». Оттого в моей книге он, уложив из ружья мертвяка, прикладывается к нему и забирает энергию.

—Ну, и что тебе наш классик на все это сказал? — спросил я и уставился на собеседника.

—Да ничего. А что он мог сказать? Мы здесь, думаешь, чем питаемся? Святым духом? Нет! Энергией мертвяков. Правда, ты и я — «хлебом насущным», но мы с тобой живые люди. — Меня от его слов передернуло. Андрей Пельмин заметил это и успокаивающе дополнил свою речь:

— Семен, да не переживай ты так, не бери к сердцу. Мы живем в том мире, который для нас создал Бог, и трансформировали, канувшие в Лету поколения людей. Мы теперь в ответе за него и то, что в нашей власти должны как-то изменить. Это может не каждый, но если ты наделен силой и обладаешь желанием, лезь из кожи, вноси свое. Будь не только читателем, но и писателем, ну хотя бы как мой герой — Лев Николаевич Толстой. Однако, запомни физические законы нам не подвластны. То, что есть, — есть и придется с ними считаться. Граф понимает эти законы, понимает, что на второй ступени он существует столько, сколько находится в сознании здравствующих ныне людей и оттого согласен на любые условия. Я в своей книге для привлечения внимания могу даже матерком выразиться и ничего. Да, а ты не знаешь, граф матюгался? — вдруг спросил мой товарищ писатель. — Я в ответ пожал плечами. — Надо будет у него самого спросить, — Пельмин на миг умолк, а затем, слегка двинув ногой, приблизился ко мне и прошептал: — Ты думаешь, отчего тебя так энергично опекает Иван Сергеевич, да и Федор Михайлович работу дает? Он ведь от тебя не

отходит. Не знаешь? Я отвечу! Им нужны мы — живые писатели. Только мы способны о них написать на первой ступени, вызвать интерес у людей первого уровня и продлить существование наших почивших классиков.

Я задумался. Слегка двинул ногой, движение усилилось. Мы разговаривали долго, но отчего-то на месте не стояли: обстановка рядом менялась: чувство было такое, будто я и мой собеседник ходим по кругу, например, заблудившись в лесу. Андрей, заметив, что я отвлекся, сказал:

—На дрожках будто едем. Лошади легко и непринужденно тянут коляску. Такое бывает, когда вдруг перестаешь управлять процессом. — Опомнившись, я спросил у Пельмина:

—Ну, пусть книги не идут. Народ ленится читать. Аудиокниги можно толкать. Это почти то же самое. А еще, сейчас довольно часто стали сниматься фильмы по книгам классиков. Ленты успешно «крутятся» на телевидении. Они, например, в гипермаркетах распространяются недорого. Я сам не раз брал диски и …, — Под упорным взглядом Андрея я замолчал. — Ну, что еще, — спросил я, — разве я не прав?

—Сто раз прав? — словами Федора Михайловича ответил мне Андрей Пельмин. — Только сначала подумай. Этого всего мало. — Мы сделали круг. Две неимоверно-белые березки, стоящие на пригорке, в который раз проплыли мимо нас и исчезли из виду. — Взгляни на наших звезд эстрады, да и не только на них, — окинь взглядом маститых политиков, которые тусуются в Думе, в Доме правительства или на телевизионных шоу. О них, что только не говорят — порой чушь всякую. Они подают на суд. Неустойка — рубль. Один рубль, а не миллион. Для

чего? Чтобы вернуть свое доброе имя, хотя какое оно доброе? Нет, нет и нет — поднять ажиотаж вокруг своей персоны. Выжать из народа всплеск энергии. Энергия положительная или негативная все равно — всем нужна на любой ступени существования. Даже тебе обычному смертному она нужна. Представляешь, нужна, вот так, — и Пельмин провел ладонью по горлу.

—А мне зачем? — спросил с недоумением я.

—Как зачем? Ты что не от мира сего, не желаешь, чтобы твои книги расходились огромными тиражами?

—Желаю! — ответил я и задумался. Андрей Пельмин был прав. Мое «Дворянское гнездо» заинтересовало Ивана Сергеевича. Он ухватился за меня, поэтому я оказался на второй ступени существования. Мое имя пока неизвестно, но в будущем, я обязан расписаться и себя показать. Одного хорошего языка, чутья предвидеть события недостаточно. Мне необходимо продолжать над собой работать, совершенствоваться, завоевывать книжный рынок и время от времени зариться на «небосклон», усеянный звездами. Я должен все сделать, чтобы не подвести своего наставника, а значит вырваться «на олимп».

Мой собеседник — неординарный писатель заставил меня задуматься, взбаламутил мое серое вещество. Что если мы, пришедшие на «сцену» молодые литераторы, должны будем зависеть от этих самых «старичков» и все время работать на подъем их престижа. Может такое быть? Да! Но ведь ни Иван Сергеевич, ни Федор Михайлович не пытались на меня надавить. У них есть организация — Союз писателей. На заседаниях этой организации давно бы подняли бучу. Революционеров везде хватает. Ну, а если не они, то лентяи бы

постарались. Они способны загубить, не начав, любое дело.

—Андрей, а что творится на заседаниях Союза? — спросил я. — У Ивана Сергеевича я не осмелился расспросить, может, ты мне расскажешь, хотя бы настолько, насколько это возможно.

—А-а-а, ты и об этом уже знаешь, — сказал мой собеседник и, пожав плечами, тут же выдал: — Да, ничего особенного. Все как у людей: заседание открывает президент Союза. Ты в курсе кто у нас сейчас всем верховодит? — Андрей назвал имя и фамилию знаменитого писателя, недавно умершего. — Между прочим, он как Иван Сергеевич и Федор Михайлович тоже ходит с бородой. Может и нам отпустить. А-а-а? — Увидел мое равнодушное лицо и продолжил: — Так вот этот президент просит присутствующих предлагать кандидатуры в президиум, далее за названных лиц голосуют. Выбранные люди проходят и садятся за длинный стол на сцене, и кто-то из них берет на себя обязанность вскрыть ящик, подобный тому который используется для голосования на дому для людей больных или немощных. Правда, этот ящик у нас служить для сбора вопросов. Их затем разбирают на собрании, но не все, а те, которые заслуживают внимания. За них должны проголосовать. Там есть вопросы для отдельных индивидуумов, судьбоносные..., ну да ладно, — и мой собеседник махнул рукой. Этот взмах руки меня заинтересовал. И я тут же стал приставать к Андрею, разъяснить мне, что это еще за такие судьбоносные вопросы.

—Хорошо, скажу, все равно ты об этом рано или поздно должен будешь узнать, — помолчал, набираясь духа, и продолжил: — На заседание выносятся вопросы об уходе в

Рай или в Ад того или иного классика на второй ступени существования. Правда, на основании их инициативы, никто насильно не заставляет. Уход — это приобретение для Союза дополнительной энергии. Энергия сиюминутна и может быть потрачена, например, на тебя, чтобы раскрутить твое имя на первой ступени. Меня ведь тоже когда-то раскрутили. Я находился глубоко в жж..., — Андрей остановился, —не буду договаривать где, я заметил, что ты не любишь жаргонные словечки, — взглянул на меня и продолжил: — «Раскрутка» возможна только в том случае, если все писатели, входящие в Союз, отдадут за тебя голоса, то бишь энергию. Один голос — один кусок энергии. Отдав энергию, мы, истощив себя, подключаемся к энергетической банке ушедшего писателя, и что те Голвачовские кибернетические пауки ограничены, находимся какое-то время на коротком поводке — по усадьбам. Здесь, лишь только у нас новеньких писателей вычурные сооружения. У классиков они проще. Что я тебе скажу: я уже ни один год толкаюсь на втором уровне существования, но такое состояние пока не испытал, да и не мог испытать. Тебе тоже в ближайшее время не грозит — это удел писателей обосновавшихся здесь на постоянное место жительство.

—Андрей, выходит не только они, — я не посмел сказать — «старички», назвал Ивана Сергеевича и Федора Михайловича классиками: — зависят от нас, но и мы от них? Вот ты, благодаря им раскрутился на первом уровне?

—Да! Но у нас ситуация намного лучше. За нас молятся живые люди на первой ступени!

—Мне мать сказала: «Буду за тебя молиться», — тут же, не сдержавшись, выпалил я.

—Ну, вот, и за меня моя мать тоже молится, но она уже

очень стара и плохо себя чувствует, я опасаюсь, что однажды вдруг мать не вытащит меня со второй ступени…Такое возможно. Меня в обиду не дадут, но здесь и солнце слабее светит, и птички поют ненастоящие, и…— Пельмин неожиданно остановился, замолчал, а потом вдруг расхохотался.

—Ты чего, Андрей?

—Да вот буду тебя просить, чтобы ты не скупился на слова и писал обо мне всякую чушь. Обид никаких с моей стороны не будет. Сам понимаешь без энергии здесь нельзя, — сказал и снова засмеялся. Затем на время, неожиданно умолкнув, взглянул на меня и с серьезным видом открыл рот:

—Ты оказался прав. Нужно быть не только писателем, но и читателем своих книг! Я это тоже понял. — Я кивнул головой, и слегка усмехнувшись, тут же ответил Пельмину:

—Но, это ведь сложно, быть читателем своих трудов, порой даже для меня, — я тут же вспомнил свою первую книгу о Юрии Александровиче Шакине, затем не дописанную другую и высказывания своего героя в мой адрес. — А уж для тебя это неподъемная ноша. Я не могу понять, как ты сумел открыть последний свой томик. Нашел силы. Нет в нем ни капельки правдивой информации — ложь, не завуалированная ложь, попросту кривда. Ну, что тот мешок с гексогеном, набитый под завязку. Того и гляди взорвется. Написал и забыл, чтобы вдруг не сгореть от стыда.

—Не сгоришь! — улыбнувшись, поторопился ответить Пельмин. — А потом если ты читал мою книгу и от начала до конца чувствовал ее лживость, разве ты не пытался найти у себя в голове правду, ну хотя бы с целью уличить

меня?

—Да, пытался и находил, не раз находил! — ответил я и понял, что имел в виду мой собеседник, крапая книги об известных классиках. На миг задумался и, следуя словам Андрея Пельмина, тут же принялся разбирать произведение Ивана Сергеевича Тургенева «Отцы и дети». В нем ведь тоже есть ложь, например, ложь о судьбе Фенечки, простой дворовой девки. Мой наставник, склонившись над столом, долго размышлял, прежде чем сделал ее женой героя книги, барина Николая Петровича Керсанова. В жизни простая швея, родив ему дочку, оказалась не годна для венчания с барином Иваном Сергеевичем — писателем. Она могла стать женой только на второй ступени существования. Это реально! Хотя и смешно: реально в виртуальном мире. — Нужно будет поискать эту особу — швею, — подумал я.

—Поищи, — усмехнувшись, сказал Андрей. — Она где-то рядом возле твоего наставника. Любит Иван Сергеевич появляться в разных видах, ипостасях, прятаться, чтобы его не признали. Дрожит, боится за свой авторитет барина, не хочет его уронить. Это у него черта характера осталась с первого уровня.

Я принял слова писателя и подумал, что в книжном магазине, и в больнице со мной лежал Иван Сергеевич Тургенев. Андрей Пельмин, скажи я ему о том, тут же согласился бы с моими доводами. Их предостаточно. А может это и не он? — мелькнуло у меня в голове. Ну, да ладно. Ложь, но приятная. Я бы мог использовать известного человека в одной из своих книг. Мой собеседник в качестве героев использует известных людей и ничего ему, хотя явно, нарывается на грубость с их стороны. — Задумался. Мне было непонятно, зачем Ивану

Сергеевичу какая-то Фенечка? Он мог заполучить себе княжну Ирину Осинину, в замужестве Ратмирову. Род ее имеет корни Рюриковичей. То, что надо. Для этого моему наставнику достаточно быть Литвиновым Григорием Михайловичем или Потугиным Сазонтом Ивановичем. Здесь далеко ходить не надо. Все в одном «флаконе» — книге. Даже дальняя родственница им прописана. Это на ней он чуть было не женился. Под прикрытием персонажа можно вытворять что угодно. А может, я ошибаюсь? Нельзя! Уж, не с княжной ли Иван Сергеевич ездил на курорт? — задал я себе вопрос, затем махнул рукой! Мне до того, какое дело. Главное понимать происходящее здесь на втором уровне, а не слыть профаном. А то чего доброго к прозвищу «Летний человек» получишь еще одно, но такое, от которого будет после тошно.

—Да-а-а, что, моя ложь тебя заинтересовала? А ты полазай по страницам своего наставника, покопайся. Иван Сергеевич Тургенев, весь в своих книгах. Найдешь такое, — мало не покажется!

Андрей Пельмин был прав: для того чтобы знать своего наставника необходимо внимательно и вдумчиво прочитать все его произведения. Там не одна может быть «Фенечка зарыта», или знатная особа благородных кровей. Ведь не случайно много лет шла молва о певичке Полине Виардо, а на старости лет писателя о его романе с Савиной, не зря…

«Тургенев» читается легко и гладко — ложь промелькнет, и не заметишь. Это Федор Михайлович, тот весь на виду. Он не для бар, хотя и они его читали, правда, после ругались. Из-за чего? Правды много было, не прикрытой правды. А им хотелось льстивой лжи. Он был больше понятен нищему студенту, простому чиновнику,

какому-нибудь захудалому, но образованному дворянчику и, наконец, грамотному мещанину. Федор Михайлович предугадывал будущее. Много тому подтверждений. Я не зря внял его словам и обратился к книге, той, которую он мне предложил проштудировать: — «Бесы». Достоевский словно предчувствовал рождение нового потрясателя мира — Владимира Ильича Ульянова и начал ее писать в год его рождения в 1870 году — весной.

Работа Достоевскому давалась тяжело. При написании «Бесов», они эти самые «Бесы» ему и мешали, так можно сказать о кознях, обрушившихся на плечи писателя. Однажды, он, не удовлетворившись своей работой, написанное, более десяти печатных листов уничтожил, и снова сел за книгу с чистого листа. Даже после, когда роман был уже написан, не все шло гладко с его выпуском в свет. При издании произведения цензура урезала основную главу, на которой держалась вся книга. Лишь спустя много лет, писатель, литературовед и биограф классика, Людмила Ивановна Сараскина открыла читателю тот вариант, который желал бы видеть Федор Михайлович Достоевский.

—Ну, что? И до Федора Михайловича уже добрался? — спросил у меня Андрей Пельмин, наморщив лоб. Он находился рядом и видел, как я с благоговением разбирал книгу классика, пытаясь понять, для чего он взял произведение «Бесы» за основу своего действа, которое намеривался разыграть в ближайшее время. Особое место я уделил одной главе. Это ее сюжет Федор Михайлович собирался использовать для соединения не соединимого: уже известные читателю герои должны будут встретиться с новыми персонажами и ни с какими-нибудь, а из другой эпохи. Достоевский желал их столкнуть. Для чего? Для

понимания причины возникновения и воскресения идей фашизма в мире и здесь у нас в России?

—Семен, ты домыслил, отчего твой наставник рьяно нападал на Федора Михайловича, винил его в растлении? Тряхани «Бесов» чтобы им тошно в Аду стало, тряхани!

Андрей Пельмин явно пытался меня «завести». Правда, я ничего плохого в этом не видел. Мне было важно разобраться во взаимоотношениях своего наставника Тургенева и в прошлом друга, а затем соперника Достоевского. Где они «Бесы», прошмыгнувшие между этими двумя известными людьми. Мне порой казалось, что Иван Сергеевич только оттого и читал книги Федора Михайловича, чтобы выискивать в его трудах подвохи для упреков классика сам городил ложь там, где ее не было. Наверняка, моего наставника волновал вопрос, отчего он, используя хороший русский язык, гладко написав то или иное произведение с точки зрения развития сюжетной линии, не всегда значим в читающем мире, как Федор Михайлович.

—Тяжело Достоевский писал очень тяжело, — перехватил мои мысли Пельмин, — попробуй, прочти его: язык сломаешь, и сцены описывал, часто надуманные, лишь, для того чтобы поднять злободневные насущные вопросы жизни и смерти. Шума возле него было предостаточно. Больше чем вокруг кого-либо из известных литераторов. А это Ивана Сергеевича часто выводило из себя. Не знаешь, порой думаешь, ну и что из того, вот они ругали Федора Михайловича, ругали так рьяно, как будто восхваляли.

Зря Иван Сергеевич упрекал классика в растлении подростка-девочки, влюбившейся в него? Эту героиню чье имя было задето, наверняка звали Сонечка, впоследствии

она стала известным математиком. Начало списано с нее. Любовь подтолкнула перо Федора Михайловича. Далее, развивая сюжет книги, он видел перед собой уже другого человека, так как не желал вреда своей девочке, не мог желать, даже судьбу при мимолетной встрече-расставании начертал ей непростую — великую.

—Андрей ты ведь пользуешься приемом выбора персонажа в жизни и переноса его жизненных ситуаций на бумагу?

—Да, этим все пользуются. Данный прием «эксплуатируется» многими писателями. Яркий пример тому Волконский-Болконский графа Толстого.

Мне был не понятен выпад Ивана Сергеевича. «Кухня» писателя для него должна быть известна. Примером могла быть та же Фенечка. Жизнь ее по книге благополучна, даже счастлива, чего нельзя сказать о героях книг Федора Михайловича. Терзания души вынуждали его ставить своих героев в тяжелые ситуации. Он, «выдергивал» реального человека из жизни, изменял имя, фамилию, а порой обозначал всего лишь одной буквой. Этих букв у Федора Михайловича не так много, а вот литеры — герои Ивана Сергеевича порой злят. Ну, да ладно. Дальше, классик извлекал события из его жизни те, которые необходимы для раскрытия темы, не обязательно следуя хронологии, то есть, переставляя местами, при необходимости внося изменения и даже дополнения. Это еще не все — находил в жизни героев подобных первому, выбранному с соответствующим характером, и «высасывал», как есть из них души. Что получалось? Страшно подумать. Главное то, что этот первый персонаж в зависимости от развития событий в книге, брал на себя грех второго, третьего — всех своих двойников, тройников.

А писатель? Где его вина? И в чем? Я ненадолго задумался.

—Семен, что тебя тревожит? — тут же спросил Пельмин, — о чем ты печешься, может....

—Андрей мне не дает покоя осуждение Иваном Сергеевичем, нашего классика Федора Михайловича. Он не замечает допустимую ложь в его книгах. То ли намеренно не желает ее видеть или же не понимает. Федор Михайлович не мог быть извергом, подобно герою его книги «Бесы» Ставрогину, растлившему девочку подростка Матрешу, хотя и очень скрупулезно до мельчайших подробностей описывает данное событие. Я думаю из-за того, что у него перед глазами возникает образ Сонечки, он неожиданно перескакивает через событие изнасилования и сообщает: когда все кончилось, затем снова у него идет разбор души Ставрогина и осознание греха Матрешей: «Я убила в себе Бога», — говорит девочка и заходит в крошечный чуланчик, вроде курятника. Николай Всеволодович Ставрогин не препятствует дальнейшему событию: «Я сидел и ждал, а затем заглянул в щелочку, увидел ноги. Она повесилась».

—Не бери ты близко к сердцу, — тут же выпалил Андрей Пельмин. — Не бери. Все это давно уже в прошлом!

—А вот этот телескоп, тоже в прошлом? — спросил я и снял с плеча тубу с прибором. — Да?

—Семен! Это всего лишь кусок энергии для твоего наставника Ивана Сергеевича. Он сейчас испытывает не лучшие времена ... Тебя, да будет известно, он взял не от хорошей жизни. — Мы долго молчали. У меня не было желания говорить о своем наставнике. Я не выдержал первым и снова начал разговор, вернувшись к книге

товарища о Толстом:

—Андрей, вот этот твой граф «железная Борода» не противится злу, убивает направо и налево.

—Ну, и что из того? Убивает! Один из героев объясняет, каким образом ему удается это делать, не нарушая данного Богу обета. Но ты, читая обо всех этих убийствах, не испытываешь чувств угрызения совести, подавленности, нет у тебя и злости, ты равнодушен к происходящему. Это всего лишь пиф-паф. Чего тут непонятного? Главное в книге — сюжет. Он должен быть увлекательным. Я беру деньги за это и не только я, многие современные авторы со мной солидарны. Мы не хотим брать грех на душу, зачем? Зачем ради ассигнаций, бумажек надевать на себя маску, личину убийцы? Да и стоит ли? Нет! В настоящее время от писателя того и не требуется. Вот во времена Достоевского другое дело. Тогда нужна была смелость. Никто не хочет повторить подвиг Федора Михайловича. Никто! Это он отважился, взял в руки топор, пусть вначале ненастоящий — бутафорский, но, размахивая им, он в последствии ощутил его тяжесть. Он — топор с картонным лезвием, перестал быть театральным реквизитом, — держа его в руках можно свихнуться, сойти с ума. Я не хочу. Да и не в силах сделать то, что сделал Достоевский. — Пельмин помолчал, а затем, толканув меня локтем, сказал: — Да вот не так давно вышла в продажу компьютерная игра, вырисована очень реалистично, — не замечаешь, что перед глазами монитор, начинаешь все и всех громить, убивать — море кровищи — страх за душу берет и что? Вначале игра пошла, но скоро продажи остановились. Фирма потерпела крах. Реализм в сценах убийства никому не нужен. Запомни это!

—Да-да. Ты прав, — ответил я и задумался о книге Федора Михайловича Достоевского, влезая в подробности.

—А вот вы где? — раздался у нас за спинами голос Ивана Сергеевича, — а я все жду, жду, жду…. — Голос становился тише, тише, а затем несколько возвысился: — Мне уже давно пора подкрепиться, а вас все нет, нет, нет…— и тишина.

Писатель поздоровался и снова умолк, затем, увидев у меня за плечами тубу с телескопом, вдруг оживился: — А это, я так понимаю, подарок от Федора Михайловича? — показал он рукой.

—Да, это телескоп, — и я отдал прибор Тургеневу. Рядом возле моего наставника крутилась Миловидка. Собака была благодарна не только моему наставнику, но и мне, заглядывая в глаза, она не раз улыбнулась и, вызывая желание, заставила, чтобы я ее погладил, а затем и потрепал по холке.

Иван Сергеевич не стал дожидаться момента расставания с нами и уединения, он прямо у нас на глазах растворил телескоп в себе. Контуры его фигуры стали резче, да и лицо неожиданно повеселело, засветилось, он погладил бороду и, кликнув Миловидку, ушел в лес на Исту, махнув нам на прощанье рукой. Андрей тут же увлек меня за собой:

—Идем, я хочу тебе показать свои хоромы, посмотришь, как живут в отличие от маститых, обычные писатели. — Я тут же согласился и отправился следом за Андреем Пельминым.

Глава 17

В один из дней мне в Москву позвонил из Брянского ГИБДД Андрей Юрьевич Фоков. Он желал меня видеть, ему не терпелось запустить мое дело о дорожно-транспортном происшествии:

—Семен Владимирович, ваши документы, как сейчас говорят, «зависли». Нет возможности дать им ходу, требуется личное присутствие. — Он откашлялся и продолжил: — Майор Гришулин занимался вами, но в настоящее время командирован в Чечню на шесть месяцев. Понимаете, он один видел преступника в лицо, гнался за ним по пятам, тот следовал через поселок Мамай в Гомель и далее через Белоруссию, Украину — на Кавказ. Нам нет смысла ждать возвращения майора. Да и когда это будет? Там, положение как на войне, что, если они его подловят.... — я тут же прервал поток слов Фокова: — Вы хотите сказать, что он может.... — Да, он может погибнуть, — перехватил инициативу Андрей Юрьевич и продолжил: — Не обязательно от руки этого Черного человека, есть и другие. Их предостаточно. Они отсиживаются в горах и в любой момент готовы взять в руки оружие, — сглотнул слюну, — это было слышно даже по телефону, затем продолжил: — Я понимаю, вернувшись подполковником, он тут же разберется с вашим делом, — сделал паузу, далее до меня донеслось: — Но медлить, нет смысла. Приезжайте, я займусь вами. Жду! — голос в телефонной трубке пропал, затем послышались короткие гудки. Я опустил трубку, долго держал ее в руке, затем медленно отправил на место.

Мне нужно было собираться в Брянск. Моя «Ласточка»

была помята и находилась в Дятиново в гараже, ожидая ремонта. Поэтому я был вынужден отправиться на поезде. Вначале, я решил заехать к племяннице, а уж затем и в ГИБДД. Чтобы обезопасить себя от непредвиденных событий, я, перед тем как выехать сообщил старшему лейтенанту милиции ориентировочно о дате прибытия.

Людмила встретила меня недалеко от дома еще засветло, так как часы в этом году в стране после зимы перевели на летнее время, искусственно удлинив день. Что было отрадно сознавать, это делалось в последний раз.

Племянница тащила с пастбища коз. У нее их было три. Живность целый день паслась, привязанная веревками к металлическим штырям, забитым в землю, на лужке, недалеко от дома.

У меня на глазах родственница с трудом перетащила, упирающихся коз, через дорогу с низины от ручья, покрытого, поднимающейся, сочной травой, невероятно зеленой — на земле властвовала весна и направилась ко мне.

У дома я увидел — приплод: двух козлят, цепляя друг друга молодыми рожками, они толкались в небольшом открытом вольере, правильно сказать, в огороженном для цветов палисаднике.

То, что цветы там когда-то неплохо себя чувствовали, было заметно, невооруженным глазом, хотя бы по наличию не до конца уничтоженных насыпных цирков клумб. А еще по нескольким стеблям, оставшейся московской ромашки.

Как я понял, от цветов в настоящее время не было проку. Не советское время. Нужны были деньги. Их обычно всегда не хватало, но особенно при дефиците работ, когда некуда устроиться и не подхалтуришь хоть

расшибись.

—Трудно жить на одну пенсию, — не раз повторила племянница. — Да, и на другую, — мужа, разгуляться не получается. Наши сыновья Владимир и Александр уже взрослые, женаты, у них дети, а хорошей работы, которая бы давала им достаток, нет. Нам довольно часто приходиться помогать. Я в тайне друг от друга сую в руку деньги то одному сыну, то другому, да и внукам и внучкам, кому на конфеты, кому на одежду, на обувь. Хорошая бабушка должна находить деньги для подарков, подрастающей молодежи.

Людмила была очень хорошей бабушкой, на себя почти ничего не тратила: — выручало хозяйство, да за домом небольшой кусок земли.

Я помог родственнице, открыл ворота и запустил коз во двор, а затем туда же перегнал из вольера прытких козлят.

— Одна вот мучаюсь. Никто не помогает, — вздохнула и нехотя продолжила: — Сеня, тут такое произошло, такое, уму непостижимо. Мой Борис Иванович уехал на похороны тетки Лидии Сергеевны. Хорошая была женщина, хорошая. Однажды, она меня и Борю приютила у себя в Рюковичах. Мы, после окончания института лет несколько работали там, в школе, по направлению. Я у ребят вела предметы: «русский язык» и «литературу», а мой муж — «биологию». Затем уже перебрались сюда, в Дятиново. — Помолчала. — Мне бы вместе с мужем тоже отправиться в Рюковичи и проститься с Лидией Сергеевной. Но хозяйство, дом, не бросишь?

—Да, не бросишь! — подтвердил я, оглядывая коз, — доводы были на лицо. Живность крутилась у дверей, тянула губы к рукам, ища лакомство — хлеб.

—Ладно, пошли в дом, нечего выстаивать на крыльце,

— сказала Людмила. — Сядем на диван, и я все тебе расскажу.

—Лидия Сергеевна попала в автокатастрофу, — сообщила племянница, — пострадала не только она. Правда, подробности мне не известны. Муж вот с сыном приедут, — племянница взглянула на часы, стоящие на полке, — должны с минуты на минуту вернуться и все расскажут. Боря в Рюковичи поехал с Александром, — помолчала, затем продолжила: — Мы хотели забрать женщину к себе. Родственников у Лидии Сергеевны, кроме нас никого не было. Думали, к осени перевезем. Дом у нас большой. Тетка Борина, хотя была и крепкая, сама справлялась, но возраст, сам понимаешь, старым одним жить тяжело!

Мы прошли в комнату. Людмила долго мне говорила о своей неспокойной жизни и не могла остановиться, пока в дом не зашел Борис Иванович.

—А сын где? — спросила племянница.

—Да уехал. Поздно уже…

—Ладно, нужно доить коз, вон, уже в окно заглядывают, — сказала Людмила, — совсем заболталась. Сеня, оставляю тебя на Борю. — Я поздоровался. Борис Иванович ответил мне, — пожав руку, бросил у входа на стул походную сумку, снял пиджак, повесив его на вешалку, затем отправился на кухню, помыл руки и уселся за стол. Я следовал за ним по пятам и устроился на табурете, рядом. Племянница взяла подойник и направилась на выход.

—Я быстро. Надоели уже, — сказала она о козах. Борис Иванович долго молчал, приходил в себя, затем поднялся, налил в чайник из крана воду и поставил его на горячую плиту.

—Все в горле пересохло, — сказал он. — То ли от долгой дороги, то ли от жизни такой несуразной? — Я покивал головой, в знак согласия: налетался когда-то и на самолетах, наездился в поездах, натрясся на автобусах, из памяти не вышибешь прошлые командировки по работе. Где только не побывал. Мне также при возвращении домой недоставало жидкости внутри организма, и я едва оказавшись у себя на кухне, набрасывался то на кофе, то на чай, а то глотал и обычную воду.

—Ну, вот и вода закипела, — сказал через некоторое время Борис Иванович. Из чайника распространялся характерный шум. Хозяин отключил плиту и принялся готовить напиток.

Людмила нас застала за чаепитием. Она появилась с подойником в руке и тут же принялась цедить молоко в трехлитровую банку: кувшины в наше время уже были не в моде.

—Всего три литра, — констатировала моя родственница, прогнав молоко через марлю, сложенную в несколько слоев. — Ну, да ладно. Как вы съездили в Рюковичи? — обратилась она к мужу. — Не тяни. Рассказывай! — И уселась рядом с нами за стол, налив в чашку заварки и кипятка. Затем, словно, опомнившись «мимоходом» посмотрела на нас и спросила:

—Молоко, кто будет? — и, приняв молчание за отказ, не удержалась: — Ну вот, так всегда. Один Владимир и пьет, да иногда внуки, немного продаю, — сделала паузу, затем продолжила: — Я тебе не говорила, да и не только тебе: мы держали все в тайне. Лет пять, а то и больше Владимир работал в Москве грузчиком: сахар развозил «по точкам» и поцапался с одним «черным». Так вот этот «черный» порезал его, сын тогда долго лежал в больнице, еле

оклемался, пришел в себя, теперь мучается с желудком, вернее тем, что от него осталось. Молоком только и спасается! — Нужно будет ему показать фоторобот. Чем черт не шутит, — подумал я, — вдруг он признает в портрете, присланном племянником Владиславом, своего обидчика.

—Ну, ладно, плесни мне немного, — попросил Борис Иванович, чтобы замять разговор о Владимире. Он не хотел вспоминать прошедшее. Хорошего в нем было мало. — Можно прямо в чай, — сказал мужчина и подставил посудину, затем размешав ложечкой содержимое в чашке и немного отпив принялся рассказывать о своей поездке. Говорил он долго, описывая все в мельчайших подробностях.

Умение Бориса Ивановича выражаться последовательно, не перепрыгивая через события, хорошим языком, я отнес на счет своей племянницы-учительницы русского языка и литературы. Он описал произошедшее событие ярко с эмоциями в мельчайших подробностях. Людмила, когда рассказ был окончен, даже вздрогнула. Так он ее поразил. Для меня слова Бориса Ивановича не были новостью: я о случившемся происшествии знал от Федора Михайловича Достоевского. Родственница Бориса Ивановича пострадала от хохла или же молдаванина. Он на автомобиле убегал от таможенников и на повороте, не вписавшись, «срезал» ее корпусом, зацепив при этом и стол с товарами, а еще продавца этих товаров — Козырь Оксану Игоревну. Конечно, я не стал себя выдавать, да и зачем, попробуй после объясни, откуда получил сведения, но слова Бориса Ивановича тронули меня. Он хотя и не был свидетелем, но сообщил о том, чего не говорил Федор Михайлович, —

передал точь-в-точь слова очевидцев, случившегося события: женщины — она стояла напротив, через дорогу у своего дома и старика, отчего-то на тот момент, выглянувшего из окна.

Мы долго молчали. Я, придя в себя, сообщил мужу племянницы о цели своего приезда: «мне завтра необходимо съездить в Брянск». Борис Иванович покивал головой и вдруг подскочил как ужаленный:

—И я поеду с тобой в Брянск, закажу тетке памятник. Она столько для нас сделала. А вдруг этот гад, который сбил людей, выживет? Пусть тогда раскошеливается и платит по счетам. А нет, так нет!

—Для тетки ничего не жалко! — поддержала Людмила мужа. — Кто теперь о ней позаботится, если не мы?

На следующий день я и Борис Иванович отправились в Брянск. Нас повез Александр на своей «семерке».

У меня в голове сидели мысли, что проблему решу быстро, но не тут-то было: старшего лейтенанта милиции Фокова на месте не оказалось. Я напросился в кабинет к начальнику ГИБДД Юрию Семеновичу Якушину. Он, выслушав меня, сообщил, что его сотрудник болен, но, принимая во внимание то, что я приехал из Москвы долго держал меня в городе, пытаясь вытащить Фокова на работу. Тот был очень хитрым мужиком и понимал, что его постоянно будут доставать, поэтому отключал на время, затем снова включал свой сотовый телефон.

Начальник ГИБДД дозвонился до него, когда смена подходила к концу. Розовощекий мордастый старший лейтенант милиции больным не выглядел, однако из-за того, что ему пришлось появиться на рабочем месте, приехал, злой и недовольный.

Андрей Юрьевич торопливо открыл обшарпанный

кабинет, буркнув мне, следовавшему за ним: — «Заходите», —затем, быстрым шагом прошел к рабочему столу и словно в автомобиль — плюхнулся на стул, отдышался, после чего принялся искать мои документы, шаря рукой по ящикам.

—Я веду ваше дело вместо майора Гришулина, командированного в Чечню. Да и не только ваше. Он уехал и все бросил, — сказал недовольно Андрей Юрьевич, поднял на меня глаза, не переставая копаться в ящике стола. — Вы, что приехали одни? А жена или кто она вам, а ребенок, почему они не прибыли вместе с вами? Вы все должны быть вот здесь у меня перед глазами. Все! — Старший лейтенант нервно побарабанил пальцами по столу. Я, без их присутствия не могу оформить протоколы.

—Валентина Максимовна, жена моего брата, — спокойно ответил я, пытаясь сбить с Андрея Юрьевича злость. — Мальчик ей приходится внуком. Не так давно, перед тем как отправиться в Брянск, я общался с вами по телефону, и ничего не услышал о необходимости их присутствия.

—Вы должны были об этом знать! — сказал Фоков и словно девица заморгал выразительными глазами.

—Я, что, только и тараню машины — фуры. Затем я совершил ДТП в какой-то мере по вине вашего майора Гришулина. Он, не глядя на плохие погодные условия, обогнал меня и другие шедшие впереди машины и все их остановил. Я понимаю, он гнался за преступником и видел его, в каждой машине, а уж остановить фуру с не работающими габаритами тем более имел право, — сделал паузу и продолжил: — Отчего он «тормазнул» ее прямо на дороге, а не прижал к обочине? Сейчас бы не было проблем…

Старший лейтенант пожал плечами, изобразив непонимание, и сообщил мне:

—Ничем не могу помочь! Приезжайте с этой, —запнулся, взглянул на бумаги и продолжил: — Валентиной Максимовной. Ребенка с собой можно не брать. Пусть мать даст доверенность жене вашего брата. — Я кивнул головой, и чтобы моя поездка была не в пустую, попросил Андрея Юрьевича продлить временное разрешение на вождение автомобилем, так на всякий случай, вдруг придется сесть за руль, чтобы перегнать «Ласточку» с одного места на другое. Однако Фоков не обладал такой возможностью и отправил меня к начальнику ГИБДД. Юрий Семенович Якушин уже успел уехать и я, подергав двери его кабинета, отправился с Борисом Ивановичем и Александром в обратную дорогу — в Дятиново.

Мое мероприятие провалилось. Было приятно осознавать, что хоть у Бориса Ивановича день не прошел за зря, — он удачно заказал памятник.

—Не переживайте, Семен Владимирович, завтра я приеду, и мы отправимся на бывший хрустальный завод. Там в гараже ваша машина, посмотрите, что с нею делать, — сказал Александр.

Рано утром раздался звонок в дверь. Я подумал: —Ну, вот и Александр приехал, нужно быстрее заканчивать с чаем.

Но нет, Борис Иванович отправившись открывать двери, вернулся с Владимиром, старшим сыном.

Я поздоровался.

—Может, чаю попьешь? — поторопился с вопросом к сыну Борис Иванович.

—Нет, я на минуту. Что там с бабой Лидой? — спросил

Владимир и ответил: — Отошла в мир иной. — Помолчал и задумчиво произнес: — Я тут поразмыслил и решил: раз у вас не получилось с бабой Лидой, я переду к вам с женой и ребенком. — Владимир поднял глаза на отца: — Зачем, мне платить деньги за съем квартиры? Деньги достаются нелегко, с работы меня уволили, вот собираюсь за ними в Москву отправиться.

—Мать, иди сюда, быстрее, — крикнул Борис Иванович и, увидев в проеме двери Людмилу, тут же сообщил ей: — Ты не слышала новость. Сын с семьей хочет перебраться жить к нам. Вот так!

—Ну, что мы прямо здесь, сейчас будем решать этот вопрос. Ты куда собирался? — обратилась Людмила к мужу и, не дожидаясь ответа, сказала: — Ну, вот и топай. — Затем она обратилась к Владимиру: — Время будет. Потом поговорим! — Неизвестно как бы отреагировал Владимир, но тут снова в двери позвонили. Это был Александр.

—Хорошо, я поеду, — сказал Владимир. На выходе Людмила, закрывая двери, мне шепнула:

—Не одно, так другое. Спокойной жизни у меня с Борей не будет и не ожидается. У них ведь маленький ребенок …

Александр подбросил старшего брата туда, куда он пожелал и повез меня на хрустальный завод. До его банкротства сын племянницы долго работал на нем, затем уволился и трудился мастером на «отпочковавшейся» фирме, занимающейся мелким строительством. Толку от работы не было. Зарплата то была, то ее по нескольку месяцев не давали. Все зависело от договоров и платежеспособности заказчиков.

Мой автомобиль стоял в гараже бывшего хрустального завода, арендованным фирмой Александра. Туда его он

вместе с моим братом Федором перегнал с места аварии.

Моя «Ласточка» была грязна. Мне пришлось повозиться и привести ее в приглядный вид, после чего я, изогнувшись, забрался на сиденье, вставил ключ зажигания и повернул.

—Ура-А-А, — закричал я, настолько громко, чтобы меня услышал сын родственницы,— двигатель работает. — Затем я снял машину с «ручника» и включил заднюю скорость. Автомобиль не двигался, передние колеса пробуксовывали. Я надавил педаль тормоза, переключился на «автомат» и дал «газку» и снова перешел на заднюю скорость. Но одно из задних колес машины заклинило и мне пришлось выезжать из гаража, давя на акселератор. Автомобиль, подпрыгивая, выкатился за ворота. Затем я поднял машину домкратом. Мой товарищ открутил колесо и принялся постукивать по барабану молотком, из него посыпалась ржавчина. Повозившись, мы сумели разжать тормозные колодки и заставили колесо крутиться. Одна проблема была решена.

—Семен Владимирович, теперь нужно помыть машину, по городу в таком виде не поедешь? — сказал мне Александр и принялся показывать дорогу. Он шел, а я следовал за ним на автомобиле.

—Вот здесь поставьте машину, — услышал я голос сына Людмилы и остановился на пригорке у небольшого здания.

Александр отключил аккумулятор и отправился вовнутрь, скоро вытащил через приоткрытую створку двери резиновый шланг. Затем сказал, что сейчас откроет воду, и снова нырнул в здание.

Я принялся готовить автомобиль к помывке. В это время ко мне подошел рабочий и попросил:

—Товарищ, уберите машину. Ну, вот сюда что ли поставьте, — он показал рукой, — а то зальете тут все, мне после достанется от начальника.

—Хорошо-хорошо! — ответил я и занялся своей «Ласточкой». При подключении аккумулятора автомобиль тут же отреагировал: включилась сигнализация. Я давил на кнопку пульта, все безрезультатно — села батарейка. Пришлось ее поменять. У меня была запасная. Затем, я снова принялся давить на кнопку, пока не избавился от резкого кричащего звука. Вздохнул и завел двигатель, однако при переключении скорости неожиданно снова отреагировала защита (возможно, отошел какой-нибудь проводок), и произошла блокировка бортовым компьютером коробки передач.

Добраться своим ходом я уже не мог. Для транспортировки автомобиля пришлось вызвать эвакуатор. Я поставил «Ласточку» во двор усадьбы своих родственников, накрыв ее сверху брезентом, который мне разыскал где-то в сарае Борис Иванович — муж Людмилы. Владимир, старший сын моей родственницы нашел мне мастера Сергея Самсона. Он приехал по его звонку на «Ауди» и, осмотрев машину, назвал приблизительную стоимость работ. Я согласился. Правда, чтобы отремонтировать «Ласточку» мне нужны были комплектующие детали. Здесь, в Дятиново приобрести их было невозможно, только в Москве.

Ночь, я провел в поезде и не только, мне удалось побывать у Андрея Пельмина в его резиденции. Она меня удивила. Это было никакое там здание или сооружение, пригодное для работы — черная дыра. Я даже не сообразил, каким образом оказался внутри. Мне достаточно было сделать шаг и уже там. Находясь в

резиденции Андрея, я понял, что означает выражение кромешная тьма. Выйти, так же как и войти в нее мне удалось незаметно для моего сознания. Мой коллега будто извиняясь, промямлил:

—Я еще тебя приглашу к себе, а сейчас мы отправимся к Василию Голвачову. Он ждет.

Мне было интересно познакомиться с земляком, хотя бы по причине того, что мои знакомые писатели много говорили о его «высотке», даже Федор Михайлович и тот был в курсе.

—Да, для такого сооружения, необходимы тысячи кусков энергии, и на содержание у Василия уходит прилично. Он сам раскрутился, — сообщил мне Пельмин, увлекая за собой. — Я о тебе лишь только заикнулся, он тут же пожелал увидеть. Сказал прямо: земляк о земляке должен не только слышать, но и знать.

Резиденция Василия Голвачова представляла собой огромный супертрасформер, который менял вид каждые полчаса. Внутри этого странного сооружения что-то гудело и двигалось. Металлические стены скрывали все происходящие в нем процессы.

Я зашел с Андреем Пельминым в кабину, и она тут же вначале мягко, затем стремительно понеслась в некуда, — определить направление движения не представлялось возможным, я это мог лишь только чувствовать, мой товарищ сказал:

—Сколько раз я бываю у Василия и не могу понять, что происходит в чреве этого монстра. — Пельмин постучал костяшками пальцев по стене. — Не могу! Хоть убей!

—Лабиринт какой-то трудно поддающийся описанию! — помолчал и сделал заключение: — Лабиринт, но не на плоскости, а в объеме. Двигаясь в нем, я испытываю

состояние невесомости, правда, не такое как в салоне самолета. Это что-то совершенно другое.

—Да, это так! — ответил Пельмин.

Нас долго носило по лабиринту. Мы вышли из кабины, слегка покачиваясь, и тут же я неожиданно вскрикнул, Андрей лишь вздрогнул, он был уже ни один раз шокирован Голвачовым во время прошлых посещений резиденции писателя и оттого с трудом, но сумел удержать себя в руках.

Перед нами за большим столом сидел огромный-преогромный моллюск — монстр со щупальцами. Они двигались. Правда, голова у него была хотя и невероятно большой, но человечьей. В ней угадывались некоторые черты писателя, известные мне по фотографиям в книгах.

Такое существо можно было бы сделать на компьютере. Для этого следует лишь изрядно повозиться, но то, что произошло после, изумило нас. Товарищ Андрея Пельмина поднялся из-за стола и, перебирая множество всевозможных видов — картинок, долго копался, пока не предстал перед нами таким, каким он был знаком тысячам своих поклонников. Голвачов обладал значительными запасами энергии, и мог, не хуже своего дома супертрансформера, изменят свое тело, без труда обращаясь в диковинных существ.

—Я, Василий, — сказал он просто и подал мне руку. Я пожал ладонь лопату и назвал себя. На этом церемония знакомства не закончилась: мой земляк предложил мне и Андрею Пельмину сесть за стол, — он тут же появился в обновленном виде, — а затем неоткуда писатель достал бутылку армянского коньяка и высказал пожелание выпить по рюмочке, за знакомство. Я согласился. А вот мой товарищ отказался:

—С удовольствием, но не могу, за рулем, здесь недалеко стоит мой «конь», точнее табун лошадей, закованный в металл, поймает ГИБДДэшник, водительские права заберет, не посмотрит на то, что я и известный писатель. Да и потом на дороге все может быть: хорошо, что Семен был трезв и вовремя среагировал, нажал педаль тормоза, а то прощай первая ступень. На второй он был бы теперь обычным персонажем. А жизнь обычного персонажа не завидная. Сколько народа пылится в наших запасниках, со временем сходя на нет. Это, конечно, не только наша вина. На первой ступени люди очень заняты, им не всегда хочется вспоминать об умерших. Вот и не вспоминают. Для того, чтобы здесь в нашем виртуальном мире быть писателем нужно проявить себя в реальной жизни. Ты, Василий, — сделал акцент Андрей Пельмин, — себя проявил, сам нашел вход в новый мир без помощи классиков. Ты, не мы. Тебе никто не помогал, никто, так ведь?

—Да, я сам проник на вторую ступень существования, и в этом нет ничего не обычного. Луканенко тоже сам по себе. Да и еще есть люди..., — он не стал говорить кто, сделал паузу и продолжил: — Что я хочу сказать? Мне, нелегко было достичь нужной высоты, пришлось постараться. Затем, находясь вот здесь, я не сразу понял, где я. Писатели фантасты, сам знаешь, что те Боги, — затем поправился, не следовало сильно преувеличивать: — Они обладают головой набитой фантазиями пусть и не в том количестве, котором обладает Создатель, но, тем не менее, способны проторять тропинки и даже что-то выдумывать оригинальное — свой неповторимый мир.

—Ну, да ладно, — прервал его Андрей, и Василий, решив, что разговор закончен, тут же поднял рюмку с

коньяком, я тоже. Андрей поднял бокал с минеральной водой «Затишинской».

—Пью вашу, брянскую из скважины глубиной 475 метров, — отрапортовал он и улыбнулся.

—Это мне тут один знакомый поставляет. Шустрый такой парень. Зовут его Олегом. Вы его, наверное, знаете, — наклонившись, шепотом на ухо, сказал мне земляк.

Мы чокнулись и выпили, затем еще раз и еще, пока я не отключился, отключился не в том понимании, что много выпил и потерял сознание, — нарушилась связь, контакт был неустойчивым. Видно место попалось такое. Находился ведь не дома, а в поезде. У меня было желание спросить у Голвачова, как он понимает вторую ступень существования. Мнение такого человека для меня было важно, но узнать не удалось. При отключении мелькнула мысль, что при следующей встрече я обязательно задам ему этот вопрос и еще спрошу о причине введения в одной из его книг героя под моим именем.

Поезд стоял. Я открыл глаза, выглянул в окно и увидел надпись на здании вокзала: «Гагарин». Здесь родился первый космонавт, может оттого и неустойчива связь, что вся энергия ушла на него. Я закрыл глаза и уснул. Утром я проснулся в приподнятом настроении. Однако во рту у меня было гадко. Проводник, сообщивший, что поезд прибывает, наклонился и отдал мне билет, при этом помахал у носа ладонью, так делают когда хотят понюхать неизвестное пахучее вещество или отогнать от себя неприятный запах.

—Товарищ, может, кофейку выпьете, еще успеете. Придете в себя, — сказал он. Я отказался, не понимая причины такого поведения проводника. Для того чтобы доказать самому себе, что не пил, я попросил соседа

сделать заключение. Он словно эксперт понюхал мой выдох и сказал:

—Да, вы выпили, да что там говорить напились, наверное, во рту бяка, хотя от вас пахнет дорогим коньяком.

Мне ничего не оставалось, сказать ему «спасибо» и задуматься. Этот случай знакомства с писателем фантастом Василием Голвачовым навел меня на мысль, что общение во второй ступени существования чревато последствиями при возврате на первую. Мне стали понятны слова Андрея Пельмина: «Я за рулем…». Уж он догадывался, что может случиться с ним после рюмки, другой коньяка, а я нет. Теперь знаю. Думаю, что Василий не собирался меня спаивать. Он из слов Пельмина был, как говорят, в курсе моего происшествия и при расставании пожелал мне ни пуха, ни пера. Я, шутя, послал его к черту, он сам на том настоял, наверное, собирался спуститься на миллионы лет в прошлое, на землю царствования динозавров и мои слова для него были кстати.

Из Дятинова я приехал с планом работ на ближайшие две-три недели. Мне необходимо было найти адреса фирм, продающих автозапчасти, и заняться их обзвоном, главное, чтобы детали при этом были недорогими и хорошего качества.

Часа три я лазал по Интернету, составил список и на следующий день взялся за телефонную трубку. Однако, дни шли, но толку не было, наверное, оттого, что я не желал ждать привоза деталей из-за кордона — на это могло уйти много времени, затем для меня было выгодно все купить в одном месте, а не по отдельности в разных фирмах.

Однажды, выискивая в Интернете новые адреса фирм автозапчастей, я впал в транс, и меня, словно, вихрем затянуло на мою Останкинскую башню на «седьмое небо». А что если я попрошу помощи у Коколева. Он разбил две машины, прежде чем перебраться на вторую ступень существования. Проблема у него была с первой. Интересно, как Алексей Григорьевич ее решил? — подумал я, и для приличия совершив круг почета по периметру башни, спустился на лифте на несколько этажей ниже, миновав «хоромы» четы Гадаевых. Я, открыл двери и зашел в помещение. На моем пути предстала Оксана Игоревна Козырь. Она лежала на кровати что спящая царевна. Да, в такую дивчину можно было влюбиться. Подруга Коколева была не только красавица, но и с характером, сильная.

Я подошел к Оксане. У нее из кармана торчал уголок конверта. Мне о письме говорил Федор Михайлович. Он невольно прочитал мои мысли. Ну, да ладно. Это все после, решил я, окинул взглядом девушку, и в голове мелькнула мысль, вот сейчас окликни ее и она откроет глаза, потянется, а затем, зевнув, встанет, как ни в чем не бывало.

Алексей Григорьевич сидел на диване, в состоянии забытья. Мне показалось, что он до того как я их покинул, находился на кровати рядом со своей подругой. Возможно, персонажи на второй ступени наделены частью энергии достаточной для спонтанного неконтролируемого передвижения, которое не было реализовано во время часов бодрствования. Я не стал выяснять. По совету Федора Михайловича я щелкнул пальцами, и Алексей Григорьевич открыл глаза. Я назвал время и Коколев тут же принялся что-то говорить. Он «пробивал» заказ: пугал

невидимого посетителя жарким летом. «Сейчас кондиционеры дешевые и если вы установите их у себя, сэкономите большую сумму, так что я вам советую...» — Алексей Григорьевич говорил с жаром, глаза у него блестели, мужчина при этом энергично жестикулировал, то есть здесь уместно применить слово — «впаривал товар» и, наконец, добился успеха. Для меня это было все не то. Я, ориентируясь на предыдущие сеансы общения, снова щелкнул пальцами и назвал новую дату. Алексей Григорьевич на этот раз просто бегал по помещению и что-то бубнил себе под нос. Я снова щелкнул пальцами. И что? Коколев, словно актер, принялся импровизировать давно состоявшийся разговор по телефону. Я вслушался. Это был звонок о задержке поставок кондиционеров. Было желание снова щелкнуть пальцами: изменить время, но вот до меня долетели слова: «да, не могу я приехать, не могу, я машину разбил. Я к вам отправлю Юрия Александровича. —Директор вскинул голову: — Юрий Александрович, хорошо, что вы сегодня вышли на работу, «разберитесь» с товарищем. — Коколев положил невидимую телефонную трубку на место и принялся обшаривать глазами и ощупывать руками невидимый огромный двух тумбовый стол. — «Юрий Александрович, вы не видели, здесь где-то лежала бумажка с адресом? — сделал паузу. — Ах, вот она. Так, — сказал Алексей Григорьевич — и назвал улицу, номер дома. — Юрий Александрович, вы здесь остаетесь за старшего, а я поехал. Нужно что-то делать с машиной, — сказал он. Мне снова пришлось щелкнуть пальцами. Мой подопечный тут же впал в забытье, завалившись на диване, а я вернулся на первый уровень существования. Передо мной горел экран монитора. По горячим следам я ввел в адресную строку

поисковика название фирмы, услышанной мной от Коколева, и тут же вышел на сайт, затем нашел ее адрес и номера телефонов. Не мешкая, я позвонил и заказал нужные мне детали, после чего, довольный собою поднялся из-за стола:

—Прекрасно, просто прекрасно, — сказал я сам себе. — Сегодня машина уходит в Латвию, и послезавтра то, что мне необходимо, будет лежать на складе, в Москве. Затем я забираю свои детали и отправлю их в Дятиново. Там ребята займутся моей израненной «Ласточкой». Так-так-так, — сказал я и принялся искать через Интернет транспортное агентство. Искал недолго. Неожиданно мне позвонила дочь Елена Прекрасная, поинтересовалась моими делами и, узнав о моей проблеме, и тут же предложила обратиться к Юрию Александровичу, своему молодому человеку:

—Папа, он теперь директор. Занимается установкой кондиционеров и еще, представляешь, успевает бегать на занятия в институт. Он даст тебе «Газель». У них там есть один работник Олег, кажется, так его зовут, тот с удовольствием смотается. Он твой земляк, из брянской области парень. — Снова Олег, — подумал я и задал вопрос:

—А что случилось с прежним директором?

—С Коколевым? — спросила Елена Прекрасная и тут же ответила: — Он разбился на машине! Лишил смысла жизни свою старую мать, оставил ее намного лет одинокой. Жалко, но что делать. — Я ахнул, неужели это мой подопечный, но смолчал и не стал рассказывать дочери об Алексее Григорьевиче. Мне трудно было объяснить ей, откуда я знаю об этом человеке, поблагодарив дочь, попрощался и положил трубку.

Через неделю я снова находился в Дятиново, встретил груз: «Газель» с деталями и поговорил с мастерами, они забрали мою «Ласточку» в ремонт. Мастерская находилась и далеко от дома Людмилы и близко. Далеко — это если добираться по хорошей дороге и близко по мосткам через каскад прудов, образовавшихся от запруд небольшой речушки, протекавшей недалеко от дома моей племянницы.

—Ну, можете быть свободным. Мы оценим стоимость работ и вам позвоним, — сказал мне Сергей Самсон.

Но я не мог быть свободным, уехать. До отъезда из Москвы в Дятиново, я договорился со страшим лейтенантом Андреем Юрьевичем, а еще с женой брата Федора —Валентиной о том, чтобы встретиться и оформить протоколы.

На следующий день к дому Людмилы и ее мужа Бориса подъехал черный «Крайслер». Мы вышли на улицу. За рулем сидел Владислав, рядом с ним довольная мать — жена моего брата Федора — Валентина. Она тут же вылезла из автомобиля. А вот ее сына, Людмиле и Борису пришлось долго уговаривать. Он мялся, прежде чем поднялся с кресла. Жена брата объяснила нам, что Владислав из-за неимения московской прописки был вынужден гонять свой «лимузин» для регистрации в Щурово. Мой племянник при этом хитро улыбался.

Он побыл не долго: попил с дороги чаю и тут же отправился в Москву, торопился. А мы не могли наговориться. Хорошо, что я взглянул на часы.

—Так, завтра нам очень рано вставать, пора бы и на покой.

—Да-да, — ответила Людмила. — Куда же мне вас всех положить? Придется воспользоваться частью дома,

выделенного для старшего сына. Он все-таки настоял на своем, и нам с Борей пришлось ему уступить. А что сделаешь? Сейчас там ремонт, но местечко для сна можно найти.

—Мы не прихотливы, — ответил я. — Нам бы лишь голову приклонить.

Рано утром, чуть свет я со свояченицей отправился на автобусе в Брянск. Дорога до города у меня и у Валентины заняла чуть более часа и часа четыре на поиски четырехэтажного здания ГИБДД из силикатного кирпича, у окон которого росли кедры. Эти кедры для меня были ориентиром. Александр сын Людмилы, их мне в прошлый раз показывал и говорил, что больше нигде таких деревьев нет. Они из его слов были посажены в честь погибших в Чечне милиционеров героев. Нашего героя в кавычках на месте не оказалось. Он прибыл во второй половине дня, не извинился, при этом выказав своим поведением непомерную загруженность работой. Оформлял бумаги в суматохе, ни один раз куда-то отбегал, при этом нас просил выйти из кабинета, дверь закрывал на ключ, мимоходом меня пугал:

—Семен Владимирович, ждите худшего. Водительские права у вас заберут, вот попомните меня, попомните. — Я про себя говорил: типун тебе на язык и думал дать ему тысячу, другую или обойдется.

Из ГИБДД мы вышли в конце рабочего дня. Валентина тут же мне сказала:

—Этот как его? — Андрей Юрьевич, наверняка, хотел от нас денег?

—Да, я тоже так понял. Но побоялся дать. Вдруг он бы вызвал сотрудников и уличил нас во взятке. Ему повышение, а мне только хуже. Пусть, что будет, то будет.

Я смотрел статью. Штраф. Никакого лишения. Эти его слова для того, чтобы я дрогнул и полез в карман за кошельком…

В тот же день я посадил жену брата на автобус в сторону Щурово, а сам отправился на железнодорожный вокзал, торопился уехать в Москву. Что мне было приятно сознавать: мою машину забрали в ремонт, а дело о дорожно-транспортном происшествии через день-другой отправят в суд.

Из Брянска на Москву поезд шел поздно вечером. Я взял билет и после нескольких часов ожидания забрался в вагон. Настало время, — смежил глаза и увидел, как молилась за меня мать. Она ни чем не отличалась от миллионов матерей, просящих у Бога за своих сыновей, дочерей. А еще я слышал стук вагонных колес и видел блики света за окном. Даже после того, когда я неожиданно куда-то провалился, световая карусель не исчезла, изменились ощущения. Скоро я смотрел в окна «седьмого неба». Темнело. Мне необходимо было посетить своих подопечных. Я торопился к ним, желал видеть чету: Тимура Аркадиевича и Ирину Павловну Гадаевых, Алексея Григорьевича Коколева и Оксану Игоревну Козырь. Мне не терпелось воспользоваться советом Федора Михайловича.

Я решил их собрать всех в ресторане, правда, до этого, щелкнув пальцами, поднял Козырь с кровати и попросил ее достать из кармана конверт, вскрыть его и прочитать письмо, вначале мне одному. Девушка могла быть не только мягкой. Это я знал, но не ожидал, что Оксана, вдруг выйдет из себя.

—Не уважаемый Егор Тимурович, иначе к вам обращаться я не могу, — резко начала она по слогам. —

Вы не заслуживаете иного обращения....— Прослушав до конца это послание, я набросал сценарий и уж после провел встречу наверху, в своей резиденции — на «седьмом небе».

—Вы, все здесь собравшиеся, знакомы друг другу, никого представлять не надо? — сказал я и обвел глазами своих подопечных. — Тимур Аркадиевич и Ирина Павловна, Оксана Игоревна переписывалась с вашим сыном. Она прочитает сейчас одно письмо, вы его послушайте, затем ответьте ей. Я понимаю, что это письмо адресовано не вам, а сыну. Он ваша кровиночка, вы его хорошо знаете, — я остановился, хотел поправиться сказать «знали», но махнул рукой не до грамматики здесь, продолжил: — Что вы нам скажете о его поступках. — Оксана Игоревна принялась читать. Чета Гадаевых слушала и молчала. Я посмотрел на Тимура Аркадиевича. Он хватал ртом воздух, словно, рыба. Мне ничего не оставалось, перевести взгляд на Ирину Павловну. Тот же результат. Коколев не выдержал и тут же взял слово:

—Что внук, что дед. И тот и другой предатели. Они предали устои той жизни, которой много лет жили: один — Российской империи, другой — Советского союза. Теперь новая Россия растит нового предателя. Он еще не вырос, но уже где-то родился. Новые поколения людей познакомятся с ним. Он будет не хуже вашего отца или же вашего сына, не хуже!

—Я, да будет вам известно, прожил честную жизнь, — поспешил ответить Тимур Аркадиевич, — и моя жена тоже!

—Все это «промежуточный материал», — тут же вставил реплику Алексей Григорьевич. Оксана Игоревна до поры до времени не вмешивалась, слушала. Но стоило

лишь Ирине Павловне вступить в разговор на защиту своего сына, Козырь с новой силой налетела на реформатора:

—Тоже мне специалист — экономист со словами: «я знаю как». Знает он. Обобрал весь народ, сделал его нищим!

Тут же начался галдеж, и я был вынужден щелкнуть пальцами, чтобы это безобразие прекратить. Наступила тишина.

Я уселся за компьютер и принялся писать речи своим подопечным, исходя из того, материала, который стал мне известен.

Андрей Пельмин, тот бы слова, как я, кропотливо не подбирал, употребил бы все, что услышал, да еще и от себя прибавил крепких, ядреных с матерком. А затем при прокрутке громко посмеялся бы, заглядывая на краснеющие от стыда лица бывших советских интеллигентов.

Я сделал запись и снова щелкнул пальцами, и снова дал возможность разыграться ссоре, и снова остановив бурные эмоции, долго формулировал предложения. Работал до тех пар, пока не достиг нужного мне результата. По-отдельности с каждым из подопечных я прошелся по написанному тексту, и затем прогнал всю сцену без задержек.

—Неплохо, неплохо, — сказал я сам себе, теперь можно и к Федору Михайловичу Достоевскому отправляться. Наверное, он меня уже ждет.

Глава 18

Достоевский меня ждал. Я и представить себе не мог, что там, у него все будет совершенно по-другому и мои «репетиции» не особо значимы. В действе найдет место всего лишь один мой эпизод. Однако та работа, которую я проделал, давала мне опыт режиссуры, что для меня было важно.

Закончив прогоны, я изъявил желание оповестить о том Федора Михайловича, было достаточно одного моего порыва, и до меня тут же донесся негромкий сухой голос классика:

— Я жду вас Семен Владимирович. У меня все готово к приему. Господа, собрались и какие господа!

—Хорошо! Сейчас буду, — сказал я, отчего-то поднял руку, затем энергично с большей, чем обычно силой щелкнул пальцами, тут же произошло чудо — перемещение. Вместе со мной у дверей дома классика оказались Гадаевы, Коколев и Козырь.

Федор Михайлович стоял у порога, принимал гостей. Он с улыбкой открыл двери и, посторонившись, первыми пропустил нас вовнутрь.

—Здравствуйте господа, заходите в мой дом, — торжественно произнес Достоевский и повел нас в гостиную — огромное помещение. Что мне бросилось в глаза: рядами стояли стулья, на них сидели люди, несколько в стороне, особняком Государь, Ленин, Сталин, Ецин, Гадай, Губачева — бывшая первая леди уже несуществующей страны — СССР. Рядом, возле элегантной женщины находился «пустой» стул, не хватало ее супруга: лысоватого человека с черным пятном

Диавола, он пока был недосягаем, но «серый кардинал» — его идеолог присутствовал, и не только он, но и другие участники грандиозных изменений мира, все сидели на отведенных им местах.

Мои подопечные разместились на свободных стульях среди людей, составляющих большинство. Я проводил их глазами и вдруг увидел знакомый мне силуэт человека в черной шапочке натянутой на широкий лоб, приплюснувшей уши. Он мелькнул и спрятался за спинами людей.

—Федор Михайлович, Федор Михайлович, это кто? — не удержавшись, задал я вопрос.

—А-а-а это? Грузин. Я о нем вам говорил. Это тот тип, который в Фовичах вырезал русскую семью. —У меня было желание подойти и сдернуть шапочку, заглянуть ему в лицо, но я не мог этого сделать, так как шел следом за Федором Михайловичем. У него для меня было отдельное место.

Я оказался не единственным писателем, приглашенным на действо. На диване сидел недавно почивший метр, почесывая свою бороду; увидел я и знакомых уже мне людей Андрея Пельмина, Василия Голвачова, и своего наставника Ивана Сергеевича Тургенева. Незнакомый мне человек тут же поднялся со стула и назвал себя. Это был Игорь Луканенко. Федор Михайлович шепнул мне, что в скором времени должен подойти и граф Лев Николаевич Толстой. Наверное, задерживается, дела не пускают или же Софья Андреевна — супруга «расшалилась». Для него было оставлено массивное кожаное кресло. Я поприветствовал гостей классика, уселся на предложенный мне стул и стал оглядываться.

—Семен Владимирович, видите там, у окна, несколько левее четверо русских парней?

—Да-да, вижу, — ответил я.

—Это прибыли за несколько часов до нашего мероприятия из одного Карельского городка Кондолога. Там в конце августа 2006 года разыгралась жуткая трагедия. Ребят зарезали кавказцы, набросились на них с криками: «Аллах Акбар» и начали наносить острыми ножами удары. Жутко.

—А рядом кто это? — задал я вопрос.

—Тоже жертва кавказцев. Один из футбольных болельщиков. Был убит в 2010 году. За него на манежную площадь вышла вся Москва. С трудом удалось удержать в городе покой. Одно мгновение и русские поднялись бы. Кое-где мелькали знамена с фашистской свастикой, а ни какой-нибудь там стилизацией. Вот так. Это дело на самотек пускать ни в коем случае нельзя. Я думаю, что нам удастся разобраться в разногласиях, которые вызывают фашистские настроения у наших людей. Не зря здесь на заседание собрались люди разных эпох, национальностей и поколений.

Я огляделся: из гостиной была убрана вся ненужная для данного мероприятия мебель; фортепьяно, однако стояло. Я представил заседание заговорщиков из «Бесов» Федора Михайловича для конспирации, разыгрывающих праздник — именины. За инструментом сидел господин Лямшин, больше не кому. Неожиданно для присутствующих он, взглянул на женщину, — это была Арина Прохоровна, и неистово принялся бить по клавишам. Какофония какая-то, не музыка. Из зала кто-то не выдержал и закричал:

—Да уймитесь вы, уймитесь, перестаньте барабанить!

Тут люди собрались дела великие делать, — Музыка также неожиданно как началась, — прекратилась. Я приподнялся со стула и посмотрел, кто это мог сказать и увидел Черного человека и про себя хмыкнул: «Тоже мне великие дела — взрывать с людьми дома, самолеты, поезда в метро и наземные составы, следующие, например, из Москвы в Санкт-Петербург. Ради чего?

—Я же говорил, ни кто нас не подслушивает, да и окна в доме очень высоки, — выкрикнул Лямшин, находящейся рядом Арине Прохоровне. — Зачем нужна эта музыка?

Другой голос из зала предложил вотировать заседание, для чего выбрать президента и тут же назвал кандидатуру Государя. Егор Гадай, словно ужаленный пчелой в мягкое место, резко подскочил на стуле и что есть мочи закричал:

—Я предлагаю Ецина! Он тоже лицо знатное, хотя будет и из простых людей. — В зале все засмеялись:

—Как это лицо знатное, но из простых? — тут же спросил Николай Всеволодович Ставрогин. — Такого быть не может. Или барин или холоп, вот и все.

—Господа, хотите чаю? — спросила, войдя в зал, женщина в сарафане и высоком чепце.

Я узнал ее. Не помешала даже напяленная на нее крестьянская одежда, хотя если ее переодеть в современный костюм она соответствовала бы изображениям на фото, которые мне показывал Борис Иванович, муж племянницы Людмилы.

—Как ее звали? Ах, да! Лидия Сергеевна! Это на нее наехала машина, управляемая хохлом или молдаванином. За ним гнались таможенники, и он, обезумев, неистово давил на педаль газа.

—Господа, хотите чаю? — снова повторила Лидия Сергеевна.

—Дайте, и сливок добавьте, — раздался из зала чей-то голос.

—Кому дать?

—Мне, Николаю Всеволодовичу Ставрогину.

—А я бы коньяку выпил, — сказал персонаж Верховенский из того же произведения Федора Михайловича — «Бесы».

—Кто желает, чтобы было заседание, предлагаю поднять руку вверх, — громко выкрикнула Арина Прохоровна.

—А может, кто-то и не хочет заседания? — это был не Ставрогин. Возможно, Вергинский. Я не достаточно хорошо ориентировался в лицах и мог ошибиться.

—Господа, мы выбираем президента, и я уже предложил кандидатуру Ецина. — громко сообщил в зал Егор Гадай. — Давайте проголосуем. Кто «за» — поднимите руки. — В зале зашумели, но поднимать руки «народ» не торопился.

—Я, предлагаю Ленина, — высказал свое мнение Феликс Эндмундович Дзержинский и почесал маленькую бородку. Он тоже оказался в этом зале.

—Если вы за Ецина, то руку нужно поднять или не поднимать, — спросил кто-то из присутствующих.

—И я не понял, когда руку нужно поднимать? — высказал свою неосведомленность один из персонажей Федора Михайловича.

«Народ» загалдел, но тут вмешался хозяин дома и щелкнул пальцами, — словно перемотал часть пленки. Правда, тихо не стало, но мероприятие сдвинулось с места: в центре зала стояла Губачева Раиса Максимовна и говорила о своем муже. Я догадался: она предлагала его кандидатуру. Рядом прыгал что тот мячик Егор Тимурович

Гадай и всячески мешал ей:

—А где твой Губашлеп, где? Нет его здесь. Нет. Он только болтать и мог, хорошо болтать. Отъявленный брехун. А как дошло до дела, так он сразу же и в кусты, то есть укатил в свой Форост. Я и Ецин. Мы все сделали. Мы… — Гадай закашлялся и затих.

—Товарищи, вызовите сюда Яколева. Он был идеологом всего мероприятия — перестройки страны. Его слово закон! — выкрикнула Раиса Максимовна. — Мы обязаны его непременно выслушать. Даешь, Яколева, Яколева!

—Этого бы идеолога да как гниду, к ногтю. Раздавить, товарищи, раз-да-вить, — по слогам произнес, прятавшийся за спинами Черный человек, — да и Пончика тоже, не мешало прижучить, — оттолкнув Егора Тимуровича Гадая неожиданно громко закончил он свою речь и снова на время исчез за спинами людей. Исчез, но не для моей подопечной Оксаны Игоревны Козырь. Она его видела и тут же поддержала. Гадай, мячиком прыгал у нее перед глазами, то, открывая Черного человека, то, пряча его. Коколев Алексей Григорьевич пытался успокоить свою девушку. На миг она затихла, пока копалась у себя в карманах, затем достала известное мне письмо, развернула исписанный лист бумаги и снова открыла рот:

—Я сейчас тебе прочту, я прочту! — сказала Оксана Игоревна, обращаясь к Егору Гадаю. —Ты, наверняка, не удосужился прочитать мое последнее послание. Да и не известно читал ли ты мои предыдущие письма: народная правда может и глаз выколоть.

—Что это еще за глупости, — с запозданием и со злостью в голосе сказал Ецин. — Что это еще за глупости. Мы же условились — все здесь господа, даже нищие, но

господа. Я на танк у «Белого дома» забирался ради чего? Чтобы все стали господами, все, без исключения, — и он попытался щелкнуть пальцами, но не удержался и упал.

Николай Всеволодович Ставрогин нехотя засмеялся и спровоцировал смех зала. Некоторые из присутствующих на заседании просто покатывались. Федор Михайлович снова вмешался в процесс и навел порядок.

—Господа, вы знаете из истории, что Николай второй он же кровавый, зачем нам избирать президентом такого человека?

А Губачев, а Ецин они разве не кровавые? Люди, вспомните погромы в Сумгаите, саперные лопатки на головах граждан Тбилиси. Танки в Вильнюсе, захват телебашни, а затем, что творилось в Москве, а? А Приднестровье, Карабах, Фергана, Баку и снова Москва, да и многое-многое другое… Мало они загубили людей своей свободой? Зачем отпустили вожжи «русской тройки» на крутой опасной дороге. Несись куда хошь! Хошь с обрыва в пропасть, разбивайся, так что ли? Вот и разбились! — Выкрикнул из зала голос.

Я поднял глаза, но человек их говоривший исчез, будто его и не было. Это был Черный человек. Он явно желал жить в Союзе и мстил стране, которая отторгла его маленькую республику от себя. Душа его желала широты, той, которая была возможна в СССР. Он не нашел того чего искал в усеченном пространстве новой России, оттого и мстил. — Один предатель, другой властолюбец, — выкрикнул Черный человек, я увидел, как он потянулся рукой к голове, — думал, сейчас снимет шапочку и даст себя опознать, но нет, ошибся, грузин лишь почесал затылок и продолжил: — Для того чтобы порулить страной Ецин в Беловежской пуще собрал выродков и за бутылкой

они все порешили. По воспоминаниям одного из его телохранителей Ецин подошел к карте России, обнял ее руками и развязно произнес: «Ну, теперь надо мной никого нет!» Вот бы его, Бурбулкина, Гаврилина, Старовую, Явлинова, Чубаса да и многих других лукавых приспешников, да поставить к стенке, проблема тут же была и решена. Но предателю Губачеву это было уже не выгодно. Он получил от Запада и Америки свои тридцать серебряников и оттого тут же заключил с Единым мир, уступив место у руля страны.

Наступила минутная тишина, и тут же раздался голос Коколева. Он не желал, чтобы возглавлял собрание кто-то из его современников:

—Николку, Николку в президенты. Он пострадал из-за того, что не мог поступиться христианской православной верой. Он и прав, он и виноват! Одной рукой царь отправлял солдат, чтобы они расстреливали народ, затем, убоявшись Господа, тут же другой — неистово крестился. И как крестился…

—Это, как в книге Максима Горького есть такой персонаж Булычев, он говорит, если я украл, да церкви дал, я не злодей, а праведник, — выкрикнул кто-то из зала, спрятав лицо. Правда была колючей. Это поняли многие, но отчего-то большинством голосов был избран Государь Николай второй. Он, чинно встал, слегка склонив голову, поблагодарил присутствующих и уселся в кресло. Егор Тимурович Гадай и еще некоторые люди из зала были недовольны и ворчали. Ецин, поднявшись с пола и устроившись на стуле, кому-то рядом доказывал о необходимости раздела страны:

—Кто из политиков, в то время мог удержать страну в рамках — границах бывшего СССР? — ГКЧП? — он

помолчал и сделал заключение: — Да никто! Меня винить не за что. Значит, так должно быть!

—Сволочь! «Берите свободы, сколько проглотите», держи карман шире! — прошептал Черный человек, скрывавший свое лицо. Следом за ним, перекрывая его шепот, голос четко произнес:

—Должно так быть? Да я тебя, ишь ты, должно! Не должно! Мы голосовали на референдуме за целостность страны. Хотя Губачева Михаила Сергеевича Запад и Америка тогда уже купили, и он готов был сдавать территории. Развал страны был необходим ему для смены строя — перехода от социализма к капитализму. Я помню, он орал в телевизоре, из динамиков радио, в толпах народа на улицах, фабриках и заводах, пропагандируя Яколевскую перестройку, ходил весь в лучах славы, как дурачок, опьяненный похвалами, — четко произнес тенор из зала. Так мог сказать лишь только Лигачев, но этого политика на втором уровне существования еще не было. Да и голос у него был ниже и жестче. Тот же тенор снова произнес: — Ему бы вас, Кравчика и Шушкина в тюрьму, а затем отдать под суд, не простой, а суд народа.

—Да-да, — послышался твердый голос Государя, — мешок на голову и тому, и другому, и третьему, и на эшафот. — Федора Михайловича эти слова заставили передернуться: — Они, цари все такие. Им бы людей вешать, расстреливать, да морить в тюрьмах, — услышал я его голос. — Вот тебе и христианин. Вот тебе — «и прав, и виноват».

—Армия была сильна, — снова ворвался в зал тенор. — Она не позволила бы развалить страну, не позволила, но эта сволочь подсказала, что и как, затем устроила на виду у всего мира позорную посадку самолета с немчиком на

красной площади, заметьте, неслучайную, а спланированную, для того чтобы развязать Губачеву руки: тут же «полетели головы» из высшего командного состава. Повесили маршала Ахромеева, дали в руки пистолет генералу Власову, других противников и непредсказуемых людей, имеющих свое мнение, уволили. Обстановка в стране стремительно накалялась и вот Яколев, боясь предстоящего съезда на котором Центральный комитет готовился снять Губачева посоветовал создать ГКЧП — отдушину для народа, ее заметьте, создали инициаторы перестройки. Сам Губачев постарался, руку приложил. Я думаю, была еще одна причина — попугать Запад и Америку. Генеральный секретарь КПСС пожелал еще дополнительных серебряников, и они дали их ему, и давали много раз даже Ецину носили чемоданами «зеленые», а он после говорил в своих выступлениях-отчетах, появившись перед телезрителями: «Не знаю, куда четыре миллиарда долларов делось, не знаю. Транш — тю-тю. Вот так!» —Тенор многое еще хотел сказать, заикнулся об Уренгое и диверсии иностранных специалистов, заведомо разработавших ущербную программу запуска второй ветки газопровода. Его ввод позволил бы увеличить вдвое приток валюты в страну. Затем он упомянул о Чернобыльской трагедии и о стремительном падении цен на нефть. Дядя Сэм постарался, — съездил на Ближний восток и где надо надавил, угрожая ядерным оружием.

—Все это было спланировано и произошло не в одночасье, но в итоге вызвало в стране экономический кризис, — констатировал тенор, хотел еще что-то сказать, но тут поднялся хохол или молдаванин и сказал, что все эти Губачевы, Ецины, Гадаи, да и не только они — сволочи! Затем я увидел Черного человека и вздрогнул.

—Сними шапочку, сними шапочку, — шептал я. Мне не терпелось его опознать.

Но изверг не снял, а принялся во все горло кричать:

—Да-лой! Да-лой! Да-лой!

Народ из зала тут же подхватил слова Черного человека. Среди скандирующих людей, Федор Михайлович показал мне жертвы из Фовичей этого изверга: несчастную молодую женщину и ее мужа. Рядом возле них отчего-то недоставало старой матери, а еще погибших от его рук детей. Достоевский объяснил, что они вознеслись в Рай. Я тут же попытался обратиться к Евангелию и припомнил слова, указывающие на то, что однажды и убийцы и их жертвы будут стоять рядом. Вот они и стоят. Что их примирило? Смерть!

Из массы народа вверх тянул руку Шигалев, персонаж книги «Бесы». Но, кто его видел, кто его слышал? Никто. Народ скандировал. Он, однако, не хотел остаться для истории не замеченным. Зачем тогда ему было появляться на этом заседании. Человек готовился к нему: штудировал книгу, не чужую — свою. Он написал ее для того, чтобы поразить русский народ новым мироустройством. Шигалев желал возвыситься над массами. Не дождавшись приглашения, он неожиданно резко выкрикнул: — Прошу слова! — Кто-то, с натугой, перекрикивая аудиторию, ответил ему: — Имеете право! — Наступила тишина и персонаж «Бесов» тут же, принялся говорить о созидателях общественных систем с древнейших времен до настоящего времени, называя Платона, Руссо Фурье, обозвав их мечтателями, сказочниками, а затем глупцами, противоречащими себе, он принялся объяснять свою версию. Одну из самых новых-преновых.

—Эта новая форма устройства мира нужна теперь, —

заявил Шигалев, — мир испытывает в ней необходимость, и я предлагаю ее. Для изложения мне необходимо десять вечеров — столько глав содержит моя книга. Отсюда я в отчаянии… Не знаю господа, как это все вам подать!

Зал затих. Вместе с тишиной начал гаснуть свет, будто кто-то медленно поворачивая ручку трансформатора, планомерно снижал напряжение в сети. Еще мгновение и наступил бы кромешный Ад, но нашелся человек желавший Ада, однако не таким образом, ему непременно нужно было продлить агонию. Не единожды звук и свет должны были глохнуть и гаснуть, а много-много раз.

—А мне понятно отчаяние Шигалева! Выходит все дело в его отчаянии. Я предлагаю вотировать, нужно нам слушать все это или же нет! — выкрикнул Вергинский и продолжил: — Тут господа не то-с, не то-с. Господин Шигалев предан своей идее. Мне известна книга Шигалева. Он в ней предлагает разделить человечество на две неравные части. Одна десятая доля — я тут же все понял: это, например, Чечня, или Татарстан, или северная Осетия… — применительно к России, а если к СССР, то могла быть Латвия, или Литва, или Эстония, или Грузия, … — получают свободу личности и безграничное право господства над остальными, девятью десятыми. Ясно, что другая большая часть — это русский народ — должна потерять, обратиться как бы в стадо, достичь первобытной невинности, то есть равного положения, — сделал ударение Вергинский, затем продолжил: — работать, однако будут, — остановился и повторил последнюю фразу, слегка ее изменив: — работать, однако, будут и должны, — затем громко напыщенно засмеялся и долго не унимался.

—А вот тебе, накоси-выкуси, — выставил перед носом

Вергинского кукиш, дохлый мужичонка, одетый в обшарпанную телогрейку, на голове у него была шапка с торчащими, во все стороны неуклюже завернутыми ушами. Он хорохорился и не унимался: — На что мы свободу завоевывали, коммунистов сгоняли, а? На что? Нас теперь уже работать не заставишь ни под каким условием. Не за-ста-вишь! — по слогам произнес он последнее слово. — Да и не должон русский человек работать. Гусь, ты лапчатый. Лозунг: «Кто не работает, тот не ест» — не для нас — это для Европы. Я уже давно для себя нашел другой: «Кто не работает, тот пьет!». Вот так! — Неизвестно как долго бы распинался перед барином этот пьяница, однажды замерзший по пути домой из кабака, если бы его своим плечом не отодвинул Шигалев.

—Я, предлагаю русскому народу Рай, Рай, понимаете, вы это! — закричал он, широко открывая рот: — Рай, этим девяти десятым, за счет их равного положения между собой. Рай, для большей части людей! — и он поднял вверх указательный палец, чтобы привлечь внимание аудитории, ища приверженцев среди толпы народа.

—Чушь какая-то. Я бы вот этих девять десятых взял бы и взорвал, а оставил бы кучку людей образованных и стал с ними жить поживать! — раздался голос Ставрогина, а может и не его, я не заметил, так как разглядывал своих сотоварищей писателей: Пельмина, Луканенко, Голвачева, пытался определить их реакцию на происходящее. Кресло, оставленное Достоевским для Льва Николаевича, все еще пустовало. Мне хотелось хотя бы издали посмотреть на этого «человечища». Одного голоса для меня было недостаточно. И то, что он отсутствовал, угнетало меня.

—Вот, это правильно! Вот, правильно! — задребезжал голос другого оратора. Он имел неприятный акцент.— Я

тоже бы взорвал их всех, в их гнилых домах, в самолетах, в метро, в поездах, и все оттого, что они не в состоянии изгнать своих кровопийц, тиранов, готовы на них работать и им покланяться, — крикнул Черный человек и захохотал громко и пронзительно. На голове у него была шапочка. — Это они со своим Единым оттолкнули нас. Мы, видите ли, чучмеки, чурки не обтесанные, черные. Мы и будем для них черным возмездием. Будем, — выкрикнул Черный человек, и его фигура неожиданно завибрировала, Амплитуда колебаний росла, и скоро я заметил, что он подобно колоде карт вбирает в себя множество лиц. Где-то недалеко от Гадаева Егора Тимуровича мелькнул еще один Черный человек и тоже в шапочке. Он тоже громко смеялся и вибрировал, двоясь, троясь.... Затем еще. Отчего многим присутствующим в этой гостиной стало страшно. Я в упор взглянул на президента. Государь крестился и говорил: — Свят, свят, свят. — Черные люди уже не прятались. Их становилось все больше и больше. Они множились. Каждый из них вбирал в себя всех тех людей, которых он однажды послал на смерть и те, совершив теракт, взяли с собой других, оттого он вначале раздвоился затем вместо двух, появлялось три человека, четыре, пять.... Гостиная заполнялась подозрительными личностями. ГИБДДэшник майор Гришулин, тоже присутствовал на второй ступени, так как при проверке документов на дорогах Чечни нарвался на сопротивление и, приняв неравный бой, был расстрелян из автомата. Он хватался за невидимую кобуру и готов был пустить в ход табельное оружие, хотя свою задачу уже выполнил: пристрелил нескольких черных людей. Рядом с ним топтались русские мужики из карельского городка Кондолога. Да и футбольный болельщик не отставал, готов

был занять оборону. Назревало что-то непонятное.

Я увидел, как поднялся Игорь Луканенко. Он держал в руках ноутбук и торопливо вносил изменения в свою последнюю книгу о проходах через башни-таможни в новые миры и о людях контролирующих этот проход, добиваясь невозможного. Писатель довольно быстро взял усадьбу Достоевского в кольцо, построив из красного кирпича башню-таможню при этом, заменил одну из стен дома. Я уставился на эту стену и увидел, что на ней проявляются двери. Одна из них вдруг резко с шумом распахнулась настежь. Народ тут же с ужасом отхлынул от нее в стороны.

—Они, — эти черные люди, здесь, — на второй ступени существования плещутся, ну, что те рыбы в воде, — прошептал классик. — Провокаторы проклятые! — Затем до меня донеслись слова: — Да-а-а, история повторяется. — Оглянулся чтобы увидеть кто это сказал, но тут неожиданно для собрания пронзительно закричала Ирина Павловна Гадай:

—Не виноват, не виноват мой сын! Не трогайте его, не трогайте! Оставьте моего мальчика в покое! — Голова толстенького, как пончик господинчика мелькнула и исчезла в разбушевавшейся толпе черных людей.

—Мать, что сделаешь? — прокомментировал я страстный голос женщины. — Для страны Егор Тимурович Гадай — это «Павлик Морозов». Правда, этот «Павлик Морозов» ее сын и как сын он ей дорог и, оттого, конечно же, не причем!

—Павлик, Павлик, может Павлов? — хмыкнул Андрей Пельмин. — Был еще один такой реформатор… Не забыли!

—Да, знаю я этого Павлова. Масло было три рубля пятьдесят копеек, а вот когда он пришел, то стало стоить,

аж пятьдесят рублей, — сказал Василий Голвачов, лишь для того, чтобы обратить на себя внимание и не прозевать важный момент. Луканенко заметил его и махнул рукой. Мой земляк тут же подхватился со своего места и принялся наблюдать, за происходящими событиями стоя. У него были готовы к использованию кибернетические пауки и специальная «башня времени» или ствол, не знаю как лучше сказать для перемещения множащейся аудитории черных людей в прошлое, например, к динозаврам в мезозойскую эру или еще куда-нибудь.

Алексей Григорьевич Коколев находился рядом с Оксаной Игоревной Козырь. Они, крепко сцепив руки, препятствовали Черному человеку и его приспешникам из книги Федора Михайловича Достоевского «Бесы», захватить аудиторию. Молодые люди громко скандировали:

—Да-лой, да-лой, да-лой!

—Федор Михайлович, это что, никак суд времени? — шепотом спросил я у классика, наблюдая со стороны представление.

—Да, Семен Владимирович. Правда, запоздалый суд. Я в этом мероприятии ищу объяснений, мне не терпится понять, когда равенство наций, которое пропагандировалось еще русской интеллигенцией, в мои времена, было нарушено до такой степени, что наверх вылезли националисты.

Классик умело расписал роли и сделал несколько прогонов, о чем сам мне до начала этого действа сказал. Заседание должно было проходить гладко, оно вначале и проходило без крика и шума, но вкралась какая-то ошибка. Достоевский вдруг неожиданно это почувствовал. Данное обстоятельство стало заметно и метру литературы, и даже

мне — оно холодило нутро. Словно перед грозой. Ни как не после, когда дышится легко и свободно. Федор Михайлович не зря ерзал на стуле, беспокоился, неожиданно у него в руках появилась железная ручка, та, которой он писал, а тыльной стороной утрамбовывал папироски. Он крутил ее — нервничал. Она вдруг вырвалась, упала на пол и покатилась. Пространство гостиной заполнялось тревогой: подобно грому с неба, состояние неуправляемости могло обрушиться в любую минуту и взорвать хрупкий мир усадьбы классика. Это будет крах. Шум в массах нарастал, но пока стрелка не зашкаливала — децибел шестьдесят, семьдесят, вот сейчас восемьдесят… Нагрузка на уши была терпимой. Рок музыканты и сто двадцать дают своими инструментами — легкие, ну прямо как жесть дрожат.

—Да-лой, да-лой, да-лой! — скандировал зал. Резкий голос, переходящий на визг, что у того певца Витаса — неожиданно появившегося на подмостках — сцене и куда-то вдруг исчезнувшего — заставил зал на миг приумолкнуть:

—Да здравствует двенадцатого июня — день независимости России! — Это как понимать? Мы — русские люди нашли освобождение от хохлов, белорусов, литовцев, эстонцев, латышей, грузин, армян, узбеков, киргизов, таджиков, да и еще многих других народов. Вот теперь заживем, заживем сами по себе, но не тут то было. Отчего-то все они к нам снова лезут. Одни литовцы, эстонцы, латыши … одним словом, прибалтийцы молодцы — не суются, правда, напрягают наши уши «словесной шелухой».

— Не суются оттого, что давят нас у себя, не выходя за рамки — границы своих стран! — раздался чей-то голос.

—Ну, и что, главное не лезут к нам, а эти ведь все здесь, — и выступающий человек обвел пространство гостиной рукой. — Выгоняйте их из зала. Гоните в три шеи эту шелупонь! Долой!

—Да-лой, да-лой, да-лой! — с новой силой стал скандировать зал. Тут поднялся Государь. Пригладил на теле мундир, поправил неспешно аксельбант. Зал начал утихать. Воображаемая стрелка прибора спустилась на цифру пятьдесят децибел, не меньше. Благоразумие в настоящее время было просто необходимо. Это понимали все.

—Господа, вы выбрали меня президентом заседания. Я как президент против вашего предложения. Малороссия, Белая Русь, Грузия, Армения, Казахстан, да и другие территории с их народами некогда входили в состав могучей Российской империи. Многие из этих земель на добровольных началах. Наша страна часто претерпевала катастрофы. Одну из них создал я и был ее участником. Да вот Ленин или Сталин — они могут подтвердить мои слова, — царь без злобы — христианские заповеди довлели над ним, и нарушать он их в настоящий момент не собирался, — показал на Ульянова Владимира Ильича, отчего-то сидевшего в настоящий момент не на стуле, а на броневике и на Иосифа Виссарионовича Джугашвили. Тот смотрел на Ленина, задрав вверх голову. На мгновение, изменив свое положение и оторвав взгляд с Ильича, Сталин вдруг нервно зыркнул на императора.

—Да, да, я подтверждаю! — поторопился ответить Ульянов. — Мы, большевики удержали страну от развала. Народу потребовалась уступка — раздел страны на национальные сообщества — республики. Этот раздел тогда был просто необходим. Он позволил сохранить

страну в определенных границах.

—Жалко мы потеряли Польшу, Финляндию, Прибалтику и другие территории, — высказал свое мнение Николай второй. Он не смотрел по сторонам, только на собеседника и оттого ничего опасного не видел: стрелка на моем приборе снова стала дрожать, то, подскакивая вверх, то, падая вниз.

—Да, потеряли, но, что было делать? Такое время. Лучше потерять часть, чем все! — тут же подхватил Сталин. — Он намеревался рассказать присутствующим в зале о последующих приобретениях — расширении границ Советского Союза. Это расширение явилось результатом победы вначале в Великой отечественной, а затем и во второй мировой войне.

Я, наблюдая за всем происходящим в гостиной, не удержался и обратился к Федору Михайловичу:

—Вам, не кажется, что у нас в стране режим интернационалистический, был принципиально наднациональным. Более того, он был основан на сильнейшем ущемлении русского народа, возможно, в нем была необходимость, когда все народы жили бок о бок, но при распаде империи, так сейчас называют Союз советских социалистических республик, ему не место. Однако он пропагандируется и существует даже сейчас, иначе, отчего нас русских не пускают, например, в Чечню? Хотя Чечня официально входит в состав России. Ну да ладно. Не о том речь. Я хочу сказать о странах отделившихся. Для них равноправие должно быть на уровне посольств, официальных документов, нот, коммюнике и еще каких-то там бумаг. Нам бы в нищей России самим между собой не передраться. Хотя понятно должны жить в дружбе, но не сможем пока не поднимем

благосостояние народа до прошлого уровня, а затем необходимо найти слова, чтобы убедить людей в том, что нет ничего страшного: одни нормально живут, другие богато, а есть и такие, которые очень богато. Правда, здесь байка о том, что народ богато живет, оттого что он много работает не пройдет, нужна новая идеология, необходимо убедить людей в том, что богатство не главное, важно в человеке духовное начало. А для этого молодым людям должно быть доступно образование и возможность через него забраться наверх, а еще есть религия. Нормального уровня жизни мы можем достигнуть, обходясь своими силами. Нам нет нужды привлекать гастарбайтеров, — сказал я, передохнул, затем, вспомнив о недавней статье в Интернет-газете, усмехнувшись, выдавил из себя: — Они, Федор Михайлович, заполонили всю страну, даже в Графском переулке в подвале дома, где вы жили и писали книгу «Бедные люди», заняли места. Словно тараканы: везде и всюду. Я против того, чтобы их давить, но и жалеть чужих людей не нужно, впору пожалеть своих. В жалости чужих людей есть злой умысел: наши богатеи — я могу назвать некоторые имена, но не буду, — отдают им то, что необходимо нашим людям, намеренно, при расчете часть не додавая. Бесправные гастарбайтеры живут в невыносимых условиях — рабы раньше, наверное, жили лучше. Да и еще они на все согласны. Занимая наши рабочие места, они разжигают в нас национальную ненависть. Наши люди не хотят быть фашистами. Нас к этому принуждают. Давать дорогу необходимо богатым людям из других стран, но не нищим выходцам из бывших наших республик, тем более отделившихся от нас — нам они не нужны. Отделились, ну и катитесь, у нас своих нищих навалом. Не куда девать! Пруд пруди! Об

имперских замашках пора забывать. Накорми вначале свой народ, а затем только можно отдать остатки чужим людям …

—Богатая страна и нищая, — сухо произнес классик. —Разве такое возможно? — задаю я сам себе вопрос и отвечаю: — возможно. Федор Михайлович еще что-то хотел сказать, но Лямшин неожиданно снова склонился над фортепиано и неистово, что есть мочи «забарабанил». Он почувствовал надвигающуюся грозу. Я тоже поднял голову: «сверкали неистово молнии, и грохотал гром».

—Тьфу ты, — сказал хозяин дома и наклонился, чтобы найти и поднять свою ручку. Он нервно шарил рукой по полу.

—Где она? — спросил Федор Михайлович, поднял на минуту голову, обвел своих гостей взглядом, и, заметив, стоящего Луканенко тут же попытался его усадить. Но тот воспротивился:

—Нет-нет Федор Михайлович, только не сейчас. Я должен наблюдать за ситуацией и при необходимости быть готовым выполнить свою миссию, миссию, ради которой вы меня позвали на это действо, — ответил писатель. Достоевский увидел кирпичную кладку глухой стены, не своей — обычной с окнами, тут же обо всем догадался и умолк. Стрелка моего невидимого прибора приблизилась к ста децибел, чуть остановилась и снова медленно поползла вверх. Пространство гостиной полнилось людьми. Скоро я потерял из виду всех своих подопечных: Тимура Аркадиевича и Ирину Павловну Гадаевых, Алексея Григорьевича Коколева и Оксану Игоревну Козырь. Долго всматривался в толпу, но ни где не находил их.

—Бесы, бесы, всюду бесы, разбегайтесь господа, разбегайтесь, — неожиданно громко закричал Государь и

народ начало лихорадить. Людские огромные волны, подобно морским, бились о стены гостиной — более всех бесновались толпы черных людей и их приспешников. Достоевский в это время отчаянно шарил руками по полу, — он ползал на четвереньках, отдав бразды правления ситуацией Луканенко и Голвачову, искал свою любимую железную ручку, из-за которой однажды пострадал. Мне было страшно: я ожидал момента, что вот-вот он напряжет свои мышцы, лопнет вена и из горла хлынет густая красно-коричневая кровь. Мне нужно было что-то придумать, и я нашелся, тут же присел на пол рядом с классиком, принялся для вида шарить рукой:

—Вот она, ваша ручка, — что есть мочи гаркнул я на ухо Достоевскому: — Вот она! — и, подняв вверх руку с зажатым кулаком, встал с пола, следом за мной встал и Федор Михайлович. Это его спасло. Так мне показалось. Я не знал, возможно ли, повторение ситуации, той, что с ним приключилась на первой ступени, здесь — на второй и если да, то каковы последствия того, что могло произойти?

Я видел лица: Бурбулкина, Гаврилина, Старовую, Травина, Яколева, да и многих других лукавых приспешников, вначале президента СССР Губачева, а затем правителя России Ецина, рядом крутился его любимец Егор Гадай. Нечетко фосфоресцировали тени предателей страны, нанесших ей непоправимый урон. На глаза попался генерал Калугин, бросивший как-то в народ фразу, что страна там, где «задница в тепле», Резун, так называемый писатель от политики, Литвиненко, расторопный ублюдок Березового отравленный радиоактивным полонием, он толкался, лез, желая приблизиться к Ецину, было много и других людей. Всех не перечислить. У них у всех росли рога. Это они сгубили

великую страну, это о них и многих других перестроичниках сказал эмигрант и философ Зиновьев: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». Нет им прощения. Они, разрушив страну, зародили в России фашизм, направив его себе во благо — на личное обогащение за счет эксплуатации людей, отделившихся республик. Русский народ, ненавидя гастарбайтеров, обязан этому Губачеву, Ецину и другим....

Игорь Луканенко оживлял события своей последней фантастической книги. Я увидел не только кирпичную стену башни таможни в другие миры, придуманные им, но и главного героя Кирилла Максимова. Он держал открытой двери таможни, однажды сотворенной на Алексеевской в Москве. Для назначения его на должность таможенника, Луканенко стер все связи соединяющие парня с родителями, друзьями, знакомыми, дав ему взамен бессмертие.

Писатель Голвачев интенсивно делал пассы обеими руками, отправляя в нее толпы черных людей, словно в пропасть. Государь, во все горло кричал:

—Люди, люди, смотрите это бесы! Вокруг нас бесы! Бесы! — При этом он неистово крестился. Рядом возле него кучкой жался, сочувствующий императору народ. Они также осеняли себя крестом. Творилось что-то страшное. Федор Михайлович ничего не мог сделать. Он уповал на коллег-писателей с первой ступени Луканенко и Голвачова. Только они могли справиться с обезумевшей толпой.

Глава 19

Виртуальный мир не так прост, как кажется на первый взгляд. Он опирается на реальный мир, связан с жизнью человека и является продолжением его после смерти. Человек подобен ракете: отработав, первая ступень отделяется, — отстреливается и только тогда начинает работать вторая ступень существования. И то не сразу. Человеку дается время на раздумье. Вначале три дня. Он еще жив, но уже одной ногой там. Занес ее и не знает что делать. Шагать или же нет. Достаточно ли сил воспротивиться и способно ли тело восстановить свои функции и затем продолжить совершенствование души. Правда, если он и вернется назад на первую ступень, то уже будет другим человеком, — опаленным огнем того, другого света и остаток жизни, каким бы он ни был большим, проживет, ощущая этот огонь. У меня уже ни один месяц прошел со дня ДТП, но рука нет-нет и тянется помассировать верхнюю часть губы — это мне чисто физическое напоминание, о произошедшем событии.

Я смог вернуться, что-то меня удержало на первой ступени — не все, наверное, было сделано. А еще я обрел возможность, пусть и кратковременно, переходить границу и бывать в виртуальном мире.

Многие из моих знакомых уходили, сделав в виртуальный мир первый и последний шаг, после которого у них шла подготовка к поэтапному перемещению длительностью в девять, и сорок дней. Люди, пройдя вехи или эти точки невозврата, попадали на вторую ступень существования. Ими начинали заниматься писатели. Они готовили души для Ада или же Рая и последующей жизни.

Мир реальный наделен множеством отдельных обособленных секций. Их выбирает каждый из людей на свое усмотрение или же по случайному истечению обстоятельств. Жизнь у Черного человека — черная от грехов, у праведника своя — светлая. Как говорят, каждому воздастся по его поступкам. Я это понял, когда оказался в башне-таможне, и познакомился с системой миров Игоря Луканенко. Это произошло случайно по вине моих подопечных, они были вовлечены мощным энергетическим потоком, созданным писателем-фантастом Голвачовым.

Мне можно было не идти за ними, остаться на месте, но для меня это было недопустимо. Я бы считал себя бесчестным человеком. Ничего не поделаешь — такое вот воспитание. Значит, такой мой выбор и я должен на своем пути все претерпеть.

У меня и сейчас перед глазами стоит картина: Ирина Павловна Гадай, заметив в пучине отморозков, лысую голову своего Егорки, а затем и его жалостный, просящий помощи взгляд, ради спасения сына вдруг качнулась и медленно сделала шаг вслед за «черными людьми». Тут же за нею сдвинулась и Оксана Игоревна Козырь. У нее в душе откликнулось материнское горе этой несчастной женщины, с которой она не раз до хрипоты спорила, совершая прогулки вблизи моей «башни», ее шаг был шагом сочувствия. Ее держал за руку Алексей Григорьевич Коколев. Он был сорван с места, словно мощным потоком ветра, так сильно был связан со своей любимой девушкой. Тимур Аркадиевич тот поневоле отправился за своей женой.

Я что-то несуразное крикнул писателю, своему земляку, но Голвачов не услышал моего голоса, он был

занят происходящим: делал руками свои манипуляции, направляя черную-пречерную волну людей в распахнутые настежь двери.

Максимов — таможенник и персонаж книги Игоря Луканенко от радости просто прыгал, с удовольствием потирал руки, так как знал, что отправляет неожиданных гостей в Аркан — мир, где шала война, под пули, он сам ощутил все на своей шкуре, едва оставшись в живых.

Я, испугавшись за судьбу своих подопечных, тут же бросился к дверям. Мне бы с ними тоже рвануть в Аркан. Там, в трех шагах от таможни находилась Останкинская башня. Пусть она и не моя, но, как известно похожие сооружения хорошо «ложатся друг на друга», например, усадьба Ивана Сергеевича: некогда сгоревшая — старая и отстроенная один к одному — новая. При наложении одного на похожее другое, можно легко и быстро телепортироваться в новую реальность — это пара пустяков. Однако таможенник преградил нам дорогу и, оттолкнув нас в сторону, тут же захлопнул одну дверь, открыл другую, то есть быстро «разрулил» положение.

Мне была хорошо известна книга Игоря Луканенко, оттого я тут же принялся прикидывать в голове направление дальнейшего нашего продвижения, чтобы без потерь вернуться на свою, так называемую, «Останкинскую» башню.

Но путь, как известно, не всегда гладок, чаще, он наполнен непредвиденными событиями. Чтобы добраться до цели порой нужно основательно истоптать ноги. По воле таможенника — человека, пропускающего в разные миры — Кирилла Максимова, мне и моим подопечным, достичь цели быстро не представлялось возможным, так как он основательно подпортил свою репутацию: однажды

разругался с кем только можно, даже противопоставил себе людей, находящихся «наверху», так называемых Богов.

Я решил надеяться на свои силы, и лишь только двери башни за нами закрылись, долго оглядывался. Километрах в трех, на реке я увидел другую таможню. Для того чтобы добраться до нее, нам необходимо было минут тридцать пешего пути, а то и меньше.

Перед нами простирался луг. Трава была очень уж яркой, нереальной, что тот изумруд, над головами простиралось небо — бирюза, да и только, а воздух оказался таким плотным и ароматно-дурманящим, что вдохнуть полной грудью было просто опасно. Вдали бело-лиловое марево цветущих на склоне яблонь. Идиллия, да и только. Однако не все было так хорошо, как представлялось глазу.

Это была Нирвана. Но не та Нирвана, которая может ожидать нас, людей на второй ступени существования — Ад, а другая, созданная фантазиями писателя Игоря Луканенко.

Зря нас таможенник Кирилл Максимов не затолкал в Кимгим — в восемнадцатый век или в ту дверь, где солнце, море, и песок. Теперь нам придется надолго задержаться и прежде чем удастся вырваться — побывать не в одном мире. Хорошо, если на горизонте появится другой персонаж книги замаскированный друг Максимова — куратор Котя и поможет, минуя миры — земли под различными номерами сразу же оказаться в нужном нам пространстве. Что ему стоит начертать в воздухе магические знаки и пошептать нужные слова? Да ничего, но ожидать такого стечения обстоятельств было просто нереально.

—Ну, что ты приуныл, задумался? — услышал я знакомый голос и поднял голову. Рядом среди моих подопечных стоял Андрей Пельмин.

—Дуй, к женщине кузнечихе, она поможет вам выбраться. Главное, не унывай, все будет нормально!

—А ты? — спросил я и посмотрел на своего коллегу. Андрей приложил к губам палец и голосом цикады пропел: — Тсс, — а затем шепотом добавил: — Ты меня здесь не видел, понял.

—Хорошо, — согласился я и, захватив своим полем подопечных, бодро, насколько хватало сил, принялся передвигать ноги, за мной скользили Ирина Павловна, Тимур Аркадиевич — Гадаи, Алексей Григорьевич Коколев и Оксана Игоревна Козырь.

Таможня находилась на реке и представляла собой двухэтажное из кирпича здание. Дверь таможни была открыта. Я, не посмел сразу войти и, припомнив нужное место в книге писателя фантаста, остановившись у мостков, неожиданно для себя крикнул голосом Кирилла Максимова:

—Эй, сосед! — В ответ мне раздался раскатистый смех, и в дверях появилась женщина, рослая, плечистая в кожаных штанах и таком же фартуке, из-под которого слегка выглядывали большие груди. Я поднял глаза и стал смотреть в лицо.

—Я, Семен! — сказал и, не удержавшись, чтобы избавиться от недоуменного взгляда аппетитной женщины, тут же бросил: — Вам привет от Кирилла Максимова.

—А-а-а, вы его товарищ. Я, кузнец Василиса, — сказала она, подавая мне руку. Я пожал ее, ощутив силу ремесла, и принялся, не поминая о Пельмине, рассказывать о том,

что со мной и моими подопечными произошло, отчего мы оказались здесь в ее чертогах. Наверное, я сумел подать все так, что Василиса, выслушав меня, тут же выразила желание помочь.

—Куда мне вас направить, что предложить? — растягивая слова, проговорила женщина. — Так-так-так! Хорошо, идемте, я вам покажу вначале свои «апартаменты», — она повела плечами, — угощу чаем, затем мы что-нибудь придумаем, наверняка придумаем. — Я согласился и отправился за таможенником — кузнечихой Василисой. Чету Гадаевых, Коколева и Козырь я щелчком пальцев обездвижил и оставил дожидаться на входе.

Первый этаж здания занимала куница, в ней были три горна, оснащенные мехами и несколько наковален от маленькой до большой. Заметив мое любопытство во взгляде, Василиса, открыв шкаф у стены, в нем вместо одежды хранилось оружие, достала нож и тут же вручила его мне:

—На, вот подарок, держи, пригодится в пути, неизвестно, что может приключиться, не ровен час, придется и сразиться…

Я взял нож и взглянул на женщину. Она ждала от меня благодарности. Ничего не придумав, я приблизился к ней, обнял и поцеловал. Женщина тут же ответила мне и, почувствовав мою дрожь, успокоила:

—Не дай Бог. Не дай Бог. Ну, думаю, до этого не дойдет, — затем взяла меня за руку и повела куда-то наверх.

На втором этаже у нее было жилое помещение: небольшая кухонька и спальня.

Василиса усадила меня за стол и за чаем рассказала о

дверях своей таможни. Их, в ее башне было немного, всего три.

Одна из дверей позволяла выйти в Харьков. Мне был знаком этот город. Не раз я бывал в нем. Ездил в командировку в один из институтов и всегда не уставал удивляться: в центре можно было найти обычный деревенский дом и рядом многоэтажное здание. Я не понимал, как это все совмещалось? Деревня и город.

Для женщины Харьков был малой родиной, она в нем родилась, училась, вышла замуж и жила до тех пор, пока с ней не случилось то, что должно было, случится: ее перестали узнавать муж, дети, родные, близкие люди. Затем Василисе предложили место таможенника, человека регулирующего потоки людей, снующих из одного мира в другие. Что ей оставалось делать? Она согласилась и вот уже долгое время находилась здесь, словно на привязи. Одно скрашивало это ее время провождение здесь — увлечение. Василиса любила кузнечное дело и с удовольствием занималась ковкой ножей. А они у нее были очень уж хороши.

Наслаждаясь хорошо заваренным чаем, я, держа в руке чашку, мельком бросал взгляды на подарок Василисы, засунутый за пояс.

—Да это что-то такое оригинальное. Такой нож не каждый мужчина кузнец выкует, не каждый! — не удержался я от похвал.

На что женщина встала из-за стола и подошла ко мне. Я тоже поднялся и как в прошлый раз отблагодарить ее поцелуем.

—Да знаю я, знаю. Андрей Пельмин тоже расхваливал мою работу. Я ведь не только вам подарила нож. Раздаю налево и направо. Что их солить. Вон все полки забиты!

—Андрею, ваш нож пригодился? — спросил я и заглянул в искрящиеся глаза женщины.

—Грибы им срезает. Да вот не так давно, дай вспомнить, — кузнечиха окинув меня взглядом, — продолжила: — позавчера приходил, долго по окрестным местам лазал. Здесь в Нирване он любит бродить по лесу, увлекается «тихой охотой». Что интересно? Нет бы, собирал белые, подберезовики, лисички, так срезает исключительно одни мухоморы. Они здесь, как говорит Андрей, обладают особой силой. Уж и не знаю, какой такой силой. Я их не ем.

—Что же мне делать? Посоветуй? — спросил я у Василисы. — Куда податься. Может выбраться в твой город?

—В Харьков что ли? — спросила женщина и тут же предостерегла. — Опасно. У входа дежурят нехорошие люди.

—Черные? — я резко взглянул на кузничиху и тут же опустил глаза вниз.

—Ну, можно и так сказать, так вот с ними тебе лучше не связываться. Они могут тебя принять за Кирилла Максимова. Он здесь уже успел, отметился, — сделала паузу. — Я же приняла. Жалко, уложат тебя прямо у моего дома. Не в обиду тебе скажу: у того хоть есть сила — таможенника. — Смачная женщина окинула мою фигуру взглядом. — Он может и готов им противостоять, а ты не справишься, да и людей своих зазря растеряешь. Так ведь?

Я согласился. Однако в Нирвану возвращаться не хотел. Мне оставался один путь, тот, который однажды избрал персонаж книги Игоря Луканенко — пустынный каменный мир с лютой зимой и знойным удушливым летом.

В настоящее время на дворе было лето. Для меня в самый раз. Однако нельзя было предсказать, что могло с нами случиться, задерживаться у Василисы не было резона. Хотя она оставляла. Пусть я и не обладал той силой, которой был наделен ее сосед, однако одиночество мог скрасить. Я, может и задержался бы, но кузнечиха еще на входе предупредила меня о полицейских проверках. Из-за неимения документов я мог быть в любой момент арестован. Желания загреметь на нары не было.

—Ну, что? Пора и честь знать, — сказал я и, поблагодарив хозяйку дома, за гостеприимство стал прощаться. Смачная женщина не удержалась тут же расцеловала меня, я щелкнув пальцами поднял своих подопечных, затем подошел к нужной двери. Кузнечиха распахнула ее перед нами и на нас словно из четвертого огромного горна, в котором, наверное, тоже можно было Василисе греть металл для ковки, дохнуло жаром необычайного лета. Нынешние, не превышающие сорока градусов по Цельсию жары, ничто. Правда, для того чтобы не высохнуть, и не перегреться в дороге, таможенница снабдила меня ватным халатом, тюрбаном, на ноги дала мягкую из овечьей кожи обувку, присовокупив все это следующими словами:

—Знатный мусульманин все это оставил, не скажу кто. — Я тут же подумал: уж не террорист номер один изъявил желание прятаться от солдат спецслужб США и от самого Барака Обамы у славной женщины, кузнечных дел мастера, пока не попал под их пули и не погиб в землях Афганистана. Для Василисы все люди равны. Она таможенник. Постучали, — открой, идут, — пропусти. Остановить человека можно только лишь в отдельных случаях — за пронос контрабанды.

Для Гадаевых, Коколева и Козырь какая-то особая одежда была не нужна. Достаточно было той, в которой они находились. Этим бестелесным существам ни холод, ни жара нипочем. То, что могло влиять на моих подопечных, для меня было неизвестно и оттого на данный момент не беспокоило.

Заблудиться я не мог, да и передвигался значительно быстрее таможенника Кирилла Максимова, поэтому мне не стоило труда добраться до следующей башни. Пройдя около трех километров, я оглянулся и посмотрел на резиденцию Василисы, затем с удвоенной силой зашагал вперед. За мной торопливо скользили тени Тимура Аркадиевича и Ирины Павловны Гадаевых, Алексея Григорьевича Коколева и Оксаны Игоревны Козырь.

До поры до времени все шло хорошо, я даже обрадовался, что без проблем доберусь до следующего таможенного поста, но не тут то было. Земля прогревалась сильнее, и сильней, и это стало влиять на моих подопечных: любой незначительный поток воздуха подхватывал их и уносил прочь от намеченного мной направления. Я был просто вынужден идти у них на поводе, таможенный пост оказывался то далеко слева от нас, то справа, но ни как не на пути, мне было не по себе. Я не знал, когда нам, наконец, удастся достигнуть намеченной точки.

Часы не стояли на месте — тикали. Мы безрезультатно бродили до самого вечера. Изменения я заметил, когда солнце стало клониться к западу. Жара спала, и я облегченно вздохнул: мои подопечные с каждой минутой становились все более послушными.

Настал момент и мы прибыли на место. Я постучал в двери башни. У входа нас встретила худенькая девушка

привлекательной наружности, на вид лет двадцати, полька по национальности. Звали ее Марта. Она пригласила пройти вовнутрь. Я, полюбовавшись девушкой, вначале пропустил вперед своих подопечных и уж, затем прошел сам.

—Что, были проблемы? — спросила таможенник и улыбнулась. — Я все видела из окна. Вы очень уж долго ходили вокруг да около.

—Да, были, — ответил я. — И не спрашивай, намучились, пока добрались. Ноги гудят. — Ноги не гудели. Я выразился образно, дав понять девушке, какого было нам петлять по выжженной солнцем земле.

Марта расспрашивать меня не стала. Подробности ее не интересовали. Задавать лишних вопросов она не собиралась. Не было необходимости. Я ничего запретного в своих карманах, за что можно было взять таможенный налог, не нес. Подарок Василисы не в счет. Он, хотя и мой, но собственность таможенника и оттого для Марты значения не имел. Девушке оказалось достаточно того, что я назвал себя и своих подопечных. Это ее устроило. Для того чтобы определиться с обстановкой я задал вопрос:

—Марта, а у тебя, куда двери ведут?

—Одни, в Эльбонт, польский город. Я родом из Эльбонта. А еще в Янус, — откуда вы пришли. В нем есть жизнь, правда, она на границе зимы и лета. Жители Януса кочуют. То, что вы долго блуждали, исчезая с глаз и вновь появляясь, вначале меня натолкнуло на мысль, что ты ищешь людей — местных и хочешь с ними объясниться….

—Да нет, — перебил я девушку, — причины в другом, в моих товарищах, их не адекватном поведении…— Марта тоже не дала мне договорить, прервала начатую мной

фразу и продолжила перечислять свои миры:

— Еще есть Антик и земля шестнадцать…

—Так-так, куда же нам отправиться? — сказал я и сделал паузу, затем спросил: — Не посоветуешь, что выбрать?

—Иди в Эльбонт, — сказала девушка. — Я сейчас отправляюсь в город, на одну встречу и могла бы вас взять с собою. Правда, это одеяние, — Марта окинула меня оценивающим взглядом, — не подойдет. Тебя засмеют. — Я тут же у нее на глазах снял с себя дорогой халат, тюрбан и мягкую обувку, мягкость, которой так и не смог определить, оттого, что стянул ее с жестких кроссовок.

—Ну, а как теперь выгляжу? — задал я вопрос, оставшись в своей обычной одежде.

—Вот теперь что надо, кавалер хоть куда, можно и в ресторан сходить и в театр и…не буду говорить куда еще.

—Я голоден, согласен идти в ресторан. Денег, правда, у меня нет ни копья. — Про себя подумал: какого такого копья, здесь же не рубли и копейки, а еврики.

Мы вышли в город, ноги ступили на булыжную мостовую, освященную фонариками под старину, вдоль которой с двух сторон высились двух-трех этажные домики, выполненные в стиле барокко. Здесь жители любили вычурность, вычурность во всем и она выражалась не только в постройках жилищ, но и, например, в еде. Это я понял, оказавшись с Мартой в ресторане. Мои подопечные находились со мной, но мне не мешали, вели чинно. Я даже не обращал на них внимания. Девушка тоже. Правда, после небольшого разговора мне пришлось немного рассказать об их судьбах. Долго в ресторане посидеть нам не удалось, однако я успел отведать особый борщ Эльбонтский и много услышать о нем из уст Марты.

Что я запомнил: «На Украине, не говоря о России, готовить борщ не умеют» — сказала девушка и оказалась права — вкус непередаваем. Перепало мне попробовать и селедки местного засола, выловленной здесь недалеко от города — в балтийском море. Из напитков Мартой была расхвалена «зубровка». Мне о ней тоже пришлось немного сказать. Едва я сделал глоток, как ужин неожиданно был прерван. Девушка, завидев полицейского, испугалась за мою судьбу. Она тут же подозвала официанта и расплатилась, а затем вытащила меня из-за стола и через черный ход вывела на улицу.

—Семен, тебе нужно как можно скорее выбраться за пределы досягаемости того типа, который нам попался в ресторане. — Марта принялась описывать мне дорогу и после того, когда я раз несколько утвердительно кивнул головой, сообщила: — Он наверняка тебя с кем-то спутал и прибыл, чтобы арестовать, не связывайся с ним, убегай, от греха подальше. — То, что девушка таможенник была права, я догадался, заметив этого господинчика на улице. Полицейский поймал мой взгляд и направился в мою сторону. Я, махнул на прощанье девушке рукой и начал торопливо передвигать ногами. За мной последовали мои подопечные.

По совету Марты я завернул на другую соседнюю улицу, затем, немного пройдя по ней, выбрался через проулок к железной дороге. Передо мной находился мост, о котором говорила девушка. Я, не мешкая, быстро перебрался на другую сторону. Следуя по улице вдоль путей, я невдалеке увидел железнодорожную станцию. О ней мне Марта тоже говорила. Я, запрыгнув в электричку, мог оказаться в Гданьске, а затем через таможенный портал, легко, без труда и в Москве, то, что мне

требовалось. Не удастся через портал, подумал я, разыщу дочь Елену Прекрасную. Она вместе с другом Юрием Александровичем находилась на то время в Польше на фестивале рок-музыки. Не откажет. Поможет добраться до дома.

Это были мечты — мысли. Хорошо все шло до тех пор, пока я не вырвался из зоны действия полицейского и не пожелал проверить так ли это важно.

Зачем я остановился на его крик? Не могу сказать. Это советское воспитание, оно виновато.

—Эй, мужчина, постойте, я хочу у вас что-то спросить...,— услышал я голос полицейского, полненького господинчика. Он приблизился и неожиданно остановился, будто наткнулся на невидимую преграду. Это обстоятельство меня обрадовало, и я почувствовал себя свободно. Расслабился. Однако, зря. Полицейский применил один из своих трюков. Я ведь читал о нем в книге Луканенко. Мне бы не оглядываясь бежать и бежать, но задержался и через мгновение был повален на землю, мои руки были вывернуты за спину и вот этот господинчик довольный, покрякивая, сидел на мне, не давая даже пошевельнуться.

—Вот, влип, так влип, — сказал я, — дурак, дурак, зачем было проверять способности этого типа, на кой он мне сдался.

Полицейский спокойно выслушал меня, но в ответ ничего не сказал, лишь полез в карман за наручниками. Он торопился меня ограничить в свободе действий, затем, наверняка, достанет телефон и вызовет за мной специальный автомобиль.

Надеть на меня наручники он не успел. Меня выручил куратор Котя, подобно тому, как он спас однажды Кирилла

Максимова. Случилось это оттого, что я все сделал так, как это сделал персонаж книги Игоря Луканенко оттого и был спасен.

На фоне темного неба мелькнула длинная жердь и приложила пана полицейского по затылку. Он тут же слетел с меня и распластался рядышком. Я мгновенно подхватился на ноги. Передо мной стоял незнакомый мужчина. Не знаю, оказался он здесь случайно, а может быть послан самим Игорем Луканенко. Для того чтобы завязать с ним беседу я поздоровался. Он ответил мне. Слово за слово мы разговорились. Куратор согласился мне помочь. Он провел рукой, и перед ним в воздухе ярко засветилась тонкая «нить». Ему было достаточно написать в воздухе несколько загадочных вензелей и подтолкнуть меня вперед, через мгновение я оказался в Москве у метро, на Алексеевской. А там рукой подать до Останкинской башни. Но рядом со мной не оказалось моих подопечных. Они остались в Эльбонте, так как у них не хватило сил преодолеть, неожиданно возникший страх перед магией. Дело было сделано. Вернуться назад за ними мне нельзя было. Я находился в отчаянии и готов был отправиться на поезде в далекий польский город сам или же просить о том дочь и ее друга, но я знал, они мне помочь не могли. Хорошо, что мне на помощь пришел Федор Михайлович Достоевский. Он известил меня о желании встретиться, и я, перебирая ногами, поторопился в его усадьбу.

Классик был занят, он стоял у дверей своего дома и с удовольствием разговаривал с Львом Николаевичем Толстым, чего раньше не мог себе позволить при жизни из-за козней, источаемых Николаем Николаевичем Страховым писателем богословом. Одно время тот любил

везде и всюду находиться рядом возле персоны Федора Михайловича, думая, что тем самым ограждает его от злых людей.

Я вслушался в их речь и понял причину, отчего Толстой не смог присутствовать на «заседании» — действе, разыгранным Федором Михайловичем. Случилось это из-за неординарного поведения супруги — Софьи Андреевны.

—Я, в который раз говорил своему товарищу Сергею Сергеевичу Корсакову, — да вы его знаете — это знаменитейший из психиатров не только России — Европы, что она, моя супруга больна и просил его упечь ее в лечебницу, но он уперся и ни в какую.

—Может быть, вы Лев Николаевич на счет своей жены ошибаетесь? — вкрадчиво задал вопрос Достоевский.

—Нет, не ошибаюсь! — нервно выговорил Толстой и сверкнул глазами. Далее я услышал не лестные высказывания в адрес психиатра, что-то такое, что одни дураки лечат других. — И кашлянул. Я не осмелился подойти к разговаривающим великим людям и ждал, когда их беседа будет окончена. Толстой заметил меня и принялся прощаться с Федором Михайловичем. Во мне запечатлелся образ Льва Николаевича в простой крестьянской рубахе, подвязанной шнурком и обычных штанах. На ногах были хромовые сапоги. Такие сапоги когда-то шил мой отец Владимир Иванович. Еще я увидел его крестьянскую бороду, отчего именно крестьянскую: он ее давно не подстригал, как росла, так и росла, запомнились мне и сощуренные глаза графа. Они зыркнули по мне и потухли.

Я подошел к Федору Михайловичу и взглянул на классика. Он был обеспокоен, но не временной пропажей четы Гадаевых, Коколева и Козырь. Мои дела его не

волновали, так как они были решаемы:

—У вас Семен Владимирович, все хорошо, за своих подопечных не беспокойтесь! А вот у меня есть кое-какие проблемы. Заброс черных людей в Аркан только усугубил положение. Они разбежались, и теперь жди их, то в одном, то в другом месте. У меня они были все в запасниках, как на тарелочке. Вот так. Не знаю, что и делать. Этот новенький Кирилл Максимов все подпортил. Он считал, что они погибнут под пулями. Да не тут то было. Они же бестелесные. Теперь надежда на Голвачова. Я уже с ним разговаривал. Скоро должен прибыть. Загонит их, если удастся выудить из Аркана туда, куда Макар телят не гонял в «ствол времени» на самый нижний этаж, можно сказать в преисподнюю — в далекое прошлое. Оттуда им уже не выбраться. В Ад их уже не загнать. Они знают о возможности выбора и оттого позарятся на Рай, — Федор Михайлович провел меня в дом. Жилище было убрано и ни что не напоминало о разыгравшемся недавно грандиозном событии.

—Семен Владимирович, вам не следовало идти за своими подопечными в Нирвану, тем более, так переживать за них. Ваши люди уже находятся на пути в резиденцию — «Останкинскую» башню. Они идут по этапу, ну что те осужденные от одного пересыльного пункта до другого. Писатели их передают из рук в руки. Что я скажу о «спектакле», произошедшем в моем доме? Не все прошло гладко. Стар, я стал, не сумел вовремя проследить за развитием всех событий. Луканенко и Голвачев на время спасли положение, но, что будет дальше? Трудно представить! Я сейчас думаю, что Пельмин мне больше бы пригодился. Один он может спасти ситуацию. Нужно было в критический момент дать

ему бразды правления. — Я недоуменно посмотрел на Достоевского. Он заметил мой взгляд и сказал:

—Вы еще, Семен Владимирович не все понимаете, происходящее здесь, на второй ступени существования. Не обижайтесь на меня, старика. Пельмин, очень нужный человек. На него можно положиться. Да и миры его то, что надо. У Луканенко они все первой ступени. Я об этом сразу как-то и не подумал. Не следовало загонять «народ» в этот … — Достоевский махнул рукой: — Да вы знаете…

—Аркан! — подсказал я Федору Михайловичу и, взглянув на него, не удержавшись, спросил:

—Что же будет?

—Что-что? Не знаю что! — бросил Достоевский. Стар, я стал. Мне бы уже пора и на покой. Анна Григорьевна — супруга моя, торопит. Подавай ей Рай, видите ли. А кто здесь все будет «разгребать»: Устиана, Маринкина или этот Кунин? Да-а-а, — вымолвил классик и задумался. — Дела-а-а, — помолчал немного. — А вы Семен Владимирович, смелый человек. Я видел, за своих вы встали — прямо таки горой. Отчаянно бросились их спасать.

Я был благодарен за похвалу классику и краснел, не зная, что ответить. На выходе из усадьбы Федор Михайлович привлек меня к себе и по-отечески поблагодарил:

—Спасибо вам, Семен Владимирович за благородную ложь, — помолчал и продолжил: — это, когда я потерял мундштук. Дважды умирать не хочется, ох, как не хочется. — Я покивал головой, приняв слова классика, и ступил за порог. Мне нужно было торопиться: скоро должны были прибыть мои подопечные, необходимо было их встретить у «Останкинской башни» и провести в покои на двадцатый,

девятнадцатый и восемнадцатый этажи.

—Ну, что же будет здесь, у вас Федор Михайлович? Мне не хочется уходить. Может, нужна моя помощь, хотя какой я помощник?

—Не переживайте, помощник уже спешит. Я его даже вижу. Вы пока занимайтесь своими подопечными, а нужно будет, я вас приглашу, — сказал Достоевский. Я поспешил к себе, оглянувшись у Фединой рощи, я увидел рядом с классиком Василия Голвачова. Они пожимали друг другу руки. Все будет нормально, решил я и торопливо заскользил в сторону «Останкинской башни», своей башни.

Глава 20

Мне были известны высказывания людей, воевавших во второй мировой войне о разбойнике двадцатого века Гитлере — главном фашисте. Они проклинали не только его, но и его мать, обзывая ее разными нехорошими словами, называя не женщиной — зверем, например, волчицей, родившей звереныша, а не человека, однако, она была обычной набожной женщиной по имени Клара Пельцль. Одна из многих женщин, пришедшая в этот мир и ушедшая довольно рано, умерев от страшной болезни —рака.

С пятнадцати лет девушкой Клара Пельцль работала в доме Алоиса Шикльгрубера. В ней ничего не было примечательного, оттого участь была одна, после смерти второй жены хозяина, выйти за него замуж. Никто из соседей ни разу не видел Клару, улыбающейся. Значить, в пору, женщину и пожалеть.

Клара Пельцль прожила с мужем пьяницей, родив ему пятерых детей, трое из них после умерли, остался любимый Адольф и его сестра Паула, которая дожила до старости. Клара любила своего помешанного сына, лелеяла его и воображала, что когда-то он станет священником, возможно, доживи женщина до старости, она бы никогда не поверила, что все плохое, творимое на земле в двадцатом веке это дело рук ее дитяти и других выросших детей, подобных ему.

Екатерина Джугашвили также желала для своего сына Иосифа сана священника. Он одно время учился в семинарии, но бес толку…

Не зря столкнулись эти двое, не состоявшихся

священника, находясь во главе могучих стран. Из-за них много-много сыновей так и не оправдали надежд женщин матерей. Но эти сыновья были любимы и оттого даже плохие, будут для них хорошими.

Не желала верить и Ирина Павловна Гадай, что ее сын плохой. Пусть он и близко не стоял возле злодея Гитлера, не находился рядом со Сталиным, но он виновен был в том, что предал идеи своего деда легендарного революционера Аркадия Гадая.

Не было особой необходимости заниматься ему преобразованиями страны, мог бы кто угодно другой занять этот злосчастный пост премьер-министра, но только не он. Нельзя ему было идти на поводе у Ецина. Не думал он о своих близких. Какого теперь было переживать его матери?

Я торопился к себе на башню. Мне необходимо было заняться книгой о Шакине Юрии Александровиче и еще не терпелось увидеть Ирину Павловну Гадай и осмыслить ее действия. До последнего женщина пыталась вырвать своего сыночка из рук разбушевавшихся отморозков — черных людей.

Злоба этих черных людей из-за того, что Ецин и его приспешники дали свободу отдельным республикам и право кучке чиновников, стоящих у власти в девяностые годы двадцатого века грабить свои народы, не имела придела. Она переполняла их чашу терпения. Черные люди, сообразив, что большой Советский пирог поделен и возврата назад уже не будет, возжелали отщипнуть лакомые куски от России на Кавказе. От паршивой овцы хоть шерсти клок. Это их слова. Оттого, они и начали негласную войну против России, не богатой, нищей России.

Это господа не честно. Ох, как не честно. Найдется и на вас управа. И нашлась. Действия Луканенко и Голвачова были своего рода возмездием поднимающемуся фашизму, пусть не на первом уровне, то хотя бы на втором так как, ставя на место этих молодчиков, они снизили проявление национальной гордости россиян и тем самым внесли в жизнь страны какую-то йоту спокойствия. Что еще? В гостиной Федора Михайловича не удержались не только черные люди, но и бывшие главари страны, разграбившие народ. Они были вовлечены потоком вкупе с черными людьми и отправлены в тартарары.

Ирина Павловна не понимала, да и не хотела понимать, что и ее Егорка, сыночек вместе со своими высокопоставленными соратниками разграблял страну — некогда великую Россию, пытаясь ее унизить, втоптать в грязь, пусть и для последующего величия. Он поздно понял и ушел из окружения Ецина, поздно, оттого и поплатился.

Так я думал до недавнего времени, но разговор с Достоевским меня испугал. Что если Василию Голвачову не удастся загнать черных людей «в ствол», который он однажды создал и описал в книге «Кнут времени». Прошлое оно и есть прошлое. Им бы там всем и находиться, а не у Луканенко в созвездии миров. Эти миры настоящие — нашего времени. Террористы, разыгрывавшие национальную идею, поблуждав в них, найдут лазейки и что те крысы выберутся на землю номер один, на нашу землю, а значит взрывы домов, самолетов, в метро простых людей будут продолжаться. Этого нельзя допустить, ни в коем случае.

Мне недолго пришлось в одиночестве топтаться у входа в «Останкинскую башню», ожидая подопечных. Время

пребывания скрасил Луканенко. Он шел к Федору Михайловичу. Однако имел время, чтобы пообщаться со мной.

Игоря я заметил издали. Писатель, приблизился, оглядел меня и поздоровался, затем спросил:

—Ну, как у тебя дела, все ли нормально?

—Да, все нормально. Мне помог выбраться с Эльбонта твой герой Котя — куратор, так что я снова дома. А вот… — но Луканенко не дал мне договорить: — Знаю, все знаю, возникли кое-какие проблемы с черными людьми. Обстреляли их в Аркане, ну и что из того? Для них пули, бомбы… — ничто. Они же ведь бестелесные и оттого даже всемогущему Коте пришлись не по зубам. — Писатель несколько помялся и, затем, понизив голос, сказал:

—Ну, да ладно. За ними сейчас гоняется Пельмин. Хорошо, что они еще «не обросли мясом», то есть не стали живыми. Для этого необходимо время. Андрей сразу же рванул вслед за тобой. Он часто пользуется случаем и пропадает в моих мирах. Многие из них хотя и опасны, но более красочны не то, что его. Об одном из своих миров, да и о других тоже, наш товарищ выразился следующим образом: «Заглянул я однажды — темно как в жж… Правда, в них легко спрятаться — затеряться до поры, до времени. Глаза закрыл и вот уже блуждай. Далеко и ходить не надо». — Вот где я был первые минуты после ДТП, — мелькнуло у меня в голове. У Пельмина, в одном из его миров. Федор Михайлович при встрече что-то такое говорил, намекал, теперь понятно, отчего Андрей пользуется успехом на второй ступени существования.

—Ты, Игорь прав, — сказал я. — Фантазия у тебя на высоте. Правда, подобрано твое созвездие миров сумбурно. — Луканенко со мной согласился, объяснив это

тем, что не было времени долго работать, сидеть над книгами. Издатель рвал из рук. Затем Луканенко снова переключился на Пельмина и сообщил, что он, пропадая на второй ступени существования, или же с корзинкой в лесах Нирваны, соседям говорит о том, что находится за границей в Германии. Матери своей тоже говорил, жалел старушку.

—На второй ступени пропадать можно, но вот в Нирване одуреешь. Я бы там долго не выдержал, с трудом осилил пятнадцать минут, пока добирался до таможни, а если побыть полчаса, час.... Не знаю, что было бы? Нет! Для этого нужны огромные силы. Может, Пельмину родительница помогает. Они, матери, ради сыновей и не на такое способны. Я остался жив только благодаря молитвам своей восьми десяти пятилетней старушки матери.

—Да какая мать? Она давно уже померла. То, что он часто находиться на второй ступени это благодаря девушке, Татьяне. У них такая была любовь, такая любовь. Андрей с Татьяной даже пожениться собирались. Он ей доверял как себе. Не зря же оставлял на девушку свою больную мать во время своих длительных отлучек — командировок в виртуальный мир. А затем после смерти матери неожиданно на глазах у жильцов большого дома без каких-либо объяснений выгнал Татьяну из квартиры и как выгнал: с шумом-треском. — Уж не о себе Пельмин писал в последней книге, протаскивая мысль о том, что в создании человека участвует ни один Бог: многие из них примеряют его «личину» — «шкуру человеческую». Многие Боги — это Боги языческие — мягкие и добрые, злые и грозные. Оттого поведение язычника порой и не предсказуемо. Неужели и Андрей Пельмин по натуре

своей обычный язычник, — мелькнула у меня в голове мысль, но отчего? Что им движет? Зачем ему это надо? И я, не удержавшись, спросил у Луканенко:

—Да разве такое возможно?

—Возможно. Еще как возможно. Не мог же он ей прямо и открыто сказать: «Дорогая, я тут, оставляя тебя одну, днями и ночами торчу на второй ступени. Да и не только на второй, возвращаясь домой, я обязательно заглядываю к Луканенко в Нирвану, мне до зарезу нужны грибочки, так что ты меня и не жди, буду поздно». Иными словами: мне не до тебя! — помолчал и добавил: —Нет, он от своей девушки многое был вынужден скрывать. Оттого и выгнал ее. Он знал и не раз убеждался в том, что Татьяна его любит и ни при каких обстоятельствах не бросит. Вся жизнь девушки наполнена любовью к Андрею. Татьяна молится на него, и он, не живя с нею, может пропадать где угодно и сколько угодно долго. Вот так-то!

Я и Луканенко нарезали возле «Останкинской башни» круги и неторопливо вели беседу. Мне пришлось поделиться с ним одной своей идеей, что основными героями в новой книге, которую от меня ждет Иван Сергеевич, будут женщины — матери. Она будет продолжением первой книги. Юрий Александрович — новый русский, бизнесмен потеряет свое значение и снизойдет до уровня пенсионера. На смену ему придет бойкая девушка, чем-то похожая характером на Оксану Игоревну Козырь. Она завладеет фирмой, женив на себе внебрачного сына Юрия Александровича. В последующих главах мужчины будут лишь дополнять своих женщин. Они, женщины, проявятся как матери. Ни одну из матерей я не стану обвинять за проступки их сыновей и не собираюсь, какими бы они в будущем не оказались

злодеями эти их сыновья. Женщины они есть женщины. Сергей Луканенко одобрительно покивал мне головой, а затем сказал:

—Это тяжелая задача и справиться с нею будет нелегко. Обращайся к Ивану Сергеевичу. У него есть чему поучиться: так мастерски нарисовать портреты героев своих книг не каждый сумеет. Мне, например, до него далеко. Да и многим из современных писателей. — Помолчал, затем сказал: — Что же, хочу пожелать тебе удачи на литературном поприще и жму руку, — он крепко сжал мою ладонь. — Мне пора! Задержался я. Достоевский «телеграфирует», ждет меня. Рад был увидеть тебя живым и невредимым. Что посоветую: не уподобляйся Андрею — не шастай по созвездию миров. Создавай свои и их совершенствуй. Я после разговора с тобой решил многое изменить...

Вдали среди поросли березок появилась Ирина Павловна Гадай, Оксана Игоревна Козырь и следом за ними по зеленой траве скользили Тимур Аркадиевич Гадай и Алексей Григорьевич Коколев. Их всех сопровождал мой коллега писатель Андрей Пельмин с корзинкой полной грибов.

—Здравствуйте! — бросил он слова приветствия мне и еще не успевшему уйти Луканенко. — Вот, доставил по назначению, — сказал лично мне, затем продолжил: — совместив полезное дело с приятным. — Поднял вверх свою корзинку и сообщил: — Вот это грибочки, и какие грибочки!

—Андрей, а как там... — не договорил, его тут же прервал Пельмин: — Да все нормально, собрал и твоих пригнал к Федору Михайловичу. Там с ними Голвачев разбирается, решил «опустить по полной», — и Андрей от

груди махнув рукой вниз, громко засмеялся. — Все путем!

—Ну, я пошел восвояси, — взглянув на меня, отрапортовал Луканенко. —Мы уже простились, не следует затягивать расставание, — и тут же удалился, издали, помахав на прощанье рукой Андрею Пельмину.

Андрей приблизился и подал мне руку. Я пожал его крепкую ладонь.

—Это не все, — сказал он, отдавая в мое распоряжение чету Гадаевых, Коколева и Козырь. —Там, — непонятно махнул рукой, — еще какая-то женщина «валяется». — Пельмин был несдержан в выражениях. Я о том знал и поэтому простил ему слово: «валяется». Толку от моих проволочек ожидать не следовало.

—Где? — спросил я.

—За башней, — тут же выдал Андрей.

—Хорошо, заберу! — сказал я и поинтересовался: — Ты ко мне на «Останкинскую» — зайдешь?

—Нет, — ответил Пельмин, немного помялся и спросил: —Да, о чем это тут с тобой балакал этот..., — сделал паузу, — Луканенко, наверняка что-нибудь такое в подробностях про меня говорил?

—Да, говорил. Андрей, прими мои соболезнования по поводу смерти матери, — сказал я в свою очередь.

—Рассказал... понятно, — с грустью произнес писатель. —Я, как мог долго скрывал ее кончину, и она для меня оставалась живой. Но время идет, и скрывать становиться все труднее и труднее. Вот так!

—Пойду, нажрусь грибочков и в свой мир, в преисподнюю, забурюсь до скончания века...

—Андрей, не смей, — крикнул я, — не смей! Жизнь ведь не стоит на месте, идет! Знай, будет в ней и хорошее...

—Да не переживай ты за меня, что вы все лезете в мою

жизнь… — сказал и замолк, затем буркнул: — извини, все будет нормально. Есть, кому за меня беспокоиться, пока есть, — и отчего-то подмигнул мне глазом. Я догадался, кого Пельмин имел в виду: — Татьяну и поэтому, успокоившись, сказал:

—Это хорошо! — Пельмин развернулся и пошел прочь. Я, оставив своих подопечных у входа в башню, отправился искать женщину, о которой мне сказал товарищ. Нашел быстро. Это была пожилая деревенская баба Мария Ивановна. Я поднял ее и слегка просканировал. Мария Ивановна оказалась из Щурово Брянской области, моя землячка. Правда, смерть приняла вдали от дома в селе Фовичи. Весь ужас случившейся трагедии, зажег меня, а затем словно из ушата холодной водой вылился на голову, плечи, — растекся по всему телу. Я резко отскочил от нее и, после того, когда успокоился, поднял и повел женщину за собой, размышляя над тем, где мне ее разместить.

Едва «новенькая» и мои подопечные встретились, как лицо у Оксаны Игоревны Козырь искривилось, и она без сознания, если это понятие уместно на втором уровне существования, рухнула наземь. Мария Ивановна тут же подскочила к ней и наклонилась. Нетрудно было догадаться: встретились мать и дочь. Я вмешался в ситуацию и рядом положил вновь прибывшую, затем Коколева, чтобы заняться четой Гадаевых. Разместив пожилых людей на двадцатом этаже, я спустился на лифте вниз. Меня тревожила одна только мысль: что же мне делать? Как разрулить положение.

—Семен Владимирович, — неожиданно раздался голос Федора Михайловича, — спешу вам сообщить, что черных людей мы «закопали», ну вы понимаете меня, что это означает. — Голвачев загнал их «в ствол времени» и

поместил глубоко-глубоко, в мезозойскую эру. Правда, один, Черный человек сбежал. Ну, да ладно, поймаем и его, никуда он не денется. И еще, у вас проблема: не знаете, куда определить «новенькую» Марию Ивановну?

—Да Федор Михайлович. Она мать моей подопечной Оксаны Игоревны. Я не пойму, отчего сыр-бор. Не могут ужиться, а ведь родственники.

—Так вот, отдайте ее мне. Я, не знаю, каким образом она попала к вам. Все вместе с нею убиенные люди: ее дочь, внуки находятся у меня. Да, поправлюсь: внуков нет, они сразу же вознеслись на небеса. Правда, их убийца — это и есть тот сбежавший Черный человек. Однажды он был осужден на пожизненное заключение. При погрузке в особый вагон в городе Новозыбкове, — этот город вам знаком, — для транспортировки в Якутию конвой допустил оплошность: он попытался сбежать, и был убит. А вот теперь…

—Понятно, Федор Михайлович, бегает на свободе. Ну да ладно. Он добегается. А эту женщину, как там ее — Марию Ивановну, забирайте, — и я с облегчением вздохнул. — Такой груз с плеч.

Я, думаю, что появление у стен твоей башни Марии Ивановны стало возможным из-за того, что Пельмин внес неразбериху: при сопровождении твоих подопечных случайным потоком этапировал и ее. Так что Семен Владимирович, я скоро буду у вас, ждите. — Помолчал, а затем не выдержал и обронил: — Давно хочу побывать у вас в ресторане «седьмое небо» и попробовать… это, как там, французское блюдо — жульен из шампиньонов. О нем мне один наш знакомый сказывал… — я сразу догадался кто.

—Добро пожаловать Федор Михайлович, жду! Правда,

этот знакомый в настоящее время занят другими грибами...

Проблема разрешилась быстро. Я тут же поднял на ноги пожилую женщину и спрятал ее от глаз дочери, затем занялся Алексеем Григорьевичем, дав ему несколько наставлений, как вести себя с любимой девушкой. Оксана Игоревна вибрировала, она была неустойчива. Ее били конвульсии. Нет, не такие, как у живых людей, что-то электрическое. В воздухе пахло озоном. Алексей Григорьевич тут же взял ее за руку, придав девушке, твердость ног, и они под моим присмотром поднялись на свой этаж.

Я, спустился с верхотуры вниз и отправился к женщине, матери Оксаны Игоревны. Моя подопечная была ее старшей дочерью. Они жили вместе. Я тут же понял, отчего дочь так остро отреагировала при встрече с матерью. Их что-то объединяло еще. Да они были близки, но не только это вызвало такой бурный всплеск эмоций. На матери лежала какая-то задача, и она не должна была вот так вдруг неожиданно оказаться здесь на второй ступени существования. Мне требовалось время, чтобы разобраться и я бы разобрался, но тут появился Достоевский.

—Здравствуйте, Семен Владимирович, ни как мы с вами не расстанемся. Уже сегодня два раза встречались и вот снова...

—Ничего страшного, — ответил я. — С хорошим человеком можно и сто раз встречаться.

—Идемте, Семен Владимирович, показывайте мне ваши хоромы. Интересно посмотреть, как живут молодые писатели, интересно... — сказал Достоевский. Я поднялся с корточек, так и не успев до конца просканировать эту

женщину. А все из-за неудобства, которое ощутил при появлении рядом знатного классика. Он взял меня под руку, и мы направились к «Останкинской башне».

—На обратном пути я обязательно ее заберу, — бросил мне Федор Михайлович. Я пригласил классика в лифт и, предупредив о том, что может заложить уши, надавил нужную кнопку. Зашумели двигатели и мы устремились вверх.

—Вознесение на небеса, — сказал Достоевский. Хотел еще что-то сказать, но голос его вдруг внезапно исчез. Время остановилось. Меня ждали на первом уровне. Я был необходим живым. Хватало проблем. На экране сотового телефона я увидел: на связи авто слесарь Николай Новиков. Он известил мне о том, что моя «Ласточка» отремонтирована и просил, чтобы я, прибыл в Дятиново, оплатил их труд и забрал автомобиль. Забрал как можно быстрее.

—Сергей Самсон, мой напарник негодует место в гараже на вес золота говорить он, так, что поторопитесь, — сказал и отключился. Возможно, так оно и было. Многие автолюбители стремятся в теплое время года что-то подтянуть, отрихтовать, полученные вовремя не удачной езды или же парковки вмятины, подкрасить царапины и даже заменить некоторые детали в своей машине, не только один я. На ремонт машины ушло две недели. Это немного. Я тянул, выжидал. У меня было желание совместить свою поездку с посещением суда, так как без водительских прав на автомобиле далеко не уедешь. Ох, как я желал забраться в свою «Ласточку» и вдавить педаль акселератора в пол.

Глава 21

Прежде чем отправиться в Дятиново я созвонился с Еленой Прекрасной и рассказал ей о ситуации. Мне необходима была поддержка дочери, в случае, если я не успеваю забрать водительские права или же как-то предрекал старший лейтенант милиции Андрей Юрьевич Фоков, их у меня на время отберут, то она должна мне помочь перегнать отремонтированный автомобиль в Щурово. Держать «Ласточку» в Москве под окнами многоэтажного дома без возможности на ней ездить — это было немыслимо. Тогда, хоть продавай. Другого не дано.

Дочь известила мне о согласии эсэмэской и уже вечером сообщила по обычному телефону о том, что она и Юрий Александрович решили расписаться, поэтому у нее есть желание показать жениха бабушке. Да и он хотел бы с нею познакомиться.

—Я и Юра возьмем несколько дней в счет отпуска на работе и отправимся с тобой вначале в Дятиново, а уж затем в Щурово. — Меня такое положение устраивало и в тоже время давало возможность без риска заняться своими делами. Я договорился с Еленой Прекрасной о том, что буду держать ее в курсе всего того, что будет происходить.

На следующий день мне позвонил брат Федор и сообщил, что его жене пришла повестка. Она должна явиться в Брянский суд по вопросу административного правонарушения, связанного с ДТП.

—Ты, ответчик, — сказал брат. — Тебе такое письмо тоже должно прийти, посмотри в почтовом ящике. — Письма я в ящике не обнаружил и воспользовался той

информацией, которую, на всякий случай, записал под диктовку Федора. Оно, письмо пришло много дней спустя после моего возвращения из Щурово. Это вот так работала московская почта. Ответ москвичей почтальонов на мизерную зарплату. Она здесь в столице тоже небольшая. Я однажды набрался смелости и спросил у сотрудника ближайшего почтового отделения. Расстояние между населенными пунктами здесь было не причем. От Брянска до Щурова и от Брянска до Москвы оно одно и тоже, если и есть какая разница, то это пять-десять километров, не более.

День суда, час мне был известен. С дочерью я договорился. Оставалось позвонить племяннице Людмиле. На то у меня был день-два. Я выжидал, испытывая неудобства, и так, наверное, своими поездками надоел. Вот снова нужно собираться в дорогу. Благо, что моя племянница перед моим походом в железнодорожную кассу нашла время и сама мне позвонила:

—Сеня, ты говорил, что часто будешь меня навещать. Прошла неделя, другая, началась третья… Я, жду-жду, а тебя все нет. Это не порядок! Где ты там подевался? — Я чуть было не закричал ура-а-а, удержался. Людмила почувствовала, мне нужно в дорогу и своим звонком помогла. Я не желал останавливаться в гостинице, да и своим поступком мог обидеть родственницу. А тут проблема сразу разрешилась.

Мне трудно было сориентироваться: сколько времени я затрачу на поездку, поэтому дочь и ее парня с собой не взял, выехал один. И отправился в Брянск, а не в Дятиново.

На вокзале я был рано утром. В руках у меня была большая сумка, наполненная подарками. Можно было ее и

не брать, оставить на дочь и на ее парня — привезли бы, но я, опасаясь худшего, не стал этого делать и таскал с собой, даже в суд.

В запасе у меня было несколько часов. Я в любой момент мог позвонить и вызвать Елену Прекрасную и Юрия Александровича в Дятиново, но это после того, когда побываю на суде и узнаю результат состоявшегося заседания.

Брянск город сложный. Он в себя вбирает Брянск первый и Брянск второй, а еще несколько сел, деревень, поселков и оттого чужому человеку разобраться в нем тяжело. Находишься, прежде чем найдешь нужную улицу и нужный дом. Это я прочувствовал на своей «шкуре». И в Брянске первом и в Брянске втором обязательно есть улица названная в честь Ленина, да и в каком населенном пункте ее нет? Они, эти улицы в России везде, да и не только в России, но и в других республиках теперь — странах, еще сохранились. Город, в который я приехал, имел проспект Ленина и улицу Ленина, еще он имел проспект Станке-Димитрова — антифашиста, лидера Болгарии и улицу Димитрова (город Брянск побратим болгарского города Станке-Демитрово, в настоявшее время Дупницы). Та улица, которая мне была необходима, тоже оказалась не одна. Я, конечно, вначале побывал на проспекте, затем долго искал нужную мне улицу, — нашел. Затратил для этого несколько часов. Отчего несколько часов? Здание суда ремонтировалось, и это учреждение перебралось в другое. Для поисков, следуя пословице: Язык до Киева доведет», я останавливал общительных брянцев и подолгу разговаривал с ними, все безрезультатно, пока мне не попался на глаза в троллейбусе Иван Сергеевич. Уж очень он был ко

времени. В самый раз оказался в нужном месте.

—Ни как вы, Семен Владимирович! — воскликнул рослый мужчина и довольный погладил свою бороду.

—Я, я, а кто же, — отрапортовал я. — Весь город исходил в поисках одной нужной мне улицы. Все безрезультатно.

—Что за улица? — спросил Иван Сергеевич, человек похожий на Тургенева, а затем, когда я назвал ее, принялся рассказывать, где она находится, увидев, что я неосознанно киваю головой, вместе со мной отправился и показал ее. Я был ему благодарен, долго жал руку. Случайное знакомство оказалось полезным и нужным. Правда, при расставании с Иваном Сергеевичем в голове мелькнула мысль: а случайное ли оно?

В суд я прибыл за полчаса до начала заседания. Прождал час, а может и больше. Суд начался после того, как появился розовощекий старший лейтенант Андрей Юрьевич Фоков. Они почему-то все из милиции упитанные и розовощекие, даже мой племянник. Не знаю с чем это связано, наверное, служба обязывает. Он тут же разыскал секретаршу, и нас попросили в зал. Зал был неприспособленным. Да и не зал это был — большая комната. За отдельным столом сидел судья. Мне о нем сказали, что он пописывает стихи и даже печатается. Делопроизводитель или секретарша не знаю, как следовало назвать молодую девушку, присела за другой стол. Я и милиционер устроились, кто, где увидев свободные места. Много стульев было заполнено перевязанными папками с документами — бумагами. Судья что-то буркнул. Наверное, представился, я, отыскивая место, не расслышал ни его имени, ни отчества, ни фамилии. Да это было и не важно.

—Так, что там у нас? — вопросительно проговорил он, сделал паузу и изрек: —ДТП. Жертв нет. Дадим штраф пятьсот рублей, думаю достаточно?

—Ну, что вы? — влез Андрей Юрьевич. — Женщина пострадала. У нее перелом руки — это травма средней тяжести.

—Ну, ладно, тысячи достаточно, — сказал судья.

—А ребенок? — снова вставил слово старший лейтенант Фоков. Он мстил мне за то, что я ничего не предпринял во время оформления им протоколов.

—Что, в машине был ребенок? — спросил судья, заглядывая в дело и листая его. — Ну, тогда…

—Ребенок не пострадал. Он получил лишь царапину, — сказал я, — и почти сразу был выписан из больницы.

—Ну, это меняет дело, — строго взглянул на старшего лейтенанта судья. Фоков, однако не сдался и сказал, что за такие дорожно-транспортные происшествия виновники наказываются штрафом…— он назвал сумму превышающую озвученную судьей. Человек, пописывающий стихи на мгновение задумался и повторил названную цифирь Андреем Юрьевичем.

—Для москвича это не деньги, согласны? — посмотрел на меня. Я согласился.

—Суд, считаю свершенным, — тут же выдал судья громко, единожды за все время заседания. —Далее, все вопросы к девушке. Она оформит и выдаст вам решение. — Все поднялись и я вместе с ними. Мы вышли из зала, тут же в него зашли другие люди. Дела вершились от начала рабочего дня до скончания, без перерывов, ну, если только на обед. Я принялся выяснять у секретаря, как долго мне ожидать решения и, ссылаясь на то, что я сам не из Брянска, приезжий, уговорил ее за два дня сделать мне

бумагу. Милиционер, с недовольным видом сообщив, что ждет меня в здании ГИБДД с решением, тут же отправился по своим делам.

Брянск я оставил в тот же день, уехал на автобусе в Дятиново и вечером был у родственницы. Позвонил Николаю Новикову, занимавшемуся ремонтом машины, сообщил ему, что завтра буду у него, а еще известил, что привез кое-какие недостающие запчасти для автомобиля.

—Завтра, жду, — сказал он и отключился. Людмила моя родственница то занималась хозяйством, то разговаривала со мной. Ее муж тоже был занят. Их доставали козы. Им требовался уход. Они делили их на двоих. Даже доили, каждый свою любимицу. Правда, когда Борис Иванович отсутствовал: ездил на похороны своей родственницы, на девять дней, с козами управлялась Людмила.

—Достали они меня, — жаловалась племянница. — Сбыть бы их, — затем вдруг говорила: — все, приедешь в следующий раз, ни одной не будет. — Проходило время, она «отходила» и уже жалостливо вопрошала: —Ну, куда я без них денусь? Одну обязательно оставлю. Молоко нужно Владимиру. Он больной. Желудок ни к черту. Скоро будет жить у нас в доме. Тогда все молоко будет его. Ты говорил, что в Москве оно сто восемьдесят рублей стоит. Это же такие деньжищи, а нам это молоко почти бесплатно достается, — молчала, а затем поправлялась: — ну если только труд свой вкладываем и все!

Другой день прошел в заботах о машине. Она была еще не совсем готова. Да и запасные части, которые я привез, нужно было установить. Ребята мастера провозились до темноты.

—Ну, завтра, приходи, забирай, — сказал Сергей Самсон. Николай Новиков бегал вокруг моей «ласточки» и

нахваливал ее: —Ну, что новая, что новая! — Я был доволен и, находясь в гараже, позвонил Елене Прекрасной.

—Завтра, мне можно будет забрать машину, а послезавтра я собираюсь отправиться в Брянск за решением суда. Вот, такие дела! Что ты скажешь? Готова ли ты навестить свою крестную и затем на моей «ласточке» мы отправимся к бабушке в Щурово? Она уже заждалась. О нашей будущей поездке, я ее оповестил. Ты знаешь, она меня еще в феврале ждала, я выехал, но никак вот не доберусь. Уж очень много было всяких помех на пути, много… — сама знаешь! Пора мне уже предстать перед взором матери, а тебе — бабушки. Похвастаться ей своим женихом. Услышать мнение о нем.

Дочь выслушала меня, и тут же посовещавшись со своим другом, —он находился рядом, — сообщила, что они приедут завтра на поезде, так как автомобиль продали, новый купить не успели. Для этого необходимо немало времени.

—Да это к лучшему, а то, что получилось бы — целый эскорт. А так сядем в твой и в Щурово. — Я согласился и стал ожидать их приезда.

Автомобиль я забрать не мог, у меня не было водительских прав, поэтому я попросил Николая Новикова пригнать его домой, к моей родственнице — ребята имели знакомства с ГИБДДэшниками, однажды я видел у них в гараже машину с надписями — ДПС. Он согласился.

Через пятнадцать минут я уже осматривал свою «ласточку». Мне, конечно, не все понравилось, но не было желания выяснять отношения и ссорится с мастерами. Я рассчитался и отпустил их.

Глядя на ночь, мне позвонила дочь и сообщила, что они

уже на вокзале в Дятиново, взяли такси и скоро будут на месте. Я встретил Елену Прекрасную и ее спутника Юрия Александровича у дома родственницы и провел вовнутрь.

Людмила сожалела, что мы на следующий день рано утром должны отправиться в Брянск.

—Даже наговориться, как следует, не удастся, — восклицала она. — Поздно.

— А ты приезжай в Москву, там и поговорим, — сказал я и предложил пойти на покой.

Автомобиль вела дочь: она была вписана в мою страховку. Мы выехали рано утром. Юрий Александрович прикрепил к стеклу с помощью присоски навигатор.

—Ну, вот теперь нам не придется долго блуждать по городу. Навигатор подскажет, например, голосом Жириновского и покажет на экране нужный маршрут, — сказал он.

— Хорошо бы, — ответил я. — Дай Бог!

До Брянска мы доехали благополучно, но вот в городе начались наши мытарства. В очередной раз, забравшись на «ласточке» неизвестно куда, я нет-нет и думал о том, что неплохо бы вдруг неожиданно встретить на дороге своего земляка Ивана Сергеевича, очень похожего на писателя Тургенева. Однако мои мысли о нем результата не давали. Не мог он вот так ни с того ни сего раз, и появиться предо мной. Хотя бы оттого, что если мой земляк и писатель одно и тоже лицо, то энергии для такого форс-мажорного предприятия требовалось достаточно много.

Не знаю, что произошло, но Бог оказался милостив и скоро я из окна «ласточки» заметил нужный троллейбус, на котором уже раньше ездил на суд с Иваном Сергеевичем и попросил дочь подыскать подходящее

место для парковки.

—Ну, сколько можно мотаться по городу? — выразил я общую мысль. А тут еще позвонила племянница Людмила и спросила:

—Сеня, как там ваши дела. Ты, водительские права забрал или?

— Или, — сказал я и принялся объяснять ей сложившуюся ситуацию.

—Ну, с вами все понятно, — сказала она. — Обязательно позвони, когда дело сдвинется с мертвой точки!

Я, оставил дочь и ее друга дожидаться меня в машине, сам положился на городской транспорт.

Мой «навигатор» тот, что находился в голове, помог мне добраться до здания суда. Скоро я держал в руках решение суда. Теперь необходимо было приехать в ГИБДД и вручить это решение Фокову, а уж он должен был на его основании выписать мне штраф. Я после оплаты штрафа получал на руки водительские права.

Найти здание ГИБДД оказалось тоже нелегким делом: надежды на «навигатор» не оправдались: он привел нас, куда-то на деревенскую улицу. Название улицы соответствовало, но это была не та улица. Ее необходимо было искать, как подсказали сердобольные люди в другом Брянске. Я сейчас не могу сказать в каком, то ли в первом, то ли во втором — это неважно, но когда мы разыскали нужное мне учреждение, старшего лейтенанта милиции на месте не оказалось. Он на выезде сказала мне одна из сотрудниц, будет после обеда — двух часов. Мне девушка посоветовала оплатить штраф. Я отправился к машине и затем, оповестив дочь и ее друга, принялся искать ближайший банк самостоятельно. Нашел. Однако

оплатить не мог: возникла проблема. Мне для этого потребовался номер протокола из суда. Я уже думал, придется снова слезно просить Ивана Сергеевича — земляка о помощи, пусть без его видимого участия, но нет, обошлось: на документе значился номер телефона и я благодаря звонку, получил этот самый номер протокола, мне его продиктовали. Правда, стоило мне только уйти из очереди, а она была в банке большой, изогнулась, что та змея, вновь меня, как я не подступался к ней, не подпускала, отбрасывала и отбрасывала, хотя я и утверждал, что только что стоял. Надо мной сжалилась сотрудница банка и взяла у меня деньги. Она снова набила нужные цифири на компьютере, добавив недостающий номер, — платеж прошел, то, что мне и нужно.

Лишиться водительских прав, пара пустяков, а вот получить их назад тяжело. Я вспомнил, какие испытал мучения, когда сдавал в ГИБДД на права после окончания автошколы. Я взял инспектора и мытьем и катаньем. Хотя меня долго вынуждали заплатить деньги и на экзамен не ходить.

Долго мне оформляли бумаги, прежде чем отдать права. Старший лейтенант милиции то доставал мои документы, то снова прятал их в ящик стола. Перед глазами у меня не единожды мелькнула карточка — мои водительские права. Андрей Юрьевич наслаждался, наблюдая за мной, и вручил мне мой документ с явной не охотой, при этом на прощание сказал:

—Заходите!

—Нет уж, — тут же отреагировал я, — лучше не надо. Намучился.

—Намучились, но вы живы. А вот мой товарищ, майор Гришулин, тот который оформлял ваше ДТП, тот уже в

мире ином. — Я покивал головой в знак сожаления. Хотя он и виноват в моем происшествии, но по-человечески его было жалко.

—Ну, что, — вопросительно спросила у меня Елена Прекрасная. —Мне можно идти на заднее сиденье?

—Да, можно, вот мои водительские права, — и я с удовольствием покрутил в воздухе корочкой.

Дочь, находясь не один час за рулем, устала, начала ошибаться, не заметила, пропустила светофор, чуть не наехала на пешехода. Она с удовольствием уступила мне руль. Казалось проблемы позади, но не тут-то было. Брянск не хотел нас отпускать: поездили, прежде чем вырвались за его пределы и то, одолев с десяток километров, неожиданно заметили, что едем в сторону Москвы. Хорошо, на пути следования оказалась служба ГИБДД и я, остановив автомобиль, отправился к постовому спросить, где можно развернуться и какого было мое удивление: предо мной оказался Фоков Андрей Юрьевич, собственной персоной:

—Ну, вот, а вы говорили… Гора с горой…, а человек с человеком… Что вас снова привело на Киевское шоссе?

— Это, что я на Киевское шоссе попал? — задал я вопрос и принялся выспрашивать, где можно развернуться в сторону Гомеля. Он с охотой принялся мне объяснять, что до разворота довольно далеко, а затем вдруг сказал: — Хорошо, сейчас, что-нибудь придумаем и, подняв свою воистину «волшебную палочку» — жезл, приостановил движение, давая мне возможность вклиниться в поток машин.

—Я знаю, вы к матери едите и никак не доедите. Дай Бог вам зеленый свет на всю дорогу.

Претерпев испытания, я выбрался на трассу и мигнул

фарами в знак благодарности старшему лейтенанту милиции. Дальше проблем не было. Моя «ласточка» летела легко и быстро. По сторонам дороги мелькали незасеянные поля, заросшие молодой порослью березок, сосенок, осин, леса, полупустые села, хоть снова впору вводить крепостное право, чтобы остановить поток молодежи из села в город Москву. Все стремились в столицу, а мы торопились в Щурово.

Глава 22

Каждую неделю по субботам я звонил матери. Она ждала моих телефонных звонков. Даже после дорожно-транспортного происшествия, я тут же постарался ее оповестить и успокоить. Находясь в больнице, я звонил реже, чем это делал раньше, мне было неудобно говорить, мешало состояние «полного рта». Однако то обстоятельство, что телефон у меня был сотовый я имел возможность отправлять небольшие эсэмэски брату Федору с просьбами: «Чаще бывай у матери». «Говори что-нибудь обо мне, но не пугай мать». «Лицо у меня страшное, но опухоль спадает, дай время, восстановиться». «Ходить я могу, но не поднимаюсь, врачи пока не рекомендуют», — затем шел повтор: «Чаще бывай у матери» и так далее.

Брат следовал моим просьбам: забегал в родительский дом, мать тут же ставила на плиту посудину для кипячения воды, Федор любил кофе, и она часто потчевала его этим напитком, находила возможность и специально покупала, выбирая по своим деньгам, самый лучший.

Держа кружку в одной руке, делая время от времени, небольшие глотки напитка, Федор извлекал из кармана другой, свой сотовый телефон, «бегая» пальцем по кнопкам, находил папку сообщений и некоторые из них зачитывал, при этом успокаивая родительницу:

—Да, все нормально, что с ним будет! Вот завтра или послезавтра мне нужно отправляться за Санькой в Брянск, забрать его из больницы, зайду и к Сене, навещу.

—Ты, как приедешь, так уж сразу ко мне. Я хочу знать, как там обстоят дела, скоро его выпишут?

—Скоро, кто его там долго держать будет. Лишь только увидят улучшение и на выписку.

Федор был прав. Сразу же после выписки Саньки, дня через три он забрал из больницы и жену. Затем наступила моя очередь. Я перебрался с одной больницы в другую. Находясь в отделении челюстно-лицевой хирургии, я позвонил матери, и как мог долго говорил с нею по телефону.

—Мам, теперь месяц-полтора я не смогу разговаривать, мне сделают шинирование — это значит свяжут челюсти и придется ждать, пока срастутся кости и только тогда…

—Ну, что же сделаешь сыночек, — терпи, я буду за тебя молиться. Бог поможет. Терпи!

Я терпел все неудобства, которые были связаны с переломами верхней челюсти, моим голосом была жена. Она разговаривала с матерью:

—Да вот лежит рядом. Мычит что-то. Да все нормально. Вот снимут, через две недели шины, сам позвонит.

Наступил момент, и я сам позвонил матери, успокоил ее и пообещал приехать. Однако не торопился, необходимо было время для адаптации, чтобы прийти в себя и ощутить нормальным человеком. Отправляясь в Дятиново, или же в Брянск и, решая свои задачи, я внимательно наблюдал, как на меня реагировала Людмила ее муж, сыновья и вот, наконец, она, покрутив меня у себя перед глазами, сказала:

—Сеня, вот теперь у тебя вид более-менее, заберешь свое водительское удостоверение в ГИБДД Брянска и отправляйся в Щурово. Ты давно уже не был у матери. Я бы тоже поехала с вами, но что-то плохо чувствую. Давление скачет, да и диабет замучил: снова поднялся сахар. Передавай там всем приветы и обязательно бабе

Наде, матери своей, большой-пребольшой! — подняла руку со сложенным старообрядческим крестом и на дорогу осенила нас.

Я залез рукой в карман, там у меня где-то был крестик, но нащупал странный предмет, достал, это был нож, подаренный мне кузнецом Василисой, таможенником из Харькова, быстро спрятал, чтобы не увидели мои спутники, затем запустил руку в другой карман и в руке оказался крестик. Его мне подарила мать, успокоился, после чего забрался в машину, следом за мной сел Юрий Александрович и за руль дочь — Елена Прекрасная. Затем Елена Прекрасная после долгих мытарств в Брянске и получения мной водительских прав уступила мне руль. Брянск не хотел нас отпускать, но я вырвался за его пределы и тут де позвонил брату Федору. Для этого даже остановил автомобиль, прижавшись к обочине. Мы выбрались на нужную трассу и направились в сторону Гомеля. На дороге нас вел Федор, то есть держал связь. Я или же дочь, а порой и Юрий Александрович, время от времени, отправляли ему эсэмэски или же делали короткие звонки, сообщая о населенных пунктах, оставляемых позади: Выгоничи, Красный рог, Почеп… В поселке Мамай, — я сразу припомнил парня охающего на соседней кровати рядом со мной, водителя МАЗа, перевернувшегося на трассе, — снизил скорость и осторожно повернул налево. За нами увязались несколько машин. Оно и понятно, через Щурово можно попасть не только в Белоруссию, но и на Украину. Одна из машин — это был черный «БМВ» с затемненными окнами то обгоняла нас, то каким-то образом снова оказывалась позади и снова шла на обгон. Я случайно мельком взглянул на полуопущенное стекло со стороны водителя и

вздрогнул: Черный человек. Он меня тоже заметил и стекло плавно пошло вверх. Случайно, это не тот тип, который вырвался из рук Андрея Пельмина, и которого миновала рука Голвачова.

—Что такое? — спросила дочь, вглядываясь в мое неожиданно потемневшее лицо. Я, увидев невдалеке заправочную станцию, пришел в себя и, резко дал вправо.

—Заправится нужно, — ответил я, не поворачивая головы. Пристроился в конец очереди. Вышел из машины и долго глотал, ставший вдруг холодным, майский воздух. Меня отвлек процесс заправки, а Елена Прекрасная спасла положение, глядя на меня, она предложила:

—Ну, что, давай я поведу, отдохнула, чувствую себя отлично!

— Хорошо, — согласился я, и отправился на ее место.

— Пусть бабушка не видит, что ты за рулем. А то будет ахать, а так на душе у нее будет спокойно, — дополнила она свои последние слова. Я кивнул головой.

Последний звонок от Федора был, когда мы проезжали Фовичи. Он услышал название и сказал:

—Да, это место нехорошее, осторожно там! — Я догадался, что он имел в виду — страшное убийство и изнасилование женщины, ее дочери и малолетних детей. Мне припомнилось лицо этого убийцы. — Вот сволочь, — не удержался и вслух сказал я.

—Что-что? — спросила дочь.

—Да так, думал о своем, вот и вырвалось.

—Семен Владимирович, — чтобы замять нехороший инцидент, спросил у меня друг Елены Прекрасной: —А далеко еще до Щурово?

—Девять километров, — ответил я.

—Да мы уже, можно сказать, приехали! — Он был прав.

Оставались считанные километры.

Добрались мы быстро. Дорога была хорошей. Что меня раздражало: я не поменял резину, ехал на зимней. Она — эта резина, что те зубы, причиняла неудобства: на сухом асфальте издавала странные звуки. Это отвлекало меня от Черного человека, и я не заметил, как дочь вдруг, мягко сойдя с трассы, подрулила к большому каменному дому.

Нас встречала мать, она за последние месяцы сильно постарела, рядом с нею стоял Федор, да еще старая собака, доставшаяся матери, два года тому назад, после смерти одной из ее приятельниц.

Я вышел из машины, следом за мной выбралась дочь и, наконец, появился ее друг. Мать думала, что это Костя — муж Елены Прекрасной и, увидев совершенно незнакомого человека, опешила. Я подошел и обнял ее, поздоровался, затем пожал руку Федору, подошла дочь обняла и поцеловала бабушку, поздоровалась с крестным и после приветствий она подвела Юрия Александровича.

—Вот, знакомьтесь. Это Юра. Мой друг.

—Я чувствовала, что-то не то, ты, бабушку не обманешь! — Все прошли во двор, а затем и в дом.

—А машину, что у дома оставим? — спросил я.

—У дома, — за всех ответил брат Федор и пояснил: — Меня ведь отвезти нужно. А для начала давайте попьем кофе. И распотрошим сумки с подарками.

—Твой кофе? — шутя, спросил я.

—Нет, — ответил Федор, — мой кофе я и дома попью. Да, где он? Что же вы его мне не вручаете, не говорите, прими дорогой Федор Владимирович, а? — Я тут же полез распаковывать сумки.

Приехали мы поздно вечером, к ужину. Правда, из-за того, что часы не были переведены, ночь долго не

наступала и у нас была возможность не только покушать, но и наговориться.

Однако все однажды кончается. Федор, взглянув на часы, засобирался домой, и мы поднялись из-за стола. Вышли во двор, а затем за ворота.

—Нужно ехать, — сказал брат и посмотрел на мою «ласточку». — Сделали нормально, даже лучше стала.

—Хорошо, поедем, — сказал я и достал из кармана ключи.

—Да, не надо, я на велосипеде приехал. Во дворе у сладкой яблони стоит, — парировал мое предложение брат и отправился за своим чудом техники.

—Так вот как, а зачем тогда я свою «ласточку» на ветру у дома держу, во двор не загоняю, — помолчал, дождался, когда Федор выкатил велосипед, а затем спросил: — Ну, как там жена твоя — Валентина Максимовна? Приходит в себя после..., — я не стал договаривать, брат меня понял.

—Уже работает, за ней не угнаться: почту быстрее всех сотрудников носит. А что сделаешь, Санька у нас, да и малой тут появился. Его дружок. — Я брата не понял. Какого такого дружка он имеет в виду. Может быть, сын Владислав привез им из Москвы, народившегося братика Максима, так не должен. Я бы знал о том. Никакой тайны, чтобы скрывать, здесь нет.

—А, как рука у Валентины Максимовны? — спросил я.

—А, что рука? Рука, еще побаливает. Врач, свой местный, ты его знаешь, зять Криворотчихи сказал, чтобы делала особые гимнастические упражнения, разрабатывала кисть, — помолчал, затем забрался на велосипед.

—Завтра приезжайте, хоть и понедельник, но у меня выходной, а если тесно будет, можете и на ночь заявиться,

— сказал Федор. — Все увидите своими глазами. — И, оттолкнувшись ногой от земли, со скрипом быстро-быстро покатил по темнеющей трассе. Пока не было машин, нужно было добраться до перекрестка и свернуть на тихую улицу, там можно уже и не торопиться.

Места нам хватило: Елену Прекрасную и Юрия Александровича мать расположила в зале, а меня в примыкающей к нему комнате, той в которой я обычно останавливался. У меня здесь не только кровать стояла, но и на небольшом столике компьютер: я мог в любой момент сесть за него и начать писать.

С дороги мать положила нас пораньше. Я заснул под ее молитвы. Она молилась за всех нас, наверное, заметила, что процесс заживления у меня еще не окончен, продолжается. Я не смог во время разговора утаить от нее: рука невольно сама поднялась и принялась массировать верхнюю губу, затем мягкие места под глазом, для снятия напряжения. Во время еды или же когда я что-то пил горячее, а также холодное, остро чувствовал температурные перепады, не все было ладно.

Под молитвы матери я словно провалился и ощутил себя после того, когда вдруг услышал мягкий голос Ивана Сергеевича, своего наставника:

— Семен Владимирович. Давайте ко мне. Из Щурова это также легко, как и из Брянска, Дятинова, Москвы… Я жду вас. Сегодня у меня в усадьбе большое торжество: заседание Союза писателей, и вы приглашены. — Едва Тургенев закончил, меня стала бить дрожь: я понял — это не случайно.

— Для вас это знаменательное событие. Прием в его члены … — донесся, словно из горней вышины, голос моего наставника. — Ну, вот дождался и я приема меня в

когорту пишущей братии. Это, благодаря моей матери. Не зря она за меня молилась, не зря. Я стану хорошим писателем. Приложу для того все свои силы.

—Я верю вам, — откликнулся Иван Сергеевич и тут же назвал мое имя и фамилию. Вспыхнул свет и я оказался в зале усадьбы Тургенева, заполненного множеством людей. Мне, подскочив со стула, махнул рукой Пельмин, увидел я и Луканенко и Голвачова. Федор Михайлович оказался рядом и пожал мою руку.

—Не бойтесь, Семен Владимирович, все будет хорошо. Вы сами себя уже приняли в наш Союз. — И оказался прав. Мне достаточно было рассказать о себе, о своих книгах, похвастаться почти законченной книгой «Оазис» и сообщить сообществу о планах на будущее. Тут же поднялся Иван Сергеевич и предложил писателям принять меня. Достоевский также замолвил слово. Затем за меня проголосовали. Против голосов, не было. Мне, все было понятно, — от меня ждали больших побед в будущем, и я должен был оправдать доверие людей — коллег, сидящих в зале усадьбы Тургенева. А еще, отчего все прошло так быстро, — народ желал приступить, не затягивая заседание, к обсуждению новых Богов. Их появление не было чем-то особенным. Они возникали и продвигались, пытаясь завоевать «Олимп». Другие низвергались в тартарары после долгих обсуждений. Я ничего не понимал из выступлений маститых ораторов. И так бы и не понял, но рядом оказался Андрей Пельмин и он прояснил мне суть происходящего:

—Семен, все просто. Бога, как такового из костей и плоти нет, и никогда не было, есть виртуальный. Здесь, на второй ступени никто не отрицает его наличие. Даже понимают, что он един. Да скоро с этим не будет проблем

и на первом уровне существования. Я что-то похожее уже слышал на лекциях профессора богословия Осипова. Народ интересуется, — бросил мой собеседник и продолжил: — Что собой представляет этот виртуальный Бог? Не знаешь? В настоящее время это размытое существо в состав, которого входят шаманы, колдуны, мыслители философы, писатели, пророки и мессии. Это и Платон, и Сократ и Конфуций, и Иисус, и Мухаммед, ... и Маркс, и Энгельс, и Ленин и многие другие, но я уже говорил, что Бог един. Наступит время, и это множество сольется воедино и станет настоящим Бо-о-гом, — по слогам проговорил Андрей. — Поэтому здесь все еще актуально высказывание из Евангелия — «Не сотвори себе кумира». Хотя где, как не у нас на втором уровне творить этих кумиров. Их великое множество, да и на первом уровне предостаточно. Но сдвиги уже наметились: люди земли согласны под словом Бог, Господь, Создатель и тому подобное видеть что-то одно и одинаково понимаемое. Путаницы здесь не должно быть. И не будет, скоро не будет.

—Андрей, а как ты думаешь, людей может устроить живой индийский Гуру? Он любому из своих поклонников говорил: «Я — Бог. Ты тоже Бог. От тебя я отличаюсь лишь тем, что осознаю, что я Бог, а ты совершенно не осознаешь».

— А, ты говоришь о Саи Баба, он недавно скончался. Нет, нет и нет! Я ведь тебе уже говорил, что на первой ступени Бога не должно быть. Он лицо виртуальное, — запомни это, — горячо сказал Пельмин и повторил: — виртуальное. Это второй уровень существования, а то бери и выше.

—Ну, хорошо, я с тобой согласен, но человек ведь не

животное, это существо способное творить. Значит высказывание Саи Бабы неслучайно. Правда, ни каждый. У многих из нас недостаточно для творчества времени. Этого — времени недостаточно было, чтобы изучить мир, понять его, все ушло да и уходит особенно в наш двадцать первый век на работу, работу и работу, неблагодарную и тупую изо дня в день, без выходных. Жизнь проходит, словно, в тумане. Нет времени даже на детей, их воспитание. Они растут нетворческими людьми — подобно скоту. Одна надежда на отдельных личностей. Их пусть и немного. Они при желании могут уподобиться Богу. — Мой собеседник не дал мне договорить, тут же согласившись со мной, принялся меня поправлять: — Семен, не могут, даже несмотря на их великие заслуги перед человечеством. Не могут. Запомни это постулат. Думаешь, что Платон, Сократ, да и другие люди, имена, которых я называл, они были Богами на первой ступени? Нет! Даже Иисус — это человек. Он был признан Богом после смерти на четвертом соборе. Бог — понятие до конца неосознанное… но время осознания грядет. — Мы долго беседовали, не мешая собранию. На втором уровне существования для этого была возможность. Ну, что в том ресторане, имеющем обособленные кабинеты. Мы могли слышать всех и каждого в отдельности. Я на этом заседании осознал себя одним из членов Союза писателей. Что мне еще запомнилось? Андрей Пельмин, Игорь Луканенко, Василий Голвачов, пожали мне руку. Иван Сергеевич похлопал меня по плечу. Граф Лев Николаевич и тот кивнул мне головой. Я желал встретиться с Федором Михайловичем и сообщить ему о черном автомобиле БМВ, замеченным мной у поселка Мамай. Но он, мелькнув в начале заседания, проголосовал за меня и куда-то пропал.

Ладно, подумал я, — еще будет время, будет время… и очнулся.

Было утро. На дворе светило солнце. Оно яркими лучами заглядывало в окна. За баней в саду пели соловьи. Природа радовалась весне — всепоглощающей жизни. Я тут же быстро оделся и побежал умываться. При этом своим шумом разбудил Елену Прекрасную, ее друга:

—Ну, что вы сони спите, идите в сад слушать соловьев, друзей всех влюбленных. Но, это, в том случае, если ваши отношения серьезны, а нет, так и продолжайте, спите, хоть до обеда — живите на свете просто так, бес смысла! — У меня на душе было хорошо. Здесь в Щурово я находился в доме, знакомом мне с детства. Рядом на кухне хлопотала мать. Она за меня молилась и молится. Благодаря ней, я остался жив и могу радоваться жизни — писать эту самую жизнь. Для этого у меня достаточно сил и желания. Я член Союз писателей. У меня вся жизнь впереди.

Глава 23

Мать сразу заметила мое приподнятое настроение и обрадовалась. Значит, ночь прошла хорошо. Выспался.

Я под слова матери, что овсяная каша очень полезная съел полную тарелку «размазни».

Дочь и ее друг, вернулись из сада, кашу есть не стали, ограничились чаем и бутербродами с колбасой, сыром, маслом. После небольших посиделок, мы отправились к Федору, дом, которого находился в центре Щурово. Родительница не хотела нас отпускать, но понимала, что мне не терпится посмотреть на свояченицу Валентину — жену брата Федора и мальчика — Саньку, побывавших вместе со мной в дорожно-транспортном происшествии. Узнать о их самочувствии не на словах, а воочию.

Брат нас встретил у ворот: мать не утерпела и сразу же после нашего отъезда известила его по телефону. Она часто звонила. Федор звонки принимал, как сыновний долг, а вот невестку Валентину они выводили из себя. Она не всегда брала трубку, порой, заслышав голос свекрови, тут же ее швыряла. Правда, Валентина за собой не замечала того, что сама порой довольно часто звонит и звонит сыну Владиславу в Москву на дню ни один раз, вынуждая его также бросать трубку и даже отключать телефон.

Мы поздоровались и прошли во двор, а затем уже и в дом. На пороге нас встретила жена брата Федора, Санька и еще какой-то мальчик лет двух. Это я решил из того, что он крепко стоял на ногах.

Я подхватил Саньку на руки:

—Ну, как ты? — спросил я у мальчика.

—Ничиво, — ответил он. Я осмотрел его: на лбу вырисовывался еле заметный шрам, и опустил на пол, затем тут же, подхватил другого, и спросил у него:

—Мальчик-мальчик, как тебя зовут?

—Алеша, — тихо пролепетал он. Я погладил его по головке. Уж очень он выглядел беззащитным — брошенным, никому не нужным.

—Это чей? — спросил я, держа мальчика на руках.

—А, ничей, — просто без обиняков ответила мне жена брата. — Хочешь, бери его себе. Отдам.

—Не говори глупости, — тут же влез в разговор Федор, забрал у меня Алешу и поставил его на ноги. — Это сын Оксаны, нашей бизнес-леди, погибшей на дороге под Рюковичами. Торговала она там, ее сбил то ли хохол, то ли молдаванин, убегавший от таможенников, на повороте зацепил автомобилем, даже не мучилась — на смерть. — Я, не удержался и ахнул, по-новому взглянул на малыша: его держала на руках Елена Прекрасная, рядом стоял Юрий Александрович и тряс ручку мальчика.

—Привет, Алеша! Привет! — говорил он.

—Пливет, — отвечал ребенок и зыркал светлыми глазками. Он не боялся чужих людей и не понимал, что происходит.

—Ладно, она погибла, но тут и ее мать... слышал, что в Фовичах случилось? — Я кивнул головой, и Валентина продолжила: — Надо же было ей поехать в тот день. Прибежала ко мне, кричит: «Валентина, Валентина, посмотри за мальчиком, смотаюсь к дочке, там у нее маленькая заболела, а муж на заработках в Москве, ну и смоталась..., — сказала Валентина и надолго замолчала.

—Думаешь, Владислав зря приезжал? Автомобиль оформлять, да? — спросил Федор и продолжил: — Он

выполнял важное задание. Вот так. Облаву в доме Оксаны устроил. Этот, Черный, ключи то из сумки ее матери вытащил, вот пытался забраться в дом. Грабить он не на «Жигуленке» приехал…

—На «БМВ»? — спросил я.

—Да, на «БМВ» и не один, а с подельником. Так вот подельник опасность раньше почуял, успел забраться в автомобиль и по газам, а этот убийца проклятый, дверь распахнул, держится за нее, бежит, только хотел запрыгнуть… — видел у нас возле дома телеграфный столб, так вот дверь как шандарахнет по этому столбу и он завалился. Тут Владислав с помощником подоспел, скрутили руки… Вот такие дела, браток. Этот год у нас урожайный на смерти, — и Федор принялся перечислять, загибая пальцы, кто еще умер в Щурово.

—Ладно, не стращай гостей, идемте на кухню, хотя раз вы пришли, проиграйтесь с детьми, а я сбегаю к Оксане, возьму для ребенка что-нибудь из одежды и обуви, а то уже становиться жарко…

—А можно и я с тобой схожу? — Мне было интересно увидеть жилище своей подопечной, а то, что это была она, сомнений уже почти не оставалось. Много явных совпадений.

—Да отчего же нельзя, можно. А раз ты идешь, то пусть и Юрий Александрович с нами сходит. Может ты с ним, кроватку перетащишь, спит ребенок то здесь, то там, нет своего места. Я давно собиралась перенести ее, да все не досуг.

Я и Юрий Александрович отправились за Валентиной. Она повела нас через двор, в заборе была калитка.

—Да, тут и ходить далеко не нужно, удобно, — констатировал я. — Раз и там, раз и здесь.

—Ой, ключ от дома забыла, — воскликнула жена Федора и быстро побежала назад в дом. — Вы идите, — крикнула она, — у дверей меня подождете. — Я пошел, за мной следом друг Елены Прекрасной. Мы быстро оказались у дома. Дверь была открыта. Замок с вложенным ключом лежал на крыльце.

—Ну, что подождем Валентину Максимовну или зайдем, — сказал я, и отчего-то тут же не дождавшись от спутника ответа, взялся за ручку двери, открыл и вошел. Юрий Александрович последовал за мной. Мы осмотрели прихожую, затем прошли в зал и остановились у фотографий. Их было много. Одни в больших рамках висели на стенах, другие стояли на столе, на комоде, на трюмо и даже были такие, которые висели на булавках, приколотые к стене.

В ожидании свояченицы я глазел на фотографии, Юрий Александрович тоже. Неожиданно он меня напугал своим криком:

—Ой, да это же Алексей Григорьевич Коколев! Это мой бывший генеральный директор. — Я оглянулся. Друг дочери тут же дополнил: — Он, месяца два назад погиб в автокатастрофе

Крик Юрия Александровича услышала Валентина на пороге дома и бросилась к нам, с возгласом:

—Что случилось?

—Я тут, Валентина Максимовна на комоде нашел фотографию своего директора. Да, вот она. — Друг Елены Прекрасной взял со стола отлично выполненное фото в красивой рамке. А вот эту фотографию, то есть такую же, — он показал на стене, — я видел на рабочем столе у него в кабинете, — тут же сообщил Юрий Александрович.

—Это, Оксана, моя подруга! — ответила жена брата и

добавила: — Странно. Хотя ничего странного в этом нет, у нее был жених из Москвы, важный такой, начальник какой-то. Я не знаю кто? Алеша, — это сын того московского…. Правда, она мальчика от него скрывала, не показывала, боялась, что вдруг они рассорятся, и тогда придется делить. Сейчас молодых не поймешь. Они не предсказуемые. — Немного помолчала и продолжила: — Помню, Оксана говорила ему: «это мой сын, мой и ничей. Ты понял?» Он в ответ кивал головой. Но ей не верил.

Все начали скрупулезно рассматривать вещи в комнатах, пытаясь найти то, что указывало бы на взаимоотношения Оксаны Игоревны Козырь и Алексея Григорьевича Коколева, и так увлеклись, что совсем забыли о мальчике.

—Ой, я же пошла на минутку, а задержалась надолго. Нас уже, наверное, хватились. Да и мальчики… Лена, там не справиться с ними. Все, идемте. Кроватку в другой раз перенесем. Я возьму для Алеши… — свояченица, торопливо покопавшись в шкафу, выбрала штанишки, рубашонки, носочки…. Да и вот эти ботиночки. — Валентина подняла с пола обувку. Увидев на стуле пакет, забросила все в него с возгласом: —Дома разберусь. Идемте. — Мы вышли за двери, жена брата закрыла дом на замок, поругав себя за безалаберность: — Надо же, всю ночь, дверь была настежь, всю ночь, а вдруг бы снова воры… — и, не договорив, побежала через калитку домой, мы торопливо за ней, к ожидавшим нас Федору, Елене Прекрасной, Саньке и Алеше, у которого теперь в случае если наши догадки подтвердятся и история рождения окажется правдой появится родная бабушка в Москве.

При возвращении в дом Федора Владимировича и Валентины Максимовны мы все иначе взглянули на

Алешу. Я снова взял его на руки. Пытался рассмотреть. Не только я искал черты сходства мальчика с Коколевым, — фотография была у нас, — но и Валентина Максимовна и Юрий Александрович, а после рассказанного Федору Владимировичу и Елене Прекрасной неожиданной новости, то и они окружили мальчика. Долго всматривались и решили, что для пущей точности можно сделать и генетическую экспертизу. Бабушка, после смерти сына, унаследовала фирму, она дает доход и денег ей хватит, чтобы подтвердить или же отвергнуть родство мальчика.

По воспоминаниям Валентины Максимовны и Федора Владимировича, моего брата Оксана и москвич встречались года три-четыре.

—Я выходил во двор покурить и слышал, как они у забора шушукались. Да, ты, Валь, помнишь, ни один раз пропускала его — этого длинного через нашу калитку. Он одно время свою крутую тачку возле нашего дома ставил, чтобы не привлекать внимания людей и не позорить Оксану.

—А мать ее, женщина строгая, старых взглядов, следила за дочерью, — торопилась сообщить нам Валентина Максимовна: — Обычно всегда кричала на Оксану: «Вот распишешься, тогда живи, иначе не смей!»

Юрий Александрович рвался позвонить матери Алексея Григорьевича Коколева и сообщить ей новость, но, взвесив все за и против, решил не торопиться, так как известить Наталью Алексеевну можно было и по возвращению в Москву. Для пущей значимости мальчика можно было сфотографировать и привезти бабушке снимки, а также показать матери фото в рамке ее сына. Однако, Валентина Максимовна неожиданно возразила:

—Нет, фото в рамке — это подарок этого… длинного из Москвы, моей подруге Оксане. Пусть оно остается, где стояло. Я его отнесу и поставлю на место. Может, мать этого вашего Коколева, как его имя? — спросила Валентина Максимовна. — Алексей Григорьевич, — тут же поспешил ответить Юрий Александрович. — Этого Алексея Григорьевича пожелает увидеть все, как есть и приедет в Щурово, то я предоставлю ей возможность осмотреть дом и найти вещи сына. Они наверняка есть в доме Оксаны Игоревны Козырь, даже у нас где-то валяется его ветровка. Вот так!

—Я, сейчас принесу ее. Я знаю, где она висит, — сказал Федор, затем обратился к Юрию Александровичу: — Хотите, заберите ветровку с собой, в Москву на опознание матери, этого длинного москвича… — он запнулся, затем, несколько засмущавшись, пришел в себя и сказал: — Алексея Григорьевича.

—Я думаю, — дополнила речь Федора, Валентина, — что в доме у Оксаны есть еще его вещи. Он ни раз предлагал ей выйти за него замуж и перебраться жить в Москву, но она тянула время, не соглашалась, не хотела бросать мать. Мария Ивановна, давно рвалась переселиться к младшей дочери в Фовичи. Муж ее часто пропадал в Москве на заработках, и ей было тяжело одной воспитывать детей. Моя подруга, словно чувствовала неладное, а то бы давно обустроила свою жизнь, давно. Мне часто приходилось слышать ее перебранки с Алексеем Григорьевичем — длинным по-поводу судьбы мальчика. Он говорил ей: ну и что, оттого что у тебя мальчик. Я усыновлю его. Да он возможно мой. Мы, начали встречаться…, — и принимался подсчитывать месяцы, дни и тогда Оксана поцелуями закрывала ему рот,

чтобы он не смел и думать, о том, что мальчик это его сын. — Мой, кричала она, мой! Я родила. — Он смеялся и она тоже.

От брата я, Елена Прекрасная и Юрий Александрович уехали поздно, после не одного телефонного звонка матери. Она требовала, чтобы мы приехали:

—Ну, разве можно так, приехали ко мне, а уже пятый час, а то и больше пропадают где-то…

—Ни где-то, а у Федора, — сказал я и сообщил, что уже едем. — Затем добавил: — Мы тут мальчику сиротке родственников подыскивали, приедем, расскажем, что и как в мельчайших подробностях.

Елена Прекрасная и ее спутник побыли у бабушки три дня. Мать Коколева вызвала Юрия Александровича телефонным звонком в Москву. Он был необходим для подписания подготовленных юристом договоров.

—Юрий Александрович, мы с вами ходили к нотариусу, где я как наследница сына дала вам право исполнять функции генерального директора. Вы директор, а не я, — в сердцах сказала Наталья Алексеевна. — Без вас дело стоит, так что приезжайте. Я жду вас, немедленно.

—Наталья Алексеевна, вы о моем отъезде знаете, я здесь оказался неслучайно, вас ждет сюрприз. Мне такое стало известно, такое… — и, увидев, что я и Елена Прекрасная машем ему рукой, требуем, чтобы он не говорил, Юрий Александрович запнулся: —Наталья Алексеевна, сообщу по приезду. Все. Больше ни слова. Завтра буду в Москве. Ждите!

Юрий Александрович отправился в столицу вместе с моей дочерью Еленой Прекрасной. Я отвез их на станцию на своей «Ласточке». При посадке на поезд новый генеральный директор увидел Олега, работника Коколева.

Он с ним был знаком. Я подумал, поедут втроем.

В тот же день после моего возвращения мать мне сказала:

—Хороший парень, этот Юра, очень внимательный. Да и Лена у нас хоть куда. Такая… в девках не засидится. Найдет своего. Да уже вот и нашла.

—Нашла, — ответил я. — Это она тебе привезла его на смотрины, чтобы ты одобрила ее выбор.

—Да, я одобрила. Мы с нею долго разговаривали. У нее все будет хорошо. Я это знаю. Старому человеку достаточно раз взглянуть, чтобы заключить, что и как будет. Не зря же прожито много-много лет на этом свете. Не зря…

—Мам, а как ты думаешь, мальчик, находящийся на попечении Валентины — это продолжение любви Оксаны Игоревны и Алексея Григорьевича, молодых людей, которые погибли?

—Да, их продолжение. Я видела этого мальчика. Федор однажды привозил его ко мне. У него такие глаза, такие глаза…. Я думаю, что очень скоро сыщется бабушка, вот кот Пушок не зря старается, намывает гостей, да и Рыжик от него не отстает. Так что готовь машину, поедешь завтра или послезавтра на станцию встречать гостей.

Мать оказалась права: вечером позвонил Юрий Александрович и попросил забрать с поезда Наталью Алексеевну, при этом назвал номер вагона, описал пожилую женщину и сообщил: «Она, взяла с собой большие яркие шары, надутые легким газом — гелием, — подарок для мальчика и еще для того, чтобы выделиться среди людей. Вы ее по этим шарам и узнаете». «Конечно, узнаю, — ответил я. — Все будет нормально, не беспокойся, я встречу!» — и дал отбой.

Не хотела Наталья Алексеевна оставаться на старости лет одинокой женщиной. Она, нашла для себя много всяких доказательств, чтобы признать Алешу внуком и что глаза у него такие, как у ее сына, и нос и подбородок, и цвет волос….

—У ребенка имя моего сына, неспроста она назвала его Алешенькой, неспроста. Оксана любила его, и точка, — констатировала Наталья Алексеевна.

Мальчика можно было забрать. Валентина Максимовна отдавала его, да и администрация в сельском совете была не против, однако председатель потребовал, чтобы Наталья Алексеевна оформила все официально — стала опекуном. А для этого на ребенка необходимы были документы. Чтобы их найти мы должны были обыскать дом — перевернуть все вверх дном.

—Не удобно обыскивать чужой дом, не удобно. Я сама не могу, вот не могу и все! — сказала Наталья Алексеевна и посмотрела на мою свояченицу Валентину, на моего брата Федора, и на меня.

—Да, ладно вам. Может быть, дом уже и не чужой, а ваш. Но это в случае, если Алеша вам внук. На лето будете приезжать с мальчиком как на дачу. Отдыхать. — Валентина Максимовна сделала паузу и сказала: — А то, что обыск делать не удобно. Оно понятно. Но разрешения здесь нам никто не даст. Некому! Так что давайте приступать. — Для моей свояченицы пересилить себя было нетрудно. Она часто бывала в доме своей подруги Оксаны Игоревны, затем родственников у нее не осталось, можно было копаться везде и всюду, в шифоньере, в столах, в комоде, трюмо, даже лазать по карманам одежды. Ничего не сделаешь.

—За работу, если так можно сказать, — с трудом,

вытолкнула из себя слова моя свояченица. И мы приступили.

Я осмотрел подоконники, случайно оказавшиеся на них книги. Брал по одной и перетряхивал страницы. Нашел несколько любовных записок от Алексея Григорьевича, адресованные Оксане Игоревне. Больше ничего.

Наталья Алексеевна осмотрела поверхность стола и содержимое его ящиков. Федор открыл шифоньер и надолго застрял на нем.

Документы нашла Валентина Максимовна. Она знала Оксану, как никто другой, возможно это ей и помогло. Моя свояченица устроила самый настоящий обыск. Женщина вначале нашла в тумбочке под телевизором сумочку с документами, а затем среди бумаг важных и ничего не стоящих увидела свидетельство о рождении мальчика. Открыла корочку, заглянула и тут же всплеснула руками:

—Ну и Оксанка, ну и Оксанка, она ведь с пеной у рта кричала, доказывала вашему сыну, что ребенок только ее и ничей более, а сама записала мальчика на него, чин чином. Не знаю уж, каким образом, ведь для такой записи нужен был паспорт Алексея Григорьевича. Правда, он его от нее и не прятал. Однажды, даже мне показывал и говорил: «Вот видите, я не женат, и могу жениться на Оксане». — Валентина Максимовна вздохнула, потрясла свидетельством и продолжила: —Это вот бумага, меняет все дело. Вам, Наталья Алексеевна не нужно доказывать, что Алеша ваш внук. Вот смотрите записано. То, что надо. Нам теперь и сельский совет не указ!

—Слава Богу, слава Богу, — запричитала Наталья Алексеевна, рассматривая свидетельство. — Мой внучек, мой. Мне есть теперь о ком заботиться. Я снова обрела смысл жизни.

Наталье Алексеевне Коколевой, для того чтобы мальчик к ней привык, необходимо было время, дней пять она прожила у Федора Владимировича и Валентины Максимовны. Мои родственники не гнали женщину, однако она часто причитала, что стесняет их своим присутствием, и постоянно извинялась.

Наконец настал день отъезда в Москву. Для того чтобы Алешенька не чувствовал себя одиноко и легче согласился на отъезд — Щурово был его дом — моя свояченица решила тоже поехать с ними и отвезти Саньку. Его необходимо было отдавать в детский садик. Выделили место.

—Алешенька ты поедешь в Москву, поедешь? С нами и Санька поедет с бабушкой Валей. Они будут рядом, — говорила Наталья Алексеевна. — Может и дядя Федя выберется. У нас квартира большая. Всем места хватит.

— Нет, Алешенька я не поеду, работать нужно, — тут же влез мой брат. — На почте дел вагон, а вот дядя Сеня может отправиться куда угодно. Он пенсионер. — Мой брат своими словами подтолкнул женщин и они на меня навалились, скоро я был вынужден сдаться. Однако долго сопротивлялся и изъявлял желание отправиться на машине, но меня никто не поддержал: только на поезде и никак не иначе.

—Ну, вот, — сказала мать, — приехал и уже уезжаешь. Снова я останусь одна. Надолго ли?

—Нет, конечно, нет. Ты же знаешь, я собираюсь благоустраивать дом: покрасить стены, поставить забор, да и еще многое другое сделать, чтобы тебе легче жилось. Мне задерживаться в Москве не следует. Я туда и назад.

—Позвони Александру, попроси его подвезти вас, — посоветовала мать. — Не на автобусе же до станции

добираться?

Я договорился с двоюродным братом. На следующий день за два часа до отправления поезда он заехал за нами, и мы отправились в путь.

Александр возил Федора на место ДТП, затем забирал Саньку и Валентину Максимовну — мою свояченицу из больницы. Его услугами пользовался не только мой брат, но и я, особенно часто, когда у меня не было автомобиля. Он никогда не отказывал.

Всю дорогу Александр говорил:

—Сеня, ты удачно отделался: руки, ноги целы, да и …, — он заглядывал мне в лицо, — не пострадало.

Свояченица ему вторила и просила, чтобы он только не гнал машину, кивая при этом на детей и на Наталью Алексеевну. Они расположились на задних сидениях. Детских кресел не было. Александр ее понимал и, разогнав машину, начинал снижать скорость, затем, снова увлекшись, увеличивал ее. При подъезде к Фовичам он сказал:

—Здесь такое произошло злодейство, и кто совершил? Один из моих случайных знакомых — кавказец. Правда, если бороду ему приклеить, никакой он не кавказец — вылитый Хотаб. У нас он получил прозвище — Тарзан. Этот человек, хотя какой он человек — слез с дерева, или же спустился с гор. Одним словом Тарзан. Я ни раз подбрасывал его до железнодорожной станции и назад в Фовичи, возил и его друга, чью семью он вырезал.

У меня где-то в кармане был фоторобот и я, покопавшись в пиджаке, достал распечатку, развернул ее и показал Александру. Он, вел автомобиль и поэтому, бросив мельком взгляд, сказал:

—Это, это Тарзан. Возможно, я не прав, ошибаюсь.

Покажи-ка еще раз. — Я снова поднес к глазам Александра фоторобот.

—Да, это он! — подтвердил двоюродный брат. — Ошибки тут не может быть. Только что меня смущает в этой распечатке. Я его узнавал по ушам, а на ней их не видно: прижаты шапочкой... Откуда у тебя эта бумажка? — спросил Александр. —Что он и в столице «засветился»? — Я сразу не ответил. Тут же уставился в фоторобот. Надо же сто раз смотрел и не видел. Нужно было просто пририсовать уши и все... не зря в народе существует выражение: «вот откуда уши растут».

—Александр, это случайно не тот тип, которому ты помогал перевезти телевизор... Ну, ты меня однажды забрал со станции, не помнишь? — сделал паузу. — Мы уже собирались уехать, как вдруг неожиданно подскочил какой-то грузин или ..., ну словом, лицо кавказской национальности и прицепился. Стал тебе большие деньги совать...

—Да это он! — ответил мне двоюродный брат. — Тарзан!

—О ком вы говорите, о каком Тарзане? — влезла в разговор Валентина. — Об убийце, вырезавшем всю семью? — Но ни Александр, ни я ей не ответили.

—Так вот этот Тарзан, случайно остался жив, не погиб, — сказал я, — он где-то здесь, возможно даже в Фовичах. Только теперь он в твоих услугах не нуждается, он ездит на БМВ, не то, что ты на нашей тачке. Вот так!

—Я все понял, нужно быть осторожным, — ответил двоюродный брат и нажал на акселератор. — Он вернулся в Фовичи за своими большими деньгами... Вот бы их найти?

—Они кровавые, — сказал я. — Не нужны нам эти

деньги, не нужны!

Мы в Москву приехали рано утром. Нас встретил Юрий Александрович. Он с моей дочерью купил машину и не мог нахвалиться ее видом и комфортной ездой. Мне автомобиль тоже понравился.

Это была их первая поездка так далеко — на киевский вокзал. Они до этого выезда на новой машине далее метро не забирались. Бросали автомобиль и в подземку. Все из-за пробок. Иначе на работу не успеешь, опоздаешь, ну если только к обеду…

Юрий Александрович отвез Наталью Алексеевну и ее внука Алешеньку, дом ее оказался на пути следования, затем я попросил его отвезти свояченицу с Санькой, сам домой попал последним.

Друг Елены Прекрасной уехал, я поднялся в свою квартиру. Дорога меня расслабила, не терпелось завалиться на кровать и как следует выспаться — отдохнуть.

Дома никого не было: жена была уже на работе. Я разминулся с нею, опоздал на пять минут не больше.

Добраться до постели мне не дали: неожиданно зазвонил телефон, и мне пришлось взять трубку:

—Алло, я вас слушаю.

—Семен Владимирович, здравствуй, это тебя беспокоит Юрий Александрович. Ну, ты что там для себя решил, надумал, идешь ко мне на работу?

—Юрий Александрович? — вопросительно пролепетал я, не понимая, кто это такой. У того, который меня доставил до дома, голос был другой. Да я с ним о работе и не разговаривал.

—Ты, что не узнал меня? Значит, богатым буду. Для бизнесмена это хорошо, — снова раздался голос в трубке.

И до меня дошло: это мой герой книги о новых русских. Товарищ по институту. Тот, у которого я однажды имел возможность работать.

—Узнал, узнал. Книга о тебе почти готова. Назвал я ее «Оазис». Занимаюсь редактированием и правкой. Ты в ней получился на славу. Что я скажу: ты мной, как и после прочтения первой книги, будешь недоволен. Но это уже не исправить, потому что у меня появился еще один Юрий Александрович. Он тоже новый русский. Чем он отличается от тебя? Он молодой, а ты старый. Ты не хочешь меняться, да и уже и не сможешь. Ты такой, какой есть и это твое плохое качество. Тебя даже не исправит молодой внебрачный сын, которого я для тебя «нарисовал» в книге «Оазис». Знай это. Не исправит.

—Откуда ты узнал о сыне? — завизжал Юрий Александрович. — Откуда. Кто тебе наболтал?

—Ну ладно, время у нас еще будет, поговорим. До свидания, — перебил я мощный поток его слов, и бросил трубку. Я бросил, не он.

Минуть через пять, мой товарищ перезвонил, — он заинтересовался книгой о себе, но я звонка его уже не услышал. Я лежал на кровати, глаза у меня были закрыты, меня обволакивала темнота и крутилась мысль: попал куда-то в один из миров Андрея Пельмина, но что это, до меня донесся знакомый негромкий сухой голос:

—Семен Владимирович, где вы? — никак Федор Михайлович Достоевский. Достаточно только подумать и вот…

— Вы меня желали видеть? — спросил классик.

—Да, Федор Михайлович, тут такое случилось, такое. Я на пути следования из Брянска в Щурово за Мамаем наблюдал на дороге автомобиль «БМВ» и в нем Черного

человека. Он торопился к границе…

—Все понятно, Семен Владимирович, — прервал меня Достоевский. — Это один из беглецов, которого упустили Луканенко и Пельмин, после чего этот тип оказался на первой ступени, как говорится: кости обросли плотью. Он засветился не только в Фовичах, очень опасен, очень…. Да, вы уже знаете о том. Я отправлю вам через Ивана Сергеевича фоторобот. Не в службу, а в дружбу подбросьте его нашей доблестной милиции, например, своему племяннику. Он уже, наверное, капитан?

—Да, капитан! — ответил я и согласился выполнить просьбу классика, но, вспомнив о распечатке, имеющейся у меня в кармане и рассказе младшего брата, сообщил Федору Михайловичу, что Владислав с ним лично знаком, участвовал в поимке. Он даже имеет информацию о гибели Черного человека, оттого я не знаю, как мне сообщить о его воскресении.

—Семен Владимирович, скажите племяннику, что это его двойник и он также повинен во всех грехах, может даже и больше, чем убитый подельник. Вот так!

Тут же после Достоевского на меня вышел Игорь Луканенко и попросил меня о встрече и ни где-нибудь, а на Останкинской башне. Я в ответ угукнул ему и отправился в свою резиденцию. Писатель прибыл ни один. У входа рядом с ним я увидел персонажа его книги — Кирилла Максимова. Тот носком туфли ковырял землю.

—Принимай, гостей, — сказал Луканенко и поздоровался, следом за ним меня поприветствовал и таможенник. Мой коллега в лифте при подъеме наверх сообщил мне, что присутствие Максимова здесь неслучайно.

— Таможня Максимова привязана к Останкинской

телебашне. Твоя, башня идентична ей, значит, совместима с нею и оттого у моего героя будет предостаточно сил, он легко справится с Черным человеком. Для нас сейчас важно лишь одно — найти его.

Достигнув верха и оказавшись на «седьмом небе», мы стали всматриваться в горизонт в поисках «БМВ» и вот недалеко от Рюковичей я увидел черный автомобиль и что есть мочи закричал:

—Вот он, вот!

—Максимов, ты видишь? — спросил Игорь Луканенко. — Видишь?

—Вижу, но я не достану эту машину, мне просто нечем. Я же не знал цель этой поездки, — бросил таможенник автору и продолжил: — Нужно какое-то оружие или металлический острый предмет… — Мы начали шарить по карманам. Я в одном из своих обнаружил нож, подарок кузнечихи Василисы.

—Кирилл, у меня есть нож, он может быть использован? — спросил я и протянул его Максимову. Он взял, покрутил в руках:

—Знакомая вещица, а почему бы и нет! — ответил таможенник, и вдруг резко с силой метнул его в черное пространство. Он полетел огненной стрелой и вонзился в бак хорошего дорогого автомобиля, раздался мощный взрыв. Я подскочил. С Черным человеком было покончено.

Прошло несколько дней, и я после свадьбы Елены Прекрасной и Юрия Александровича уехал к матери. В Щурово я принялся благоустраивать дом и усадьбу, прежде всего я занялся покраской дома и созвонился с одной фирмой для подводки к дому воды. А еще мне необходимо было поставить забор. Работы хватало. Но я не унывал. Меня подбадривали мой наставник Иван

Сергеевич Тургенев. Я часто захаживал к Федору Михайловичу Достоевскому. Бывая в усадьбах этих великих людей, я не только говорил о писательской деятельности, но что-то брал для обустройства своей усадьбы. Останкинскую башню я не забывал, часто навещал, занимался своими подопечными, а еще правил и правил свое «Дворянское гнездо». Мне хотелось, чтобы мои книги о новых русских: «Разрешаю любить или все еще будет» и «Оазис» были как единое целое, а для этого над ними и первой и второй необходимо было поработать.

Ко мне на высоту захаживали мои коллеги писатели: Андрей Пельмин, Игорь Луканенко и Василий Голвачов мой земляк. Он однажды разыскал меня в Щурово и посмотрел на мои труды. Остался доволен моим гостеприимством. Долго жал мне руку при прощании.

Москва, Чуровичи, август, 2011г.